

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Отдел средневековой истории

**ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Выпуск 4

Казань – 2014

ББК 63.3(235.54)

И 32

Редколлегия:

*И.К. Загидуллин (сост. и отв. ред.),
Л.Ф. Байбулатова, И.З. Файзрахманов*

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья:
Сб. статей. Вып.4. – Казань: Изд-во «ЯЗ», Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 240 с.

В сборнике статей представлены последние научные изыскания сотрудников и аспирантов отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан и их коллег.

На обложке: здание бывшего Оренбургского магометанского духовного собрания. Фото сер. XX в. Уфа, современная улица Тукаева, д.50.

ISBN 978-5-98688-022-8

© Институт истории АН РТ, 2014

© Авторы, 2014

© Изд-во «ЯЗ», 2014

Комплектование татарами-казаками Оренбургского казачьего войска в докантонный период

Данная статья посвящена комплектованию Оренбургского казачьего войска татарами-казаками в докантонный период (1735–1797 гг.), уделяется внимание вопросам расселения, социальному статусу татар-казаков.

Ключевые слова: Докантонный период, нагайбаки, новокрещёные тептяри, Оренбургская пограничная линия, Оренбургское казачье войско, Приуралье, татары-казаки, XVIII век.

В период правления Петра I и последующие десятилетия Приуралье превратилось в основной пункт миграции из Среднего Поволжья.

Основными причинами массовых переселений татар стали возросший налоговый гнет, бесчисленные повинности населения, политика насильственной христианизации в Среднем Поволжье.

Д.Н. Денисов в формировании татарского населения Оренбуржья в XVIII в. выделяет два этапа. 1-й этап (30-е – 70-е гг. XVIII в.) характеризуется широкомасштабным освоением региона, миграции контролировались как со стороны государства, так носили и вольный характер. 2-й этап определяется 1780–1820-ми гг. Автор обосновывает это тем, что во время Пугачёвского восстания 1773–1775 гг. население Оренбургской губернии резко сократилось, и как следствие с 1780-х гг. начался новый поток переселенцев татар из Среднего Поволжья, важной особенностью данного периода являлось то, что миграции носили вольный характер, правительство относилось к этому спокойно, и было заинтересовано в росте числа переселенцев ввиду опустошения пограничников на линии. Причину миграций татар в выделяемый им второй этап Д.Н. Денисов связывает с тем, что бывших служилых татар-лашман Буинского и Спасского уезда использовали для заготовки и вывозки леса для строительства флота, что подрывало крестьянское хозяйство татар¹. Что касается численности татар Д.Н. Денисов, ссылаясь на Д.М. Исхакова, пишет, что в

---

¹ Денисов Д.Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). – Оренбург, 2006. – С.54, 96.

1762 г. количество татар, проживавших на территории Оренбургского уезда, составляло 8694 чел.²

В период между 2-й и 3-й ревизиями (1747–1765 гг.) Оренбургскую губернию пополнили 34890 чел. среди них татар насчитывалось 18300 (52,5% от общего числа)³. Вторая половина XVIII в. не отличается крупными миграциями, причём закон от 21 июля 1765 г. запрещал набирать для поселения в Оренбургскую губернию казанских и астраханских татар. Массовая волна миграций на территорию современной Оренбургской области из Среднего Поволжья могла вызвать ослабление в районах выхода переселенцев, что, безусловно, требовало уменьшения мощного миграционного потока татар⁴.

Сведения, предоставляемые Д.Н. Денисовым, Ю.С. Зобовым, Д.М. Исхаковым, содержат информацию о динамике численности татар в Приуралье. Как известно в XVIII в. данный регион отличался наличием разных социальных групп татар, («ямские татары», «сеитовские татары» представленные в докантонный период в основном купцами и крестьянами, ясачные татары, тептяри). Из числа этих социальных групп населения комплектовалось Оренбургское казачье войско.

Как известно, в первой трети XVIII века в казахских жузах наблюдался военно-политический кризис. «В 1731 г. Младший Жуз казахов обратился к России с предложением о своём подданстве. Воспользовавшись этим обстоятельством, обер-секретарь Сената И.К. Кирилов представил в правительство предложение об организации военно-политической экспедиции на юго-восточную окраину России»⁵. Так возникла идея создания Оренбургской экспедиции, которая должна была стать плацдармом в достижении этой цели. При задумке проекта не исключался вариант присоединения в перспективе степных территорий⁶.

---

² Там же. – С.94.

³ Зобов Ю.С. Участие крестьян Среднего Поволжья в заселении Оренбургского края в XVIII веке // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. – Чебоксары, 1982. – С.50.

⁴ Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа. (XVIII – начало XX вв.). – Казань, 1993. – С.61.

⁵ Акманов И.Г. За правдивое освещение истории народов (Замечания к книге В. Имамова «Запрятанная история татар», Набережные Челны. 1994 г.). – Уфа, 1995. – С.42.

⁶ Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735–1736 гг. – Уфа, 1977. – С.23.

Появление Оренбургской экспедиции, с 1737 г. – Оренбургской комиссии (до 1744 г.) и начавшееся в 1735 г. башкирское восстание привели к интенсивному формированию иррегулярных частей в Оренбуржье.

На сегодняшний день существует несколько мнений относительно даты основания Оренбургского казачьего войска. Например, оренбургский историк В.Л. Савельзон ссылается на императорский указ от 23 сентября 1912 г.⁷, в котором годом основания назван 1574 г. («присвоено старшинство»)⁸. Здесь подразумевается дата постройки острожка Уфа.

27 июля 1744 г. был издан «указ о зачислении в Оренбургское казачье войско всех пришельцев, поселившихся в крепостях Оренбургской губернии»⁹. Но всё же мы считаем, что датой создания Оренбургского казачьего войска является 24 мая 1748 г., когда по определению военной коллегии было объявлено о включении всех казачьих частей Оренбургской губернии в «Оренбургское нерегулярное войско». Атаманом войска был назначен В.И. Могутов¹⁰.

В формировании и развитии ОКВ в докантоновский период следует выделить два этапа: 1) с 1735 г., с основания Орской крепости. Начало второго этапа было ознаменовано появлением в 1755 г. штатного расписания ОКВ.

Первый этап (1735–1755 гг.)

В первый «безштатный период» в формировании ОКВ ключевую роль сыграли: 1) строительство крепостей и комплектование их первоначально военными служащими из представителей военно-служилого сословия. Поселенцам вновь образованных крепостей правительство обещало различные льготы не только в виде земельных угодий, но на первое время выдавало ссуды по 12 руб. на каждую семью, годовое жалованье за службу, которое составляло 5 руб., хлеб, рожь, овёс по 5 четвертей, предоставлялась безакцизная торговля следующими това-

---

⁷ ПСЗ–3. – Т. XXXII. – №38158.

⁸ Савельзон В.Л. В казачьем крае // Оренбуржье. – 2005. – 9 июня.

⁹ Витевский В.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Казань, 1897. – Т. I. – С. 288–289.

¹⁰ В.И. Могутов был утверждён в должности атамана лишь в 1755 г. (Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. – Челябинск, 1999. – С.38.).

рами: водка, пиво, вино, табак¹¹. Временные преимущества стимулировали миграционные потоки на неосвоенные земли Оренбургского края. 2) В 1736–1755 гг. на границе было построено более 40 крепостей – так сформировалась Оренбургская укрепленная линия протяженностью 1310 вёрст, укрепления которой строили, как правило, казаки, служилые люди различных сословных групп, русские крестьяне, башкиры, тептяри и бобыли, ссыльные¹². Все вышеперечисленные группы сыграли в дальнейшем важную роль в формировании ОКВ – на жителей населённых пунктов, расположенных в его округе, была возложена повинность по охране границы.

Важно подчеркнуть, что ОКВ стало первым казачьим войском, образованным «не по воле низов, а по указанию сверху»¹³. Обращаясь к вопросу первоначального состава ОКВ, можно утверждать, что «оренбургские казаки произошли от городских уфимских, исетских, самарских и частью уральских казаков, вышеуказанные группы, составляли на $\frac{3}{4}$ своего состава потомков этих казаков и лишь $\frac{1}{4}$ из всевозможных приписных разночинцев, дворянских, солдатских и драгунских детей, нагайбаков, татар, калмыков, мещеряков» и т.д.¹⁴

Под «татарами-казаками» ОКВ применительно к рассматриваемому периоду мы подразумеваем различные сословные, территориальные, конфессиональные и этнические группы тюрко-татар: мусульмане – ногайцы, тептяри, ясачные татары, служилые татары, (сельское податное население, крестьяне), мещеряки, православные – нагайбаки, новокрещённые из числа казахов, тептяр, ногайцев, татар и т.д.¹⁵

---

¹¹ Кривощёков А.И. Исторические судьбы Оренбургского края. Краткий очерк заселения и развития края. – Уфа, 1913. – С.24–25.

¹² Злобин Ю.П. Оренбургская пограничная линия в XVIII – первой половине XIX века // Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 70-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Сталинградской и Курской битв) / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург, 2013. – С.38.

¹³ Дубинин Е. Казаки из Сеитовской слободы // Идель. – №9. – 2008. – С.60.

¹⁴ Общее понятие об истории Оренбургского казачьего войска с приложением схемы и ведомости знакам отличий, высочайше пожалованным строевым частям Оренбургского казачьего войска. По М.И. Иванину, Ф. Старикову, П. Пастухову. – Казань, 1911. – С.5.

¹⁵ С введением Положения об ОКВ 12 декабря 1840 г. в него вошли ичкинские татары пос. Трёхозёрка.

Татары-нагайбаки ОКВ. В 1735 г. вспыхнуло Башкирское восстание. Повстанцы боялись, что Оренбургская экспедиция завладеет вотчинными землями¹⁶. В ходе восстания понесли большие потери как русские, так и крещёные татары (нагайбаки)¹⁷, которые приняли участие в подавлении восстания¹⁸. Как результат 11 февраля 1736 г. по именному указу, данному генерал-лейтенанту Румянцеву и статскому советнику Кирилову, с нагайбаков за их верную службу был снят ясак и они были определены в казацкую службу¹⁹. Им были выделены земли, принадлежавшие до этого башкирам, «на 50 вёрст во все стороны от их места жительства». Нагайбакская крепость была основана на месте башкирского поселения Нагайбак. В поселении было образовано «особое воеводское правление, а также были открыты цейхгаус, провиантские и соляные магазины»²⁰.

К 1760 г., кроме Нагайбакской крепости и села Бакалы, нагайбаки проживали в селениях: Малые (Старые) Усы, Дияшево (Зияшево), Новая Юзеева, Балыклы, Акманово (Ахманово), Сарашлы (Шерашлы), Кильво (Килеево), Илечево (Иликово), Кастеево (Костеево), Маты (Старые Маты)²¹.

Затрагивая вопрос формирования нагайбаков нельзя не упомянуть о том, что в 1752 г. в число нагайбаков были записаны представители различных этнических групп, так называемые выходцы из «киргизского плена» (в общей сложности 68 человек) в том числе 45 персиян, 12 аравитян, 3 бухарца, 2 каракалпака. Все новокрещёные были размещены неподалёку от Нагайбакской крепости среди деревень, в ко-

---

¹⁶ Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. – Свердловск, 1991. – С. 102.

¹⁷ Говоря о происхождении нагайбаков, их принято считать потомками ногайских татар, которые после взятия Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г., крестились, «записались в подушный оклад и переселились на свободные башкирские земли в Уфимской губернии». (Бектеева Е.А. Нагайбаки (крещёные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. – Вып. I–II. – 1902. – С.165).

¹⁸ Худобородов А.Л. Нагайбаки: Об этнических корнях и проблеме взаимодействия культур // Уржумка. – №1. – Челябинск, 1995. – С.28.

¹⁹ ПСЗ–1. – Т.IX. – №6890.

²⁰ Худобородов А.Л. Указ. соч. – С.28.

²¹ Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки (Комплексное исследование группы крещёных татар-казаков). – Казань, 1995. – С.13.

торых проживали нагайбаки²². В том же 1752-м году араба Ходжи Реджепова²³ крестили в Уфе и отослали на житьё в Нагайбакскую крепость. Примечательно, что для укрепления новокрещёных в православной вере в Нагайбакской крепости находился священник²⁴.

Новокрещёные-казаки сполна пользовались своими привилегиями, есть сведения о том, что они селились на башкирских землях без их дозволения, не платили оброк, покупая земли, не спрашивали разрешения всей волости и имели дело лишь с отдельными башкирами²⁵.

Необходимо сказать, что власти проводили политику увеличения нерегулярных людей новокрещёными инородцами не только на территории расселения нагайбаков.

В 1724 г. до полутора тысяч калмыцких семей приняли православие, продолжая жить по соседству с оставшимися в прежней вере сородичами. Между ними возникали конфликты, поэтому предводитель новокрещён Пётр Тейшин просил определить их на другое место жительства, в итоге указом императрицы Анны Иоанновны от 21 мая 1737 г. вдове Петра Тейшина Анне было разрешено переселиться с крещёными калмыками на земли между Волгой и «Новой Закамской линией»²⁶, где спустя год ими был основан г. Ставрополь

---

²² Аминов Р.Р. Освещение истории татар в Оренбургском казачьем войске в отечественной историографии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей. – Вып.3. – Казань, 2013. – С.4.

²³ Являлся выходцем из киргиз-кайсацкого плена.

²⁴ Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII. – М., 2004. – С.216.

²⁵ Там же. – С.217–218.

²⁶ Территория Новой Закамской линии начиналась от р. Самары (г. Кинель) достигала левого берега Сока (с. Красный Яр) и далее шла до районного центра Сергиевск, здесь земляные укрепления линии резко поворачивались на северо-восток, где через территории северо-восточных районов современной Самарской области (Исаклинский и Шенталинский районы) линия уходила на территорию Республики Татарстан и заканчивалась у р. Кичуй. Общая протяжённость линии составляла примерно 240 км. Хронологические рамки существования Новой Закамской линии определяются 1731–1735 гг. (Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. – 2-е изд., и доп. – Самара, 2005. – С.3, 5). Причина упразднения Новой Закамской линии видится нами в том, что правительство в 1735 г. приступило к построению и освоению крепостей на территории Оренбургского края, с этой целью создавалась Оренбургская экспедиция (с 1737 г.

(совр. Тольятти). Впоследствии здесь образовывалось Ставропольское казачье калмыцкое войско, в 1748 г. штат ставропольских калмыков должен был составлять 250 чел., калмыки были обязаны нести службу на Оренбургской линии²⁷. В 1842 г. Ставропольское калмыцкое войско было упразднено, а входившие в него 777 семей крещёных казаков-калмыков (1743 души м.п.) Ставропольского и Самарского уездов Симбирской губернии переселились на территорию Оренбургского казачьего войска в Новолинейный район²⁸. Таким образом, на стражу Оренбургской пограничной линии власти привлекали нагайбаков новокрещён из числа тюрко-татар и калмыков. Принятие православной веры и последующая запись в казаки повышало и улучшало их социальное положение.

Мусульмане в ОКВ. Теперь проследим особенности формирования татар-мусульман ОКВ до введения в Оренбургском крае кантонной системы управления (1798 г.).

Первым поселением, в составе которого присутствовали казаки-мусульмане, была Орская крепость, (первый Оренбург), которая была заложена 15 августа 1735 г.²⁹ У П.И. Рычкова мы находим сведения об этническом составе служивших лиц Орской крепости в 1760 году – около 50 казаков «почти все иноверцы»³⁰.

В том же 1735 году на правой стороне реки Белая в 85 верстах от Уфы³¹ была основана Табынская крепость, где было приказано посе-

---

комиссия) для защиты от нападений кочевников, по мнению властей Новая Закамская линия не отвечала требованиям освоения и развития степной территории Заволжья и Приуралья и присоединения земель Казахстана и Средней Азии. Современная территория Оренбургского края, как показало время, для решения этих задач была тогда предпочтительней в виду её более выгодного географического положения.

²⁷ Коротин Р.П., Павлычев И.Г., Пьянков И.Г. На рубежах отечества. – Оренбург, 2003. – С.61–62.

²⁸ Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. – СПб., 1843. – С.3, 4.

²⁹ Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты. – Оренбург, 1891. – С.46.

³⁰ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С.335.

³¹ Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии. – Оренбург, 1837. – С.123–124.

лить до 300 человек служилых мешеряков, казаков и ссылочных³². Местом выхода ссылочных была Казань³³. Численность казаков в Табынской крепости к 1741 г. резко снизилась вследствие ухудшения социально-экономического положения. Они находились в постоянных разъездах и посылках, выполняли казённые работы. Если в 1736 г. им выдавали годовое жалованье 5 рублей, позже выплаты прекратились. Результатом стал побег казаков из Табынской крепости (г. Табынска). Только по указу от 5 марта 1741 г. следовало восстановить выдачу жалованья табынским казакам, чтобы оставшиеся казаки (а их насчитывалось 69, не считая атамана, есаула, писаря, сотника, хорунжего и квартирмейстера) не покинули поселение. Также было объявлено о новом наборе казаков в Табынскую крепость³⁴. Учитывая вышесказанное и тот факт, что в поселении кроме казаков проживали купцы, солдаты, духовные лица, крестьяне (по V ревизии (1795 г.) жители были представлены государственными, дворцовыми, экономическими, а также приписанными к Авзяно-Петровскому заводу крестьянами³⁵, мы считаем, что к 1755 г. казаков из татар в Табынской крепости не осталось.

Несмотря на первоначальное присутствие татар-казаков мусульманского вероисповедания в поселениях ОКВ в ряде населённых пунктов их малочисленные этноконфессиональные группы были ассимилированы русским населением, либо они были переведены на другую территорию в связи с изменениями границ Оренбургского войска. Например, в Бузулукской крепости в год ее основания (1736 г.) насчитывалось 19 «уфимских татар и ногайцев»³⁶, в 1754–55 гг. наблюдался отток населения Бузулукской крепости в Нижнеозёрную³⁷ и вышеуказанные 19 татар могли оказаться в числе поселенцев, более того, позднее, согласно сведениям ревизских сказок

---

³² Войнов В. Правда об Оренбургском казачестве. // Отечество. Краеведческий альманах. – Вып. 1. – М., 1990. – С.207.

³³ Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. – Самара – Челябинск, 2008. – С.42.

³⁴ ПСЗ–1. – Т.ХІ. – №8346.

³⁵ Сергеев В.П. История Табынской иконы Божией Матери. – Уфа, 2004. – С.27, 33, 37.

³⁶ Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). – Оренбург, 1896. – С.26–27.

³⁷ Буркеев Ш. Столица станового юрта (Нижне-Озёрному –235) // Южный Урал. – 1989. – 23 мая.

1816 г. (7-я ревизия), в данном поселении татары-казаки (Бузулукская станица) отсутствовали³⁸.

В 1736 г. И.К. Кирилловым была основана Верхнеозёрная крепость. Изначально сюда были определены для поселения несколько охотников из числа Яицких казаков, в целом, население Верхнеозёрной состояло из одной роты драгун, половины роты солдат и жалованных казаков, русских и татар 50 человек³⁹.

В крепостях, находящихся на Самарской линии, нас, прежде всего, интересует Мочинская слобода, основанная в 1736 г. и заселённая 100 казаками «без жалованья»⁴⁰. В 1738 г. астраханский «ногайский татарин» Утуп Бекеев ходатайствовал «поселиться ему по близости к Самаре на р. Моче и товариство набрать, обещал из других таких же татар, из уфимских мещеряков, и калмык и иных иноверцев, не положенных в подушный оклад до двухсот семей» на казачью службу. В ноябре 1738 г. В.Н. Татищев просил Сенат наделить мочинских казаков землями, рыбными и звериными ловлями «которые предназначались им вместо казённого жалованья»⁴¹. Во второй половине XVIII в. население слободы было переселено в связи с необходимостью укрепления Самарской линии на р. Самару и размещено «в 17 верстах к западу от Красносамарской крепости»⁴².

Теперь рассмотрим особенности заселения Оренбургского края ногайцами. С целью прекращения миграции за границу, 1408 кундровских и солтанаульских татар-ногайцев, расселённых под Астраханью, в 1744–1745 гг. переселили в Казанскую губернию⁴³. Однако на новом месте ногайцы не задержались – уже в 1745 г. 504 человек⁴⁴

---

³⁸ ГАОО. Ф.98. Оп.2. Д.25. Л.505–531.

³⁹ Потапова А.Н. Редуты, крепости, станицы. (из истории основания сёл Верхнеозёрное и Гирьял) // Народы Южного Урала на страже родины: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 200-летию Отечественной войны 1812 г., 400-летию победы Народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского, 1150-летию Российской государственности / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург, 2012. – С.128.

⁴⁰ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. – Вып. VII. – Оренбург, 1907. – С.52.

⁴¹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. – Самара, 1997. – С.78–79.

⁴² Гусева Ю.Н. Ислам в Самарской области. – М., 2007. – С.17.

⁴³ Саракташский район: краеведческий атлас / Сост. Э.А. Джабраилова. – Саракташ, 2009. – С.22.

⁴⁴ Денисов Д.Н. Указ. соч. – С.64.

были переведены на побережье реки Сакмара (в 11 верстах от Озёрной крепости)⁴⁵. Здесь появилась Кондуровка (Кондуровская слобода), объявленная военизированным поселением.

Численность кундровцев (кондуровцев) сократилась после побега в 1747 г. 25 семей (138 душ обоого пола) ногайцев в казахскую степь⁴⁶. Причина побега видится нами в нежелании ногайцев проживать в соседстве с чуждыми им православными казаками. В 1760 г. в Кондуровке насчитывалось лишь 60 дворов⁴⁷. За участие в Крестьянской войне под предводительством Е.Пугачёва 1773–1775 гг. они были лишены казачьих привилегий, казачье звание, как и жёлтинцам, было возвращено им в 1799 г.⁴⁸

Необходимо сказать и о механизмах причисления татар в ОКВ. Как правило, проживание татар на территории Оренбургской пограничной линии способствовало включению их в Оренбургское войско.

В 1743 г. был заложен Оренбург – административный центр учрежденной в 1744 г. Оренбургской губернии. Первым губернатором стал И.И. Неплюев, в это же время была создана Оренбургская пограничная линия⁴⁹.

В 1744 г. с разрешения властей в 18 верстах от Оренбурга татары из Казанской губернии основали Сеитову слободу. Спустя три года здесь расселены 173 двора⁵⁰ (996 душ обоого пола)⁵¹. Население продолжало расти, в результате в 1755–56 гг. часть жителей вынуж-

---

⁴⁵ Торопицын И.В. Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) // Тюркологический сборник / Ин-т восточных рукописей РАН. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. – М., 2011. – С.349.

⁴⁶ Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. – Казань, 1869. – С.347.

⁴⁷ Денисов Д.Н. Указ. соч. – С.64.

⁴⁸ Понятов С.Е. Жёлтый Яр. – Оренбург, 1994. – С.30–31.

⁴⁹ Иванова Н. Орск в событиях и лицах. Страницы истории города. – Оренбург, 2010. – С.26.

⁵⁰ Искандаров Р.Ш. Искандаров А.Р. Сеитов посад: Очерки по истории Оренбургской (Татарской) Каргалы. – Казань, 2005. – С.16.

⁵¹ Искандаров Р.Ш. Верхние и Нижние Чебеньки. – Сакмара, 1999. – С.28.

дена была основать в 20 и 23 верстах от Каргалы⁵² поселки Нижние Чебеньки и Верхние Чебеньки⁵³.

В архивном источнике мы находим данные, которые позволяют определить численность чинов нерегулярных войск Оренбуржья в 1748 г. Уже тогда нерегулярные войска разделялись по территориальному принципу. Перечислим их: 1) Оренбургский нерегулярный корпус. 2) Казаки крепостей Орская, Верхнеозёрная, Красногорская, Чернореченская, Татищевская, Рассыпная, расположенных по р. Яик. 3) Казаки крепостей Борская, Тоцкая, Бузулукская, Елшанская и др., расположенных по реке Самара. 4) Казаки Уфимской провинции (Уфимская, Елдяцкая, Нагайбакская, Табынская, Красноуфимская крепости). 5) Казаки Исетской провинции (Челябинская, Миасская, Уйская, Еткульская, Чебаркульская крепости).

В лучшем положении находились казаки Оренбургского нерегулярного корпуса (738 чел.) – они получали 15 рублей жалованья в год. В штате корпуса имелись должности: атаман, есаул, 7 сотников, старший писарь, хорунжий, 14 пятидесятников, 7 сотенных писарей. Больше всего жалованья было положено атаману – 100 руб. в год, есаулу – 50⁵⁴. В Оренбургском нерегулярном корпусе татар не было.

Важными для нас являются сведения о численности поселений, в которых имелись татары на 1748 г. В крепостях, расположенных вниз по реке Самара, в Бузулукской – 50 казаков, Мочинской слободе – 100 чел., в обоих поселениях казаки находились на безжалованном положении. В Уфимской провинции в Нагайбакской крепости – численность 600 чел., (все безжалованные), среди них 1 атаман, 1 есаул, 6 сотников и 6 писарей. В Табынской крепости насчитывалось 100 казаков, среди них 1 сотник, 1 хорунжий. Иная ситуация была в поселениях, расположенных по Яику вверх от Оренбурга: Орской, Верхнеозёрной, Красногорской крепостях. В каждой из них насчитывалось по 50 казаков, в их числе атаман и хорунжий, казаки данных крепостей получали 3-х рублевое годовое жалованье⁵⁵.

---

⁵² Сеитовцы основали поселения на свободных землях дарованных им по привилегии, императрицы Елизаветы Петровны от 8 августа 1745 г. и были причислены по распоряжению оренбургских властей в ОКВ.

⁵³ Искандаров Р.Ш. Верхние и Нижние Чебеньки. – Сакмара, 1999. – С.27–28.

⁵⁴ ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.1. Л.5об–8об.

⁵⁵ Там же. – Л.5об–8.

19 апреля 1754 г. с целью защиты границ России на правом крутом берегу Яика между крепостями Татищевой и Рассыпной была заложена ещё одна – Нижнеозёрная, которую заселили семьями из других поселений – Борской, Бузулукской и других. «Сюда же поселили 15 ссыльных колодников, в том числе двух женщин»⁵⁶. Первым атаманом Нижнеозёрной был назначен Пётр Красников. По преданию первыми поселенцами на данной местности ещё до строительства крепости были казанские татары, поселившиеся здесь в первой половине XVIII века. Заметим, что с самого создания Нижнеозёрной здесь располагался военный гарнизон, казаки, татары, русские, башкиры, калмыки и даже ссыльные поляки, зачисленные в казаки⁵⁷.

Приведём список поселений ОКВ, в которых присутствовали татары в середине XVIII в.

Таблица №1

Список поселений, в которых расселялись татары-казаки в 1754 г.⁵⁸

№	Название поселения	Вид поселения	Обеспеченность жалованием
1	Ахманово	деревня	не установлено
2	Бакалы	деревня	не установлено
3	Балыклы	деревня	не установлено
4	Зияшево	деревня	не установлено
5	Иликово	деревня	не установлено
6	Кастеево	деревня	не установлено

⁵⁶ Буркеев Ш. Указ. соч. – 1989. – 23 мая.

⁵⁷ Там же. – 1989. – 23 мая.

⁵⁸ Буркеев Ш. Указ. соч. – 1989. – 23 мая; Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г.: В 2-х частях. – Уфа, 2000. – Ч.2. – С.226; Гусева Ю.Н. Указ. соч. – С.17–18; Денисов Д.Н. Указ. соч. – С.56, 57, 59, 61, 62, 65; Искандаров Р.Ш. Верхние и Нижние Чебеньки. – Сакмара, 1999. – С.28, 32, 33; Искандаров Р.Ш. Оренбургские татары: историко-энциклопедический очерк. – Казань, 2009. – С.164–165; Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // «Нагайбаки (Комплексное исследование группы крещёных татар-казаков)». – Казань, 1995. – С.9, 13; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. IV. – Оренбург, 1905. – С.2; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С.335; Смирнов Ю.Н. Указ. соч. – С.78–79; Торопицын И.В. Указ. соч. – С.349.

7	Килеево	деревня	не установлено
8	Новая Юзеева	деревня	не установлено
9	Старые Маты	деревня	не установлено
10	Старые Усы	деревня	не установлено
11	Шерашли	деревня	не установлено
12	Кондуrowsкая (Кундровская)	слобода	не установлено
13	Мочинская	слобода	безжалованные
14	Верхние Чебеньки	посёлок	не установлено
15	Нижние Чебеньки	посёлок	не установлено
16	Верхнеозёрная	крепость	маложалованные
17	Красногорская	крепость	маложалованные
18	Нагайбакская	крепость	безжалованные
19	Нижнеозёрная	крепость	безжалованные
20	Орская	крепость	маложалованные
	Всего	20	

Второй период (1755–1797 гг.)

22 мая 1753 г. И.И. Неплюев прислал Сенату донесение, в котором им прилагался штат ОКВ в 4493 человека, сумма на содержание контингента была рассчитана И.И. Неплюевым в 13264 рубля⁵⁹.

15 мая 1755 г. ОКВ получило первый штат, согласно которому войско делилось на «жалованных», «маложалованных», «безжалованных», суть данного дифференцированного метода «заключалась в обязательной очередной службе казаков, продолжительность и периодичность которой определялась в зависимости от размера финансовых выплат государства»⁶⁰.

Рассмотрим подробнее первый штат ОКВ. Численность служащих казаков определена в 4877 чел., которые делились на три части: 1) «казаки Оренбургского нерегулярного корпуса» (1094 чел.), 1000 рядовых получали в год по 15 руб., 94 чиновника имели более высокие оклады; 2) «маложалованные казаки» (703 чел.). В частности, казаки г. Уфы (150 чел.) получали по 4 рубля в год, рядовые казаки Орской, Красногорской, Верхнеозёрной, Бердской, Чернореченской, Татищевой, Рассыпной крепостей по 3 рубля. В этих крепостях состояло по 50 служащих старшин и казаков, а в Бердской –103. Среди

⁵⁹ ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.1. Л.9–9об.

⁶⁰ Казачество. Энциклопедия / редкол. Федотов А.П. (гл. ред.). – М., 2008. – С.286.

крепостей по реке Самара жалованье получали лишь казаки трех крепостей (Переволоцкая, Новосергиевская и Сорочинская) – в каждой по 50 чел., оклад рядовых – 3 рубля; 3) все остальные казаки (3080 чел.) были отнесены к «безжалованным»⁶¹. Таким образом, среди крепостей, в которых присутствовали татары-казаки, к безжалованной категории относились казаки Мочинской слободы, Нагайбакской крепости и поселений, в которых проживали нагайбаки⁶². Казаки Верхнеозёрной, Красногорской и Орской крепостей были отнесены к «маложалованным». В «жалованной» группе казаки-татары не значились.

Чтобы понять насколько сумма в 3 рубля в год позволяла существовать «маложалованным казакам» рассмотрим цены на основные продукты питания в Оренбургском крае в 1750–60-е гг. 100 яиц стоили 25 коп., пуд говядины – 50 коп., пуд мёда 2 руб., пуд сахара 10 руб., ведро красного вина стоило 2 руб. 40 коп., ведро водки стоило меньше – 1 руб. 88 коп. Что касается цен на скот, то корова стоила от 2 до 4 руб., овца – 70–80 коп., цена лошади колебалась от 15 до 50 руб., верблюда можно было приобрести не менее чем за 40 руб.⁶³. Таким образом, очевидно, что сумма в 3 рубля не позволяла казакам прокормить себя и свою семью на протяжении года. На 3 рубля казаки могли купить 200 яиц (50 коп.), пуд мёда (2 руб.) и пуд говядины (50 коп.), возможен был и другой вариант в виде покупки 500 яиц (1 руб. 25 коп.), 2-х пудов говядины (1 руб.) и одной овцы (75 коп.).

28 октября 1758 г. вышел указ, который уравнивал в жаловании оренбургских казаков, командированных в дальние места, с донскими и яицкими казаками, которые командировались в Оренбургскую губернию. В этот год в крепостях по р. Самара без жалованья состояло – 545 человек, в Уфимской провинции – 1019, в Исетской – 1526, всего – 3090 человек. «Безжалованные» казаки находились в крайне бедственном положении, у них даже не было средств, чтобы купить соль, не оставалось времени для занятий земледелием или другими промыслами, всё лето они находились на линии и в постоянных разъездах. В результате по тому же указу от 28 октября 1758 г. И.И. Неплю-

---

⁶¹ Васильев И.М. Указ. соч. – Ч.2. – С.226.

⁶² Казаки Кондуровской слободы и посёлков Верхние и Нижние Чепеньки, судя по всему, впоследствии также относились к «безжалованным казакам».

⁶³ Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и её реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. – Оренбург, 2007. – С.97.

ев вынужден был постановить о выдаче каждому из них по 1 руб. в месяц и месячный провиант. Такое же жалованье и провиант предоставлялось безжалованным казакам Нижнеозёрной и Ильинской крепостей (всего их насчитывалось 92 чел.). «Маложалованным» казакам также предоставлялось жалование в 1 руб., в случае, если они находились в командировке дальше 100 вёрст от дома⁶⁴.

В 1768 г. и оставшаяся часть ногайцев была переведена из Казанской губернии в Оренбуржье: 200 семей (1044 чел.) солтанаульских и кундровских ногайцев были поселены на Сакмарской дистанции Оренбургской пограничной линии: в Воздвиженской крепости – 110 семей, в Никитинском редуте – 50 семей и в Жёлтом редуте – 40 семей. Солтанаульцы и кундровцы поселились на территории, освободившейся от Шешминского и Алексеевского ландмилицких полков, нёсших здесь военную службу⁶⁵. В последующие десятилетия ногайцы сильно перемешались с средневожско-приуральскими татарами и в конце XIX века не отличались от остальных татар-казаков, в том числе и говором⁶⁶. Мы считаем, что причиной перевода ногайцев на Сакмарскую дистанцию, стало мнение оренбургских властей о том, что наличие ландмилицких полков не отвечает вопросам безопасности близлежащей территории от набегов кочевников, и поэтому для постоянного места жительства было решено поселить тут ногайцев.

В 1768 г. численность кундровских татар определялась 744 душами обоего пола, которые должны были поставлять на охрану линии отряд из 26 человек. В 1790-е гг. в связи с естественным приростом населения численность отряда была увеличена до 40 человек, при этом ногайцы, как и другие социальные слои Оренбургского края, платили соляную пошлину⁶⁷. Для сравнения, в 60-х гг. башкиры ежегодно выставляли одного человека с восьми дворов, в 80-х гг.

---

⁶⁴ ПСЗ–1. –Т.XV. – №10894.

⁶⁵ Денисов Д.Н. Указ. соч. – С.65.

⁶⁶ Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). – Казань, 1993. – С.55–56.

⁶⁷ Дорноступ В.В. Национальная политика правительства России и её осуществление на Южном Урале 30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв.: Дисс. ... кан. ист. наук. – Оренбург, 2000. – С.123.

одного человека с трёх дворов⁶⁸. В 1757–1758 гг.⁶⁹ численность башкир, служивших на линии, уменьшилась из-за участия в Семилетней войне (1756–63 гг.). В 1757 г. для участия в ней была сформирована так называемая «четырёхнародная команда», в неё вошли: 531 башкир, 519 мишарей, 516 калмыков и 500 казанских татар (всего 2066 чел.). Все они участвовали в боевых действиях на территории Пруссии, а затем до 1758 г. несли службу в Новгородской губернии⁷⁰.

Численность татар во вновь возведённых крепостях была неодинаковой. Так, в той же Верхнеозёрной в 1740 г. из 269 жителей лишь 22 были татарами⁷¹, в Красногорской крепости в 1771 г., по сведениям академика Фалька, находилось 50 казаков, 183 солдата, 411 душ обоёго пола православного вероисповедания, татар-мусульман насчитывалось в ней лишь 40 семей⁷². В Орской крепости, как было отмечено, в 1760 г. проживало 50 татар-казаков. В вышеуказанных поселениях татары составляли этноконфессиональную малочисленную группу жителей. Определить точное количество татар за отдельные годы и их динамику численности не предоставляется возможным из-за недостатка источников. Мы располагаем сведениями о численности ногайцев (табл. №2).

Из данных таблицы №2 видно, что в Воздвиженской крепости сосредоточивалась 624 души обоёго пола (или 34% от общего числа ногайцев), наименьшая группа ногайцев расселялась в Никитинском редуте (254 души обоёго пола или 13,8%). Среднее количество семьи составляло 5 чел. Женское население в целом преобладало над мужским.

---

⁶⁸ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / Сост., автор вступительных статей и примечаний Ф.Х. Гумеров. – Уфа, 1999. – С.79.

⁶⁹ Башкиры, мещеряки, калмыки и казанские татары участвовали в Семилетней войне лишь до 1758 г.

⁷⁰ Рахимов Р.Н. Национальная конница в русской армии: опыт Семилетней войны 1756–1763 гг. // Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика / под ред. А.Б. Юнусовой. – Уфа, 2011. – С.58–66.

⁷¹ Денисов Д.Н. Указ. соч. – С.59.

⁷² Полное собрание учёных путешествий по России. Т. VI. Путешествия академика Фалька. – СПб., 1824. – С.248.

Численность ногайцев-казаков (кундровских и солтанаульских татар) по материалам 5-й ревизии (1795 г.)⁷³

№	Название поселения	Кол-во семей	Душ м.п.	Душ ж.п.	Душ об. пола	Среднее кол-во состава семьи
1	Воздвиженская крепость	120	314	310	624	5
2	Жёлтый редут	79	232	261	493	6
3	Кондуровская (Кундуровская) слобода	110	230	235	465	4
4	Никитинский редут	57	128	126	254	4
	Всего	366	904	932	1836	5

В 1795 г. Верхних Чебеньках насчитывалась 71 семья (150 м.п. и 171 ж.п. всего 321 душа обоого пола), в Нижних Чебеньках 60 дворов (180 м.п. и 173 ж.п. всего 353 души обоого пола)⁷⁴.

Рассмотрим численность нагайбаков в середине XVIII в. В 1762 г. нагайбаков насчитывалось – 2700 душ обоого пола⁷⁵. Численность нагайбаков по 5-й ревизии (1795 г.) приведена нами в таблице №3.

Из таблицы №3 видно, что в 1795 г. наибольшее количество нагайбаков среди 13 поселений было сосредоточено в д. Старое Зияшево – 412 душ обоого пола (14,4% от общего числа нагайбаков – 2859 душ обоого пола), наименьшее количество по пятой ревизии усматривается в д. Старые Усы (всего лишь 57 душ обоого пола или 1,9% от общего числа нагайбаков). Соотношение численности полов в поселениях нагайбаков выглядело следующим образом: 46,8% м.п. и 53,2% ж.п. (как видно, женская часть населения поселений нагайбаков превышала мужскую на 6,4%).

⁷³ РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.938. Л.142 об., 144 об., 145 об., 147 об.

⁷⁴ РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.938. Л.136об.

⁷⁵ Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования // Историко-этнографический атлас татарского народа / под ред. Уразмановой Р.К., Халикова Н.А. – Казань, 2002. – С.150.

Численность нагайбаков ОКВ по материалам 5-й ревизии (1795 г.)⁷⁶

№	Название поселения	Душ м.п.	Душ ж.п.	Душ об. пола
1	Ахманово	74	65	139
2	Бакалы	148	160	308
3	Балыклы	60	63	123
4	Нагайбакская крепость	170	157	292
5	Старое Зияшево	179	233	412
6	Старое Иликово	141	125	266
7	Старое Килеево	110	136	246
8	Старое Костеево	66	120	186
9	Старые Маты	81	81	162
10	Старое Умирово	88	88	176
11	Старые Усы	13	44	57
12	Новая Юзеева	70	71	141
13	Шерашли	137	179	316
	Итого	1337	1522	2859

Помимо несения прилинейной службы казаки выполняли различные повинности, к примеру, содержание мостов и перевозов было возложено на казаков Татищевской, Сорочинской, Тоцкой крепостей и Алексеевска. Казаки Уфимской провинции, в том числе и нагайбаки, которые не посылались на пограничную линию, несли полицейскую службу: «содержали городской караул в пристойных местах, препровождали денежную казну и колодников до разных городов в конвое и в партии для поиску воров и разбойников», из числа отставных нагайбаков ежегодно «назначалось 3 чел. для продажи соли»⁷⁷. При более детальном рассмотрении повинностей нагайбаков усматривается, что они на протяжении XVIII века продолжали выполнять дополнительные работы, возложенные на них оренбургскими военными властями⁷⁸.

⁷⁶ Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки (Комплексное исследование группы крещёных татар-казаков). – Казань, 1995. – С.9.

⁷⁷ Васильев И.М. Указ. соч. – Ч.2. – С.230.

⁷⁸ К примеру, 10 августа 1770 г. войсковой старшина В.И. Могутов доносил губернатору, что «нагайбакские казаки охраняли денежную казну и соляные магазины на Шешминской и Чистопольской пристанях на своём

К 1764 г. на Оренбургской пограничной линии существовало 22 крепости, 25 редутов, 78 форпостов. Она делилась на дистанции: «первая – от Звериноголовской крепости до Верхнеуральска, вторая – от Верхнеуральска до Орской крепости, третья – от Орска до Оренбурга, четвёртая – от Оренбурга до Уральска и пятая – от Уральска до Гурьева городка»⁷⁹. Оренбургскую пограничную линию наряду с оренбургскими казаками охраняли и яицкие казаки, которым для несения службы определялась граница от Гурьева до Илецкого городка. На страже остальной территории Оренбургской линии от станицы Красноярской до Звериноголовской крепости стояли оренбургские казаки⁸⁰.

Помимо несения приграничной службы казаки выполняли ряд повинностей. «Маложалованные» казаки Красногорской крепости назывались «к рупке и воске... на крепостное строение в лесу». «Значительная часть казаков была отягощена постоянной повинностью»: лучшие «дома были заняты обер-офицерами Сергиевского полка, а в остальных домах постоянно жили по 2–3 драгуна», постояями были обременены и казаки Верхнеозёрной крепости⁸¹. Можно утверждать, что «маложалованные», были обременены кроме несения линейной службы дополнительными повинностями, которые отнюдь не способствовали улучшению их экономического положения.

С созданием ОКВ у атаманов появились официальные печати. В частности, печать Табынского атамана Михаила Серебрякова (управлял станицей в 1775–1780 гг.) «имела сверху изображение короны, а в середине изображение двух человек». Иная печать была у атамана Мочинских татар-казачков сотника Асанова (управлял станицей в 1772–1778 гг.) – на ней были «изображены какие-то начертания на арабском или татарском языке»⁸².

коште и без прогонов». Мало того, их еженедельно определяли в различные посылки на их собственных лошадях за сто и более вёрст платой за все работы были «лишь побой и бесчинства секунд-майора Е.Т. Лопатина» (Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачёва. – Уфа, 1999. – С.175).

⁷⁹ Войнов В. Указ. соч. – С.208.

⁸⁰ Кортунов А.И., Фокин А.А. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.). – Уфа, 2012. – С.11.

⁸¹ Васильев И.М. Указ. соч. – Ч.2. – С.230–231.

⁸² Севастьянов С.Н. История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати. (По материалам войскового ар-

В 1781 г. образовалось Уфимское и Симбирское генерал-губернаторство, включавшее в себя Уфимское и Симбирское генерал-наместничества. Уфимское наместничество состояло из двух областей – Уфимской и Оренбургской, которые делились соответственно на 8⁸³ и 4 уезда⁸⁴. Города Уральск и Гурьев были переданы Астраханской губернии⁸⁵.

В составе ОКВ оказались также новокрещённые тептяри⁸⁶. В Нагайбакской крепости они пробыли в казаках примерно 10–15 лет. Однако 4 января 1765 года новокрещён-тептярей исключили из казачьей службы и снова обложили окладом по 80 копеек с души м.п. (Уфимская провинциальная канцелярия ранее отсылала всех новокрещённых в Нагайбакскую крепость). 10 мая 1765 г. Оренбургская губернская канцелярия получила от Уфимской провинциальной рапорт об отчислении из казаков, сакмарских новокрещённых тептярей и бобылей⁸⁷.

В 1790 г. из тептярей и бобылей, проживающих в Уфимском и Вятском наместничествах был создан пятисотенный казачий полк. Лошадь

хива) // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Вып. V. – Оренбург, 1898. – С.85.

⁸³ В Уфимскую область входили уезды: Уфимский, Бирский, Стерлитамакский, Мензелинский, Белебеевский, Бугульминский, Бугурусланский, Челябинский.

⁸⁴ Оренбургский, Верхнеуральский, Бузулукский, Сергиевский уезды.

⁸⁵ Семёнова Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Историко-литературный альманах 1743. – 2003. – №2. – С.67.

⁸⁶ Относительно происхождения тептярей нет определённой точки зрения, более того нет однозначного признака характеризующего тептярей, известно лишь, что с конца XVII в. тептярями называли нерусских «припущенников» на башкирских землях, кроме того, тептярями именовали также бедных переселенцев свободных от налогообложения; «население смешанного состава». В архивных документах тептярей упоминали в связке с бобыльями, они отличались лишь по этническому признакам. В состав бобылей входили марийцы, удмурты, мордва, а в состав тептярей татары, башкиры, чуваша. К середине XVIII в. татарский элемент среди тептярей стал преобладающим (Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI – XVIII веков. – Казань, 2005. – С.66).

⁸⁷ Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г.: В 2-х частях. – Уфа, 2000. – Ч.1. С.147–148.

и одежда тептярями приобреталась за свой счёт, ружья же и сабли получали от казны, при этом сохранялся прежний 80-копеечный оклад с души м.п.⁸⁸ 23 июля 1791 г. пятисотенный тептярский полк был переименован в Уфимский казачий полк⁸⁹.

В конце XVIII века в Сеитовом посаде наблюдаются серьёзные изменения в административном управлении и изменении правового положения населения. Согласно именному указу Сената от 7 ноября 1784 г. Сеитова слобода стала посадом, в ней учреждалась городская ратуша⁹⁰, вводилось городское самоуправление.

Преобразование слободы в посад способствовало разделу населения на 2 группы сословий: купцы и мещане с одной стороны, крестьяне – с другой. Часть каргалинских крестьян была причислена к Уфимским нерегулярным войскам, в указе от 16 декабря 1787 г. утверждалось: «Записанные в крестьянство татары, с одной стороны в рассуждении неимущества своего не в состоянии более соответствовать первому предмету поселения и снабжения их разными выгодами, состоящими в распространении торговли тамошнего края, а с другой привыкли уже они употребляемы быть около Оренбурга на службу с прочими нерегулярными войсками» и в связи с этим они причислены к Уфимским нерегулярным войскам⁹¹.

Они по-прежнему командировались по нарядам на пограничную линию. Поскольку каргалинцы жили лишь в 20 верстах от приграничной линии, они совершали выезды намного чаще и без соблюдения очерёдности, особенно в экстренных случаях. С 1796 г. каргалинцев стали рекрутировать не только на Оренбургскую линию, но и в отдалённые местности, в частности, на Моздокскую линию, каргалинцы «охраняли караваны»⁹².

Но несмотря на несение нерегулярной службы каргалинцы- татары по-прежнему оставались в крестьянском окладе, что отража-

---

⁸⁸ Абдуллин Х.М. Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи: сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов. – Казань, 2009. – С.19.

⁸⁹ ПСЗ–1. – Т. XXIII. – №16974.

⁹⁰ ПСЗ–1. – Т. XXII. – №16089.

⁹¹ ПСЗ–1. – Т. XXII. – №16596.

⁹² Аминов Р.Р. Каргала – Татарская казачья станица Оренбургского казачьего войска (1798–1821 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. – №4(42). – Ч. II. – С.13.

лось в росте недоимок – их с 1786 по 1792 г. накопились около 17,5 тысяч рублей подушных и 24,5 тысяч рублей рекрутских денег⁹³.

5 июня 1792 г. был опубликован именной указ, данный уфимскому губернатору А.А. Пеутлингу, о причислении татарских крестьян (686 душ), мещан (168) и купцов (1820) Татарской Каргалы (Сеитовой слободы) в Уфимское нерегулярное войско, им одновременно разрешалось приписываться в мещанское и купеческое сословия⁹⁴.

Указом императора Павла I от 31 марта 1798 г. и соответствующим решением Сената в апреле того же года недоимка каргалинцев в 42 тыс. руб. была аннулирована, однако в просьбе освобождения каргалинцев от воинских постоев было отказано⁹⁵.

Ещё одной этносословной группой, представители которой пополняли число казаков ОКВ, были мещерыки. 1787 г. принято считать основанием пос. Аблязово (ныне д. Аблязово Саракташского района Оренбургской области)⁹⁶. Поселение названо в честь первопоселенца Абляза Мустафина⁹⁷. По материалам 5-й ревизии (1795 г.) тут насчитывается 55 душ м.п. и 43 души ж.п. (всего 98 душ обоего пола)⁹⁸.

Новые казаки-татары в составе ОКВ в этот период появились из числа новых переселенцев, например в Ильинской крепости татары появились не ранее 1782 г. (4-я ревизия), это были «ясачные татары», переселившиеся из Белебеевского округа д. Карамалово и «служилые татары» из Казанской (36 душ) и Симбирской губернии (18 душ), здесь числился Масагут Утаганов с сыном (неизвестно откуда перевёлся)⁹⁹. Между IV и V ревизиями, а именно в 1785 г. в Ильинскую крепость были причислены 4 служилых татарина «из нынешнего села Нижняя Сосна Балтасинского района Республики Татар-

---

⁹³ ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.66. Л.2об.

⁹⁴ ПСЗ–1. – Т. XXIII. – №17050.

⁹⁵ Лошакова С.Ю. Оренбургский край после Крестьянской войны: 1773–1775 гг.: Дисс. ... кан. ист. наук. – Оренбург, 2003. – С.85.

⁹⁶ Денисов Д.Н. Указ. соч. – С.104.

⁹⁷ Искандаров Р.Ш. Оренбургские татары: историко-энциклопедический очерк. – Казань, 2009. – С.215.

⁹⁸ ГАОО. Ф.98. Оп.2. Д.3. Л.242об.

⁹⁹ Дело о записи Ильинской крепости дер. Зубочистенской ясачных татар в Оренбургские казаки. 12 марта 1798 года // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Вып. VI. – Оренбург, 1900. – С.52–53.

стан»¹⁰⁰. По сведениям 5-й ревизии в Ильинской крепости числилось 166 семей (453 души м.п. и 348 душ ж.п. всего 801 душа обоего пола), из которых в 39 (91 душа м.п. и 96 душ ж.п. всего 187 душ обоего пола) проживали татары из служилых и отставных казаков¹⁰¹ а также 22 семьи ясачных татар (58 м.п. и 57 ж.п., всего 115 душ обоего пола)¹⁰², всего в Ильинской крепости проживала 61 семья (149 душ м.п. и 153 души ж.п. всего 302 души обоего пола) татар или 36,7% от общего количества семей (166).

В приводимой Р.Г. Букановой таблице, от 1 июня 1737 г. зафиксировано, что в Борской крепости из 200 казаков присутствовало 2 «уфимских татарина», в Бердской крепости – «6 уфимских татар»¹⁰³.

Однако неизвестно оставались ли они в этих военных укреплениях в последующие десятилетия. Наличие во второй половине XVIII в. в Пречистенской крепости «нескольких татар», наряду с которыми здесь проживали оренбургские казаки и инвалиды¹⁰⁴, также не даёт нам оснований полагать о присутствии тут татар-казаков к 1797 г.

Согласно подсчётам сведений 5-й ревизии У.Х. Рахматуллиним в Оренбургской губернии насчитывалось 39411 душ м.п. казаков, отставных солдат и офицеров и беломестных солдат¹⁰⁵. Подсчитав данные¹⁰⁶ о численности в поселениях татар-казаков за исключением крепостей Верхнеозёрной, Красногорской, Нижнеозёрной, Орской, в которых татары составляли этноконфессиональное меньшинство, и Мочинской слободы мы получаем не менее 2717 душ м.п. что составляет 6,9% личного состава ОКВ.

---

¹⁰⁰ Денисов Д.Н. Указ. соч. – С.97.

¹⁰¹ Доля татар-казаков в Ильинской крепости по данным 5-й ревизии составляла 23,3%.

¹⁰² ГАОО. Ф.123. Оп.1. Д.34. Л.207 об.

¹⁰³ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. – Уфа, 1997. – С.180.

¹⁰⁴ Полное собрание учёных путешествий по России. Т.VI. Путешествия академика Фалька. – СПб., 1824. – С.232.

¹⁰⁵ Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. – М., 1988. – С.60.

¹⁰⁶ Нагайбаков насчитывалось 1337 душ м. п., ногайцев 904 души м.п., 330 душ м.п. составляли татары-казаки посёлков Верхние и Нижние Чибеньки, 91 душа м.п. из татар-казаков была сосредоточена в Ильинской крепости, 55 мишарей-казаков м.п. насчитывалось в пос. Аблязово.

Если же брать за основу данные Д.М. Исхакова о численности татар Оренбургской губернии по 5-й ревизии (1795 г.) – 23995 душ обоого пола¹⁰⁷ и численность душ обоого пола в поселениях татар-казаков – 5654, сюда стоит прибавить численность тех поселений¹⁰⁸, по которым нет данных о числе в них татар-казаков, мы считаем, что в лучшем случае она составляла 500–600 душ обоого пола. Уместно говорить о не менее 23,6% численности татар-казаков от общего числа татар по 5-й ревизии – 23995.

Таблица №4

**Список и число крепостей и поселений,
в которых проживали татары-казаки к 1797 г.¹⁰⁹**

№	Название поселения	Вид поселения	Обеспеченность жалованием
1	Ахманово	деревня	не установлено
2	Бакалы	деревня	не установлено
3	Балыклы	деревня	не установлено
4	Зияшево	деревня	не установлено
5	Иликово	деревня	не установлено
6	Кастеево	деревня	не установлено
7	Килеево	деревня	не установлено
8	Новая Юзеева	деревня	не установлено
9	Старое Умирово	деревня	не установлено
10	Старые Маты	деревня	не установлено

¹⁰⁷ Исхаков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. – Казань, 1993. – С.44.

¹⁰⁸ Имеются ввиду: Верхнеозёрная, Красногорская, Нижнеозёрная, Орская крепости и Мочинская слобода.

¹⁰⁹ ГАОО. Ф.123. Оп.1. Д.34. Л.207об.; Гусева Ю.Н. Указ. соч. – С.17–18; Денисов Д.Н. Указ. соч. – С.56, 57, 59, 61, 62, 65; Искандаров Р.Ш. Верхние и Нижние Чебеньки. – Сакмара, 1999. – С.28, 32, 33; Искандаров Р.Ш. Оренбургские татары: историко-энциклопедический очерк. – Казань, 2009. – С.164–165; Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки (Комплексное исследование группы крещёных татар-казаков). – Казань, 1995. – С.9, 13; Коргунов А.И. Народы Урала на службе в Оренбургском казачьем войске (XVIII–XIX вв.). – Уфа, 2009. – С.165, 166, 168; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып.IV. – Оренбург, 1905. – С.2; РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.938. Л.142об., 144об., 145об., 147об.; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С.335.

11	Старые Усы	деревня	не установлено
12	Шерашли	деревня	не установлено
13	Мочинская	слобода	безжалованные
14	Кондуrowsкая (Кундровская)	слобода	не установлено
15	Аблязово	посёлок	не установлено
16	Верхние Чебеньки	посёлок	не установлено
17	Нижние Чебеньки	посёлок	не установлено
18	Жёлтый	редут	не установлено
19	Никитинский	редут	не установлено
20	Верхнеозёрная	крепость	маложалованные
21	Воздвиженская	крепость	не установлено
22	Ильинская	крепость	не установлено
23	Красногорская	крепость	маложалованные
24	Нагайбакская	крепость	безжалованные
25	Нижнеозёрная	крепость	безжалованные
26	Орская	крепость	маложалованные
	Всего	26	

В период с 1755 по 1797 г. появилось новых 6 поселений, в которых проживали татары-казаки. Это – пос. Аблязово, населённый бывшими мещеряками, поселения ногайцев-казаков Воздвиженская крепость, Жёлтый редут, Никитинский редут, в Ильинской крепости в докантонный период проживали выходцы из региона Волго-Уралья и, наконец, в промежутке с 1754 по 1797 гг. был основан новый населённый пункт нагайбаков – Старое Умирово.

Таким образом, в докантонный период (1735–1797 гг.) нагайбаки, христиане из тюрко-татар располагались в Белебеевском уезде. Установлено, что в XVIII в. мишари-казаки проживали в Табынской крепости¹¹⁰ и пос. Аблязово. Тептяри, которые в рассматриваемый период находились в составе ОКВ непродолжительное время, числились в Нагайбакской крепости (Белебеевский уезд) и были отчислены из ОКВ в 1765 г. С 1760-х гг. «ногайская группа» татар-казаков компактно проживала в посёлках Кондуровка, Воздвиженка, Жёлтый, а также в Никитинском редуте, которые, расположены в бас-

---

¹¹⁰ Как мы уже говорили, в период с 1755 по 1797 гг. мишарей-казаков в поселении, скорее всего, не наблюдалось.

сейне р. Сакмара¹¹¹, на Сакмарской дистанции Оренбургской пограничной линии¹¹². Остальные поселения представлены крестьянами, выходцами из Поволжских земель, а также татарами-каргалинцами, часть которых основала пос. Верхние и Нижние Чебенки¹¹³. В профессиональном плане среди татар-казаков во второй половине XVIII в. (1762 г.) преобладали христиане, но уже в конце XVIII в. (1795 г.) за счёт включения ногайцев-казаков в состав ОКВ общая доля нагайбаков составляла 50,5% от общего числа татар-казаков.

См. карту расселения ногайцев и татар-казаков Верхнеозёрной и Красногорской крепостей на форзаце 2.

Источники и литература

1. Абдуллин Х.М. Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи: сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – 148 с.

2. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. – Челябинск: Изд. Челяб. гос. ун-та, 1999. – 450 с.

3. Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735–1736 гг. – Уфа: БашГУ, 1977. – 84 с.

4. Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – 156 с.

5. Акманов И.Г. За правдивое освещение истории народов (Замечания к книге В. Имамова «Запрятанная история татар», Набережные Челны. 1994 г.). – Уфа: Китап, 1995. – 64 с.

6. Аминов Р.Р. Освещение истории татар в Оренбургском казачьем войске в отечественной историографии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей. Вып. 3. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С.3–18.

7. Аминов Р.Р. Каргала – Татарская казачья станица Оренбургского казачьего войска (1798–1821 гг.) // Исторические, философские, политические

---

¹¹¹ Список населённых мест. Ч.II. Оренбургская губерния, 1866. – Уфа, 2006. – С.170.

¹¹² В конце работы нами приведена карта расселения ногайцев и части поселений татар-казаков.

¹¹³ Учитывая факт, что каргалинцы переселились на территорию Сеитова посада с земель Казанской и Вятской губерний, на наш взгляд целесообразно отнести их к группе поволжские татары, в составе которой можно выделить своеобразную каргалинскую подгруппу.

и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №4(42). – Тамбов: Грамота, 2014. – Ч.П. – С.13–17.

8. Бектеева Е.А. Нагайбаки (крещёные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. Периодическое издание отдела этнографии Императорского Русского географического общества. –1902. – Вып. I–II. – С.165–181.

9. Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. – Уфа: Китап, 1997. – 256 с.

10. Буркеев Ш. Столица станового юрта (Нижне-Озёрному – 235) // Южный Урал. – 1989. – 23 мая.

11. Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г.: В 2-х частях. – Уфа: БашГУ, 2000. – Ч.1. – 172 с.

12. Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г.: В 2-х частях. – Уфа: БашГУ, 2000. – Ч.2. – 122 с.

13. Витевский В.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. В 3-х т. Т. I. – Казань: Типолитограф. В.М. Ключникова, 1897. – 292 с.

14. Войнов В. Правда об Оренбургском казачестве // Отечество. Краеведческий альманах. Вып.1. – М.: Профиздат, 1990. – С.206–216.

15. ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.1.

16. ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.66.

17. ГАОО. Ф.98. Оп.2. Д.3.

18. ГАОО. Ф.98. Оп.2. Д.25.

19. ГАОО. Ф.123. Оп.1. Д.34.

20. ГАОО. Ф.124. Оп.2. Д.2073 (6989).

21. Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачёва. – Уфа: Китап, 1999. – 512 с.

22. Гусева Ю.Н. Ислам в Самарской области. – М.: Логос, 2007. – 112 с.

23. Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии. – Оренбург: Университетская типография, 1837. – 224 с.

24. Дело о записи Ильинской крепости дер. Зубочистенской ясачных татар в Оренбургские казаки. 12 марта 1798 года // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. VI. – Оренбург: Типолитограф. Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1900. – С.52–54.

25. Денисов Д.Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – 190 с.

26. Дорноступ В.В. Национальная политика правительства России и её осуществление на Южном Урале: (30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв.): Дис. ... кан. ист. наук. – Оренбург, 2000. – 225 с.

27. Дубинин Е. Казаки из Сеитовской слободы // Идель. – 2008. – №9. – С.60–62.
28. Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., и доп. – Самара: Самарский университет, 2005. – 196 с.
29. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / сост., автор вступительных статей и примечаний Ф.Х. Гумеров. – Уфа: Китап, 1999. – 567 с.
30. Злобин Ю.П. Оренбургская пограничная линия в XVIII – первой половине XIX века // Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 70-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Сталинградской и Курской битв) / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: Типогр. ФГБОУ ВПО «ОГИМ», 2013. – С.37–47.
31. Зобов Ю.С. Участие крестьян Среднего Поволжья в заселении Оренбургского края в XVIII веке // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. – Чебоксары: НИИ яз., лит., истории и экономики, 1982. – С.48–52.
32. Иванова Н. Орск в событиях и лицах. Страницы истории города. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. – 240 с.
33. Искандаров Р.Ш. Верхние и Нижние Чебенки. – Сакмара: Б.и, 1999. – 250 с.
34. Искандаров Р.Ш. Оренбургские татары: историко-энциклопедический очерк. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. – 271 с.
35. Искандаров Р.Ш., Искандаров А.Р. Сеитов посад: Очерки по истории Оренбургской (Татарской) Каргалы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 175 с.
36. Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII. – М.: Русское слово, 2004. – 416 с.
37. Исхаков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. – Казань: Фонд им. М. Султан-Галиева, 1993. – 71 с.
38. Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа. (XVIII – начало XX вв.). – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1993. – 143 с.
39. Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1993. – 173 с.
40. Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // «Нагайбаки (Комплексное исследование группы крещёных татар-казаков)». – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1995. – С.4–18.
41. Казачество. Энциклопедия / редкол. Федотов А.П. (гл. ред.). – М.: ООО Издательство «Энциклопедия», 2008. – 720 с.
42. Коротин Р.П., Павлычев И.Г., Пьянков И.Г. На рубежах отечества. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2003. – 303 с.

43. Картунов А.И. Народы Урала на службе в Оренбургском казачьем войске (XVIII–XIX вв.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 186 с.
44. Картунов А.И., Фокин А.А. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.). – Уфа: Б.и, 2012. – 113 с.
45. Кривощёков А.И. Исторические судьбы Оренбургского края. Краткий очерк заселения и развития края. – Уфа: Печатня Н.К. Блохина, 1913. – 45 с.
46. Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. – Самара–Челябинск: Б.и., 2008. – 478 с.
47. Лошакова С.Ю. Оренбургский край после Крестьянской войны: 1773–1775 гг.: Дис. ... кан. ист. наук. – Оренбург, 2003. – 193 с.
48. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. IV. – Оренбург: Тургайская областная типолитография, 1905. – 159 с.
49. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. – Оренбург: Тип. О. Яковлева, 1907. – 472 с.
50. Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI – XVIII веков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 215 с.
51. Общее понятие об истории Оренбургского казачьего войска с приложением схемы и ведомости знакам отличий, высочайше пожалованным строевым частям Оренбургского казачьего войска. По М.И. Иванину, Ф. Старикову, П. Пастухову. – Казань: Типолитогр. Округного штаба, 1911. – 19 с.
52. ПСЗ-1. – Т. IX. №6890.
53. ПСЗ-1. – Т. XI. №8346.
54. ПСЗ-1. – Т. XV. №10894.
55. ПСЗ-1. – Т. XXII. №16089.
56. ПСЗ-1. – Т. XXII. №16596.
57. ПСЗ-1. – Т. XXIII. №16974.
58. ПСЗ-1. – Т. XXIII. №17050.
59. ПСЗ-3. – Т. XXXII. №38158.
60. Полное собрание учёных путешествий по России. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. – СПб.: Императорская академия наук, 1824. – 560 с.
61. Понятов С.Е. Жёлтый Яр. – Оренбург: Б.и., 1994. – 110 с.
62. Потапова А.Н. Редуты, крепости, станицы. (из истории основания сёл Верхнеозёрное и Гирьял) // Народы Южного Урала на страже родины: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 200-летию Отечественной войны 1812 г., 400-летию победы Народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского, 1150-летию Российской государственности / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. – С.127–135.

63. Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. – СПб.: Типогр. департамента военных поселений, 1843. – 47 с.

64. Рахимов Р.Н. Национальная конница в русской армии: опыт Семи-летней войны 1756–1763 гг. // Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика / под ред. А.Б. Юнусовой. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. – С.58–66.

65. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. – М.: Наука, 1988. – 188 с.

66. РГАДА. Ф.1355. Оп.1.Д.938.

67. Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750) / под ред. и с примеч. Н.М. Гутьяра. – Оренбург: Изд. Оренб. губ. стат. комитета, типоли-тогр. Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1896. – 95 с.

68. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург: Ти-погр. Б. Бреслина, 1887. – 405 с.

69. Савельзон В.Л. В казачьем крае // Оренбуржье. – 2005. – 9 июня.

70. Саракташский район: краеведческий атлас / сост. Э.А. Джабраило-ва. – Саракташ, Пульс дня, 2009. – 40 с.

71. Севастьянов С.Н. История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати (по материалам войскового архи-ва) // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. V. – Оренбург: Типоли-тогр. Ив.Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1899. – С.82–111.

72. Семёнова Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Историко-литературный альманах 1743. – Оренбург, Оренбургская губерния. – 2003. – №2. – С.65–92.

73. Сергеев В.П. История Табынской иконы Божией Матери. – Уфа: Агиос, 2004. – 100 с.

74. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоеди-нение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. – Самара: Самарский ун-т, 1997. – 190 с.

75. Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и её реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – 312 с.

76. Список населённых мест. Ч. II. Оренбургская губерния, 1866 / ответ-ственный за выпуск Хисматуллин А.А. – Уфа: Китап, 2006. – 260 с.

77. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского ка-зачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских каза-ков, рисунков со знамён и карты. – Оренбург: Типоли-тогр. Б. Бреслина, 1891. – 249 с.

78. Торопицын И.В. Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) // Тюркологический сборник / Ин-т восточных рукописей РАН. Тюркские народы Евразии в древности и

средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. – М.: «Восточная литература» РАН, 2011. – С.330–359.

79. Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. – Казань: Типограф Казанского университета, 1869. – 449 с.

80. Худобородов А.Л. Нагайбаки: Об этнических корнях и проблеме взаимодействия культур // Уржумка. – №1. – Челябинск: Институт гуманитарных исследований при ЧГПИ, 1995. – С.27–35.

81. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа / под ред. Уразмановой Р.К., Халикова Н.А. – Казань: Дом печати, 2002. – 248 с.

Р.Р. Әминов

Кантоннар оешканга кадәрге чорда Оренбург казак гаскәрендәге татар казаклары

Бу мәкалә кантоннар оешканга кадәрге чорда Оренбург казак гаскәрендәге татар казакларына багышлана (1735–1797 еллар), казакларының күченеп утыруларына, аларның ижтимагый статусларына игътибар бирелә.

Ачыкч сүзләр: кантоннар оешканга кадәрге чор, нагайбәкләр, яңа чукындырылган типтәрләр, Оренбург чик линиясе, Оренбург казак гаскәре, Урал алды, татар казаклары, XVIII гасыр.

R.R. Aminov

Completing by Cossack Tatars of the Orenburg Cossack army the prior to kanton period

This article is devoted to completing of the Orenburg Cossack army by Cossack-Tatars the prior to kanton period (1735–1797s), the attention to questions of moving is paid, to the social status of Cossack-Tatars.

Keywords: the prior to kanton period, nagaybaks, newbaptize teptyars, Orenburg ambit, Orenburg Cossack army, Cisural area, Cossack-Tatars, XVIII century.

Аминов Рустем Равилевич – аспирант отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Әминов Рөстәм Равил улы – Татарстан Фәннәр академиясе Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтының урта гасырлар бүлеге аспиранты.

Aminov Rustem Ravilevich – graduate student of the Department of medieval history of Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Персоязычные рукописи
по астрологии и астрономии в собрании
Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского К(П)ФУ

Объектом данного сообщения являются персоязычные рукописи по астрологии и астрономии, а также календари (исторически и генетически между собой тесно связанные), хранящиеся в фондах Восточного сектора Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского К(П)ФУ, которые (хотя их и не так много – всего 19 ед.хр. из 736, включенных в инвентарные книги) занимают важное и достойное место в собрании персоязычных рукописных книг данной коллекции. До настоящего времени они не подвергались сколько-нибудь специальному детальному рассмотрению, изучению и фронтальной каталогизации.

Ключевые слова: Научная библиотека им. Н.И.Лобачевского К(П)ФУ, коллекция персидских рукописей, астрология, астрономия.

Нет особой необходимости доказывать большую важность средневековых арабографических трудов для истории естествознания и точных наук. Очевидно, что очень часто наши познания о последних базируются на изучении богатейшего информационного материала и идей, содержащихся в средневековых научных трактатах, в данном случае в персоязычных сочинениях. Надо, к сожалению, отметить, что огромное их число на протяжении веков было безвозвратно утеряно в результате различных политических, а также природных и антропогенных катаклизмов – войн, пожаров и т.д. Кроме того, большое число из сохранившихся памятников подчас дошло до нас в весьма ветхом состоянии, когда бывает практически невозможно установить ни названий сочинений, ни имен их авторов. К сожалению, пока еще не переведены многие доступные манускрипты, хранящиеся в собраниях разных стран мира.

Тем не менее, изучение имеющегося в нашем распоряжении рукописного наследия помогает в какой-то степени представить и восполнить картину развития точных наук и опровергает имевшуюся до недавних пор в Европе точку зрения о достаточно невысоких достижениях средневековых ученых Среднего и Ближнего Востока. Научный интерес к арабским и персидским рукописным источникам в европейских странах возник в середине XIX в. По мере расширения

круга обнаруженных рукописей и более глубокого познания их содержания менялась и оценка. Речь идет, по существу, о кардинально новом взгляде на средневековый этап в истории точных наук на Востоке, который, несомненно, отличался высоким уровнем научной мысли и идей средневековых ученых, что подтверждено самим временем. Таким образом, можно определенно утверждать, что мусульманские ученые в то время находились на самых передних рубежах познания мира.

Как известно, с VIII по XV вв. так называемая арабская астрономия, прошла в своем развитии значительный по масштабу и глубине путь. Можно напомнить, например, имена таких великих ученых, как Абу Али ибн Сина, Абу Райхан Бируни, Ибрахим аз-Заркали, Омар Хайам и многих др. Ученые средневекового мусульманского Востока, где долгое время языком науки являлся арабский, блестяще усвоили результаты научных достижений прошлых цивилизаций, в частности, античной эллинистической эпохи. Они переняли от греков, а на ранних стадиях развития – также от Индии и государства Сасанидов огромные знания и исследовательские методы¹, овладели их математическим аппаратом и в области астрономии. В IX–X вв. на арабский язык были переведены «Начала» Евклида и «Алмагест» Птолемея, а также многие другие сочинения по математике астрологии и астрономии, к которым ученые писали многочисленные комментарии, часто сами превращавшиеся в оригинальные сочинения с новыми подходами.

Как писал Мухаммад ал-Хорезми, «ученые прошлых времен и ушедших народов не переставали писать книги по различным разделам науки и отраслям философии, имея в виду тех, кто будет после них, рассчитывая на награду соразмерно своим силам и надеясь, что они будут вознаграждены славой и памятью и им достанется из правдивых уст похвала, по сравнению с которой ничтожны взятые ими на себя труды и тяготы, принятые ими для раскрытия сокровенных тайн науки. Один из них опередил других в том, что не разрабатывалось до него, и оставил это в наследие тем, кто придет после него. Другой комментирует труды его предшественников и этим облегчает трудности, открывает закрытое, освещает путь и делает это более доступ-

---

¹ Рожанская М.М., Матвиевская Г.П., Лютер И.О. Насир ад-Дин ат-Туси и его труды по математике и астрологии в библиотеках Санкт-Петербурга, Казани, Ташкента и Душанбе. – М.: ИВЛ, 1999. – С.7.

ным. Или же это человек, который находит в некоторых книгах изъязыны и соединяет разъединенное, думая хорошо о своем предшественнике, не заносясь перед ним и не гордясь тем, что сделал»².

Большой интерес средневекового общества на Востоке к этим дисциплинам был естественным образом связан с практическими насущными задачами, требовавшими необходимости хорошей ориентации по звездам – развитием ремесла и расширением торгово-караванной торговли, а также необходимостью отправления религиозных мусульманских практик и нужд, в частности, для исчисления новолуния, определения точного времени для молитв, направления на Мекку (кибла) и т.д.

Если говорить об исламской астрологии, то собственно именно она во многом дала толчок для эволюции точных наук – математики и астрономии. Так, например, ал-Бируни считал, что для того, чтобы быть достойным звания астронома, необходимо сначала досконально знать астрологию («приговоры звезд»). Таким образом, астрономы и астрологи составляли различные, хотя и перекрывающиеся профессиональные сообщества. Мусульманские правители и аристократия придавали огромное значение астрологии и руководствовались ее результатами в практическом плане – в медицине, сельском хозяйстве, мореходстве, алхимии и т.д. Часто астрономию признавали в качестве математической базы для астрологии. Подсчитано, что более 116 мусульманских средневековых авторов написали свои «введения в астрологию».

Основной формой трудов астрологов и, соответственно, астрономов были астрономические таблицы «зиджи», составлявшиеся в специальных астрономических обсерваториях и в большинстве случаев основывавшиеся на теории Птолемея. По ним определяли расположение планет на небесной сфере и руководствовались в толковании гороскопов. Надо особо отметить, что большинство теоретических сочинений персидских астрономов написаны на арабском языке, но зиджи по астрологическим вопросам были созданы на фарси. Основным инструментом астрономов была астрольябия, с помощью которой они производили астрономические вычисления. Во второй половине 13–16 вв. в Мараге, Табризе, Самарканде и Стамбуле были построены

---

² Цит. по: Матвиевская Г.П., Розенфельд Б.А. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII–XVIII вв.). Т.1. – М., 1983. – С.14.

знаменитые астрономические обсерватории, активно развивалось соответствующее образование в медресе, уровень которого не был превзойден в Европе еще много столетий спустя.

Мы считаем и сегодня чрезвычайно актуальной задачу максимального выявления и изучения сохранившихся сочинений по данной тематике в рукописохранилищах разных стран. Собственно наша задача на данном этапе сводилась, в основном, к выявлению и первичной атрибуции обнаруженных списков фонда Казанского университета в соответствии с изначально принятым нами формуляром.

В ряде случаев выявить факты о происхождении списка было все же возможно благодаря наличным палеографическим данным, а именно изучая свойства и качество бумаги, имеющихя филиграней, почерков, стиля пагинации или фолиации, наличия кустод, внешнего вида текста, переплета, записей владельцев, печатей и т.д. и т.п.³ Надо признаться, в ряде случаев мы встречали здесь значительные трудности.

Владельческие печати и записи рассматриваемых рукописей позволили выявить принадлежность некоторых из них к тем или иным частным собраниям. Так, например, в 11 списках по астрологии и астрономии мы обнаружили владельческие печати Галимджана ал-Баруди⁴. Встречаются также владельческие печати и записи других лиц.

В 14 рукописных книгах имеется библиотечный штамп Центральной Восточной Библиотеки музея ТССР⁵ и Научной библиотеки Татареспублики.

---

³ Булгаков Р.М. Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. – Уфа: «Гилем», 2000. – С.11.

⁴ Известный татарский общественно-политический деятель, джадидист, просветитель и педагог Г.Баруди (1857–1921) родился в семье богатого купца, учился в казанском медресе, затем продолжил образование в Бухаре. В 1881 г. он вернулся в Казань и стал муллой в одной из мечетей. В том же году открыл собственное медресе, которое было известно во всем мусульманском мире под названием «Мухаммадия». – См.: Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т.1. – С.306–307.

⁵ Летом 1930 г. эта библиотека была переведена в Татарский научно-исследовательский экономический института (просуществовал с 18 марта 1930 г. по 27 мая 1931 г.), в дальнейшем уже фонды этого института были переданы в состав Научной библиотеки Татареспублики.

В целом рассматриваемые списки характеризуются широким хронологическим диапазоном – от XV до второй половины XIX в. Самый ранний список был переписан в 1434 г. (Ф–4). Есть еще один список 15 в. (Ф–428), 4 списка 17 в. (Ф–22, Ф–6–Ф–7, Ф–18, Ф–23), 8 списков 18 в. (Ф–34, Ф–10, Ф–13, Ф–14, Ф–17, Ф– 20, Ф–139, Ф–192), 5 списков 19 в. (Ф–3, Ф–4, Ф–5, Ф– 19, Ф–25).

География рассматриваемых списков по месту переписки конкретно по самим текстам не прослеживается. Но по внешним признакам можно сказать, что часть из них была создана в Средней Азии, часть местного производства.

В 14 ед.хр. имеются материалы в виде таблиц, схем, чертежей, рисунков.

Списки рукописей, поступали в Научную библиотеку им. Н.И. Лобачевского Казанского университета из разных мест. Таким образом, ареал распространения и переписки персоязычных рукописных книг был достаточно обширен. Они сохранились в том или ином состоянии, несмотря на все сложные перипетии разных исторических эпох и неблагоприятных условий для их хранения и использования.

Остановлюсь на некоторых сочинениях, имеющих в нашем распоряжении.

Астрология

1) Шифр: **Ф–5 (141)**. Полный список XIX в., переписанный в Средней Азии наста'ликом, «Маназир ал-кавакиб» («Зрелища небесных светил»). Автор – выдающийся просветитель, философ и астроном Ахмад б. Мир Насир б. Юсуф ал-Ханефи ас-Сиддики ал-Бухари, по прозвищу «Ахмад-и Калла» [1242/1827–1314/1897]. Труд посвящен познанию астрономического календаря, его построения, расположения знаков зодиака, положения созвездий и т.п. и составлен, согласно хронограмме, в 1288/1871 г. Переписчик неизвестен. Имеются оттиски круглой синей печати Алимджана ал-Баруди.

2) Шифр: **Ф–8 (145)**. Полный, но довольно ветхий список, переписанный красивым наста'ликом в 838/1434., сочинения «Латаиф ал-карам фи ахам ал-'авам» («Гонкости речи о звездах»). Само сочинение было написано в 803/1400–01 г. Мухаммадом ал-Хусайни по прозвищу Саййид Мунаджжим. Переписчик нашего списка неизвестен. Имеются оттиски личной печати ал-Баруди с продублированной легендой его рукой.

2) Шифр: **Ф–22 (160)**. Полный список 1080/1669 г. очень крупным красивым насхом астрологического трактата «Шарх-и китаб ас-самарат (Бтулимиус) «Комментарий на «Книгу плодов в науке о звездах» (Птолемея)», дошел в арабском переводе под названием «Ас-Самарат фи ахкам ан-нуджум» («Плоды [познаний ?] в астрологии»). Этот труд получил в Европе широкую известность по латинским переводам «Liber Fructur». Его комментатор-переводчик – известный астроном Насир ад-Дин Мухаммад б. Мухаммад б. Ал-Хасан ат-Туси (597/1201–672/1274). Он составил эту персидскую парافразу «Тахрир» («Изложение») в 663/1265 (по другим данным, в 660/1262 для Баха ад-Дина Мухаммада, сына Шамс ад-Дина Мухаммада Джувайни, сахиб-дивана (казн. 683/1284). Свой труд «Тахрир» ат-Туси снабдил собственными и заимствованными из трудов других авторов комментариями на «ас-Самарат». Переписчик списка остался неизвестен.

3) Шифр: **Ф–34 (217)**. Полный ветхий список XVIII в. из пяти листов «Китаб-и истихрадж» («Книга извлечения»). Автор (Мухаммад ибн Аййуб ал-Хасиб ат-Табари) жил в X–XI вв. и, как считается, был первым автором, писавшим сочинения на персидском языке по астрологии. Автор излагает астрологические взгляды на жизнь и ее источники по звездам. Переписчик списка неизвестен. Рукопись (по всей вероятности, только часть сочинения) содержится в конце арабской рукописи под шифром «А–130» – труда Абу Ма'шара Балхи по астрологии: «Абу Маш'ар ал-Балхи. Сара'ир ал-асрар» (лл. 97–101).

Астрономия

5) Шифр: **Ф–10 (147)**. Среднеазиатская рукопись, переписанная в начале XVIII в. очень мелким изящным и крупным красивым наста'ликом произведения «Зидж-и джадид» «Новые астрономические таблицы [Мухаммад-Шаха (Савай Джай Сингха)]». Составил раджа Савай Джай Сингх (1686–1743), который был правителем Раджастана в Индии и известным архитектором, а в области астрономии – преемником научных традиций Улугбека. Он работал в обсерваториях в Дели, Бенаресе, Джайпуре, Уджане и Муттре. Таблицы, составленные в первой половине XVIII в., были посвящены «великому моголу» Мухаммад-шаху (1131/1719–1161/1748) и являются результатом совместных наблюдений с современными автору астрономами Западной Европы. Переписчик нашего списка неизвестен. Имеются также оттиски круглой, синего цвета, печати Алимджана ал-Баруди с расшифровкой легенды его рукой синими чернилами.

6) Шифр: **Ф–19 (149)**. Список второй половины XIX в. сочинения «Шарх-и таквим-и Бирджинди» («Комментарий на «Новые султанские астрономические таблицы»). Автор – Абд ал-‘Али б. Мухаммад б. Хусайни Бирджинди – иранский астроном и, по видимому, автор труда о магических свойствах сур Корана (ум. 934/1527–28 г.). Он окончил его в 929/1523 г. В предисловии, отдав должное «Новым султанским астрономическим таблицам» Улугбека, он нередко исправляет его погрешности, снабдив комментарий чертежами. Переписчик данного списка неизвестен. Две круглые синие печати Алимджана ал-Баруди. Рядом – расшифровка легенды синими чернилами.

7) Шифр: **Ф–24 (162)**. Среднеазиатский список 1236/1820 г. крупным красивым наста’ликом сочинения того же автора «Шарх-и зидж-и Улуг-бек» («Комментарий к астрономическим таблицам Улуг-бека»). Переписчик неизвестен. Имеется круглая синего цвета печать Алимджана ал-Баруди.

8) Шифр: **Ф–25 (163)**. «Мухтасар дар ма’рифат-и таквим» («Таблица для определения выбора счастливых дней Луны по двенадцатому созвездию»), или «Краткие сведения о познании календаря». Автор неизвестен. Сочинение представляет собой трактат, содержащий краткие сведения о календаре и других космографических данных, на основе которых составляется календарь. В главах 1–6 рассматриваются системы абджада, арабский, европейский и персидский календари, а в остальных – знаки зодиака, звезды, солнце, луна, фазы луны и другие астрономические явления. Круглые синие печати Алимджана ал-Баруди.

9) Шифр: **Ф–139 (924)**. Список XVIII в., переписанный мелким аккуратным наста’ликом неизвестным переписчиком, сочинения «Рисалат-и му’инийат фи-л-хайат» («Трактат по астрономии, посвященный Му’ину») – фундаментальный астрономический трактат неизвестного автора. Это – персидская версия «Памятки Насир [ад-Дина ат-Туси] по астрономии (Тазкира ан-Насириййа фи ‘илм ал-хай’а). Написан по поручению правителя Кухистана Насир ад-Дина Мухташама для его сына Му’ин ад-Дина Абу ш-Шамса.

10) Шифр: **Ф–192 (1246)**. Среднеазиатский список, переписанный в 1145/1732 г. красивым крупным наста’ликом, знаменитого сочинения «Зидж» («Астрономические таблицы [Улуг-бека]»), известного также под названием («Новые султанские астрономические таблицы») или просто («Астрономические таблицы Улуг-бека»). Ав-

тор – правитель Мавераннахра и Ирана – Улуг-бек б. Шахрох б. Тимур (1394–1449). В составлении таблиц принимали участие ар-Руми, ал-Каши и ал-Кушчи. Бартольд считал, что датой окончания сочинения надо считать 847/1444 г.

Таким образом, рассмотренная в целом часть коллекции персоязычных рукописных книг по астрологии и астрономии представляет собой весьма разнообразное и интересное собрание. Подобные книги, безусловно, намного расширяли горизонты кругозора татарской интеллигенции 19 – начала 20 вв., давали богатую пищу для размышлений и дискуссий. К тому же, возможно они использовались в процессе преподавательской деятельности в медресе.

А.А. Арсланова

**К(И)ФУ Н.И.Лобачевский исемендәге
Фәнни китапханәсенә астрология һәм астрономия
буенча фарсы телле кулъязмалары**

Чыгышның объекты К(И)ФУ Н.И. Лобачевский исемендәге Фәнни китапханәсе Көнчыгыш бүлегенә фондларында сакланучы астрология һәм астрономия буенча фарсы телле кулъязмалар, шулай ук тарихи һәм генетик яктан үзара тыгыз бәйләнгән календарлар тора. Алар күп булмаса да (инвентар китапларына кертелгән 736 кулъязманың 19) бу коллекциянең фарсы телле кулъязмалар арасында мөһим һәм лаеклы урын алып торалар. Монарчы алар нинди дә булса махсус өйрәнүгә тарылмаган, фронталь рәвештә каталоглаштырылмаган иде.

Ачык сүзләр: К(И)ФУ Н.И. Лобачевский исемендәге Фәнни китапханәсе, фарсы телле кулъязмалар коллекциясе, астрология, астрономия.

А.А. Arslanova

**Persian manuscripts on astrology and astronomy
in the collection of N.I. Lobachevsky Scientific Library
of Kazan (Volga) Federal university**

The object of this article are Persian manuscripts on astrology and astronomy as well as calendars (historically and genetically closely related to each other), which are stored in the collection of Eastern Sector of N.I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan (Volga) Federal university and (though they are not so many – only 19 of 736 units included in the inventory books) have an important and worthy place in the collection. So far, they have not been yet subject of any special detailed review, study and cataloging.

Keywords: N.I.Lobachevsky Scientific Library of the Kazan (Volga) Federal university, collection of Persian manuscripts, astrology, astronomy.

Арсланова Алсу Айратовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; старший библиограф Отдела рукописей и редких книг НБ К(П)ФУ; заведующая Центром иранистики при Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ; e-mail: alsuarslanova044@mail.ru

Арсланова Алсу Айрат кызы – тарих фәннәре кандидаты, Татарстан Фәннәр академиясе Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты урта гасырлар тарихы бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре; Казан (Идел буе) федераль университеты Фәнни китапханәсенә Сирәк китаплар һәм кулъязмалар бүлегенә өлкән библиографы; Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты Иранистика үзәгенә мөдире.

Arslanova Alsu Ayratovna – PhD in History, senior scientific researcher of the Department of Medieval History of the Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; senior bibliographer of the Department of rare books and manuscripts of N.I.Lobachevsky Scientific Library of the Kazan (Volga) Federal University; Head of the Center of Iranian Studies of the Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences.

История Чебоксарского духовного училища (1816–1918)

В статье освещается малоизученная история Чебоксарского духовного училища (1816–1918) – одного из старейших учебных заведений г. Чебоксар. Рассматриваются вопросы его управления и финансирования, развития материальной базы, организации учебного процесса, содержания учебных программ, состава, положения и быта учащихся, социальной поддержки малоимущих учеников, участия воспитанников и преподавателей училища в жизни Чебоксар.

Ключевые слова: Православие, духовное образование, бурса, Казанская епархия, Чебоксары.

История Чебоксарского духовного училища – одного из старейших учебных заведений Чебоксар, остаётся малоизученной. Отдельные сведения по его истории содержат работы церковного историка А.А. Благовещенского¹. 100-летию училища посвящена заметка его бывшего воспитателя И.Д. Никитина-Юрки². В 1997 г. группа авторов издала краеведческую брошюру по истории училища³. Опубликованный и архивный материал получил обобщение в нашей энциклопедической статье об истории духовных училищ Чувашии⁴.

История духовного образования в Чебоксарах имеет свою предысторию. Во 2-й половине XVIII в. в Троицком мужском монастыре эпизодически велось обучение неграмотных священников чтению, письму, церковным уставам и др.⁵ Летом 1786 г. с разрешения

---

¹ Благовещенский А.А. История старой Казанской духовной академии. 1797–1818. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1875. – 205 с.; его же. История Казанской духовной семинарии с восемью низшими училищами за XVIII–XIX столетия. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. – 320 с.

² Свящ. Н. Н-н [Никитин-Юрки И.Д.] К 100-летию Чебоксарского духовного училища // Известия по Казанской епархии. – 1916. – 1 мая. – С.435–436.

³ Алексеев Б.Л., Никитин А.С., Никонов Ю.И. Чебоксарское духовное училище. – Чебоксары: Изд-во ЦНТИ Чувашской Республики, 1997. – 97 с.

⁴ Гусаров Ю.В. Духовные училища // Чувашская энциклопедия. – Т.1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – С.547.

⁵ ГИА ЧР. Ф.225. Оп.2. Д.12. Л.13.

архиепископа Казанского и Свияжского Амвросия диакон Успенской церкви г. Чебоксар П. Степанов открыл духовную школу для обучения чтению, письму и нотному пению. Духовенству округа Чебоксарского духовного правления под угрозой штрафа было предписано отдавать своих детей в школу, а её ученикам – участвовать в церковных службах⁶. В 1787 г. обучение детей нотному пению было поручено диакону Введенского собора И. Спиридонову. Местное духовенство показало себя «нерадивым и упрямым» в вопросе обучения детей: учитель вынужден был собирать деньги с родителей не только на оплату своего труда, но и наём помещения⁷. Видимо, по этой причине школа вскоре закрылась.

В апреле 1816 г. священники Чебоксар Г. Молчановский, П. Зимнинский, Н. Альпидовский и диакон (затем священник) А. Воронцов, обеспокоенные тем, что местное духовенство несло большие дорожные и иные расходы при обучении сыновей в Казанской духовной академии, а семьи бедных священно- и церковнослужителей не могли обучать своих детей на стороне, выступили с ходатайством об открытии духовного училища в городе. По их расчётам, оно могло разместиться в новом деревянном доме, который в 1814 г. пожертвовала на эти цели вдова, купчиха М.Г. Кологривова и в двух каменных домах в ограде Благовещенской церкви. Архиепископ Казанский и Симбирский Амвросий поддержал «благое и полезное» намерение, поручив Казанскому академическому правлению представить кандидатуру на должность ректора, обеспечить училище учебными книгами и изыскать средства на его содержание, на первых порах обучать в нём предметам по программе приходского духовного училища⁸.

7 мая 1816 г. ректором училища был назначен протоиерей Введенского собора Г. Еделевский. Учителями по собственному желанию стали инициаторы открытия училища. Первое время они не получали вознаграждения за свой труд – он шёл в зачёт их церковной службы⁹. 28 сентября 1816 г. в деревянном и одном из названных каменных до-

---

⁶ Там же. – Л.82.

⁷ Там же. – Д.15. Л.43, 52.

⁸ Там же. – Ф.227. Оп.1. Д.537. Л.2 об., 3 об.

⁹ Благовещенский А.А. История старой Казанской духовной академии. – С.163.

мов были открыты два приходских класса¹⁰. В 1817 г. церковные власти выиграли судебный процесс с мещанской вдовой А.И. Арбатовой о праве собственности на второй каменный дом в ограде Благовещенской церкви, после чего он также перешёл к училищу¹¹.

24 сентября 1818 г., в соответствии с уставом духовно-учебных заведений 1808 г. учебное заведение было преобразовано в духовное уездное училище в паре с приходским со сроком обучения, соответственно, 6 лет и 2 года. Поскольку в училище не преподавался ряд предметов по программе уездного училища (греческий язык, славянская грамматика), первоначально было открыто низшее отделение¹². К училищу были приписаны Чебоксарский, Свияжский, Тетюшский, Ядринский, Цивильский, Козьмодемьянский уезды, духовенству которых было предписано отдавать в него своих детей с 6 лет¹³. Ректором был назначен иеромонах казанского Кизического монастыря Нафанаил (Репьев), учителями – выпускники Казанской духовной семинарии.

В училище набирали детей 8–12 лет (до 1852 г. ежегодно, затем – раз в два года), обученных дома чтению, письму, общеупотребительным молитвам, основам христианства и первым двум действиям арифметики с таблицей умножения. Уроки длились 1 ч. 15 мин., учебная неделя – 6 дней, учебный год – с 1 сентября до 15 июля. Последний делился на трети, в конце которых проводились промежуточные экзамены: в декабре, марте – апреле, июле. Сроки учебного года могли корректироваться в зависимости от обстоятельств: например, в 1871 г. в связи с появлением в городе холеры ученики были распущены по домам до 10 сентября¹⁴. Кроме летних каникул существовали короткие каникулы, приуроченные к Рождеству, Масленице, Пасхе.

---

¹⁰ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.567. Л.9об.–10; Журналы Чебоксарского окружного съезда депутатов по делам Чебоксарского духовного училища, бывшего 25 и 26 июня 1873 г. // Известия по Казанской епархии. – 1874. – 15 февраля. – С.120.

¹¹ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.537. Л.13 об.

¹² Благовещенский А.А. История Казанской духовной семинарии... – С.253.

¹³ ГИА ЧР. Ф.225. Оп.1. Д.61. Л.737.

¹⁴ Там же. – Ф.227. Оп.1. Д.2076. Л.60, 68 об.

В 1871/72 учебном году завершилась реорганизация училища в соответствии с реформой духовных учебных заведений 1867 г.¹⁵ Оно стало 4-классным учебным заведением, приближенным по учебной программе к прогимназии. В первый класс стали принимать детей 10–12 лет, штат преподавателей увеличился до 8 чел. Появились и другие новшества: экзамены стали проводиться один раз в конце учебного года, введена 5-балльная система оценок за успеваемость, количество уроков увеличено с 3 до 4 в день. По итогам годовых экзаменов составлялись разрядные списки: ученики 1-го и 2-го разрядов переводились в следующий класс, 3-го (худшие по успеваемости) оставались на второй год. Финансирование училища легло на церкви Чебоксарского училищного округа, включавшего Чебоксарский, Цивильский, Козьмодемьянский, Ядринский и часть Царевкокшайского уездов (всего 171 приход)¹⁶. От Синода поступало пособие на зарплату учителям. С 1869 г. депутаты окружного духовенства ежегодно собирались на съезды для решения финансовых и хозяйственных вопросов жизни училища. Училищем руководил смотритель. Он же возглавлял училищное правление, куда входили его помощник, один из преподавателей и два депутата от духовенства. Казанское семинарское правление сохранило контроль за учебно-воспитательным процессом.

Учебные уставы 1884 г. оставили без изменений сроки обучения и возраст учеников, но поставили духовные училища под контроль епархиальных архиереев, ограничили права съездов духовенства и увеличили учебную программу богословских дисциплин за счёт светских. Было введено ограничение на количество иносословных учеников – не более 10% от общего числа учащихся.

До 1867 г. училище находилось в ведении правления Казанской семинарии, финансировалось духовно-учебным управлением при Синоде. Вот смета расходов 1842 г. с разделением по уездному и приходскому училищам: на жалованье учителям – 765 руб. 05 коп. / 157 руб. 30 коп., на содержание училищных зданий – 114,2 руб. / 42,8 руб., на жалованье учителям чувашского и марийского языков – 71,5 руб. и др.¹⁷ После 1867 г. расходы по содержанию учеников, ремонту, отоплению, освещению учебных корпусов и др. оплачивались

---

¹⁵ Там же. – Д.2031. Л.3.

¹⁶ Там же. – Д.1962. Л.5.

¹⁷ Там же. – Д.781. Л.5.

за счёт сбора по раскладке с церковью училищного округа, который в 1881 г. был заменен 25-процентным взносом с их доходов (свечного, кошелькового, кружечного), а в начале XX в. доведён до 30%. При строительстве и покупке недвижимости для училища назначался дополнительный 10–15-процентный сбор. В доход училища поступали также: венчиковый сбор, взносы со священников за награды, пожертвования, плата за содержание в общежитии, за право обучения и т.д. В 1889 г. училище было профинансировано на 11238 руб. (в т.ч. субсидия Синода на зарплату педагогов –5748,6 руб.), в 1909 г. – на 17048 руб. 25 коп., в 1917 г. – на 29348 руб. 48 коп.¹⁸ С 1914 г. назначалась субсидия от казны на зарплату служащим и хозяйственные нужды училища в размере около 2000 руб.

С ростом числа учеников стал ощущаться дефицит учебных площадей. В 1820 г. здания училища были отремонтированы и расширены¹⁹. Избавиться от тесноты не удалось, в классах было душно и сыро, особенно зимой, отчего многие ученики болели. Из-за нехватки помещений библиотека с архивом ютились в разрушающемся приделе Благовещенской церкви²⁰. В 1842 г. здания признали ветхими, не подлежащими ремонту. В 1845–1850 гг. на погосте Благовещенской церкви по проекту архитектора А.К. Ломана был построен 2-этажный каменный корпус, введенный в строй 1 сентября 1851 г.²¹ После этого старые здания училища были возвращены Благовещенской церкви.

В 1884–1888 гг. к училищу был пристроен каменный корпус общежития на 120 чел., спроектированный архитектором А.Г. Не-

---

¹⁸ Там же. – Д.2854. Л.4об.–5; Журналы съезда духовенства Чебоксарского духовно-учебного округа, бывшего 2–4 сентября 1908 г. // Известия по Казанской епархии. – 1909. – 22 апреля. – С.452; Приволжские города и селения в Казанской губернии. – Казань: Тип. губ. правления, 1892. – С.52; Журналы съезда оо. депутатов Чебоксарского духовно-училищного округа за 1916-й год // Известия по Казанской епархии. – 1916. – 15–22 декабря. – С.1071.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф.225. Оп.2. Д.163. Л.882.

²⁰ Благовещенский А.А. История Казанской духовной семинарии... – С.270.

²¹ Барсов И.М. Летопись Благовещенской церкви города Чебоксар // Известия по Казанской епархии. – 1888. – 1 декабря. – С.548; ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.951(г). Л.1 об.

винским²². Двор училища имел небольшие размеры, был разделён на две части: одна служила для хранения дров, другая – площадкой для игр, которая едва вмещала 20 детей²³. Нуждаясь в расширении, училище приобрело несколько смежных частных земельных участков, а в 1895 г. – усадьбу красноярской мещанки Е.Я. Керт с каменным 2-этажным домом, двумя флигелями, садом и огородом в нескольких кварталах выше по улице. Каменный дом использовался под спальню для 44-х учеников и квартиры для эконома и одного из надзирателей училища; один из флигелей арендовала городская управа для размещения конвойной команды²⁴. В 1901–1911 гг. на верхней усадьбе был построен 2-этажный каменный учебный корпус по проекту епархиального архитектора Ф.Н. Малиновского. В 1911–1912 гг. он был соединён со спальным корпусом жилой вставкой по проекту помощника епархиального архитектора Антонова²⁵. В 1912 г. занятия были перенесены в новый корпус, а старый переоборудован под общежитие на 120 чел.²⁶ 15 сентября 1914 г. в одном из зданий училища открылся лазарет для солдат на 15 коек.

В середине XIX в. в уездном и приходском духовных училищах в среднем обучалось, соответственно, 160 и 116 учеников (поступало 43, оканчивало 39), в начале XX в. в духовном училище – около 150. Среди учеников преобладали русские, но имелись чуваша и марийцы. В отличие от детей клира, ученики-миряне (мещане, крестьяне, торговцы и др.)²⁷ учились за плату (отменена в 1914 г.). По нашим подсчетам, в начале XX в. их доля в контингенте учащихся составляла 4–10%. В округе было немало семей, представители которых на протяжении ряда поколений являлись питомцами училища. В 1-й половине XIX в. Чебоксарское духовное правление направляло в училище церковнослужителей для обучения чтению, письму и пению²⁸.

---

²² ГИА ЧР. Ф.82. Оп.1. Д.492. Л.207 об.

²³ Там же. – Ф.227. Оп.1. Д.2909. Л.10, 42.

²⁴ Там же. – Д.2969. Л.27; Ф.82. Оп.1. Д.854. Л.40.

²⁵ Журнал съезда оо. депутатов Чебоксарского духовно-училищного округа за 1911 год // Известия по Казанской епархии. – 1912. – 8 июня. – С.682–683; ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.2909. Л.124.

²⁶ К сведению родителей учеников Чебоксарского духовного училища // Известия по Казанской епархии. – 1912. – 8 июля. – С.777.

²⁷ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.1198. Л.2; НА ЧГИГН. Отд.І. Ед.хр.526. Л.332.

²⁸ ГИА ЧР. Ф.225. Оп.1. Д.61. Л.733.

Ученики бросали учёбу по разным причинам: состоянию здоровья, материальной нужде, семейным обстоятельствам и др. Некоторые переводились в другие учебные заведения в связи с переездом. Например, в 1871 г. 6 учеников были приняты в хор архиепископа и перешли в духовное училище г. Казани²⁹. После пожара г. Казани 1842 г. ученики казанского духовного и приходского училищ были определены на вакантные места в аналогичные училища Чистополя, Свяжска и Чебоксар³⁰.

Выпускники училища продолжали обучение в Казанской семинарии, исключённые по великовозрастности и неуспеваемости поступали в епархиальное ведомство для определения на причётнические места³¹, послушниками в монастыри и др. В 1853 г. для них открылся причётнический класс, который в 1855 г. был закрыт «за неимением желающих поступить в оный»³². В 1874–1908 гг. действовал приготовительный класс для подготовки к поступлению в училище³³. С 1891 г. выпускники, сдавшие специальный экзамен, получали свидетельство с правом преподавания в одноклассных церковно-приходских школах.

В 1821 г. была основана фундаментальная библиотека, пополнявшаяся на деньги, сэкономленные за счёт вакантных учительских ставок и остатков хозяйственной суммы. В 1871 г. она насчитывала книг в количестве 131 названий в 442 томах. Библиотека носила закрытый характер – в отчёте отмечалось: «Кроме смотрителя и наставников училища никто сих книг не читает»³⁴. В 1871 г. на пожертвования окружного духовенства была создана ученическая библиотека для внеклассного чтения, пополнявшаяся за счёт платы с учеников, добровольных пожертвований, штрафов за порчу книг и др.³⁵ В разные годы действовали и другие библиотеки: учебная – с

---

²⁹ Там же. – Ф.227. Оп.1. Д.2076. Л.34.

³⁰ Благовещенский А.А. История Казанской духовной семинарии... – С.265.

³¹ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.1198. Л.2.

³² Там же. – Д.1243. Л.1; Д.1445. Л.2 об.

³³ Там же. – Д.2174. Л.6; Журналы съезда духовенства Чебоксарского духовно-учебного округа, бывшего 2–4 сентября 1908 г. // Известия по Казанской епархии. – 1909. – 22 апреля. – С.448.

³⁴ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.2084. Л.3.

³⁵ Там же. – Д.2076. Л.24 об.

методической литературой для учителей, продажная – для продажи литературы ученикам, учебных книг для бедных учеников.

В 1889 г. почётным блюстителем училища по хозяйственной части был утверждён купец 1-й гильдии А.П. Астраханцев, который в 1890 г. на свои средства построил в учебном корпусе домовую церковь во имя св. Андрея Критского³⁶. В 1890 г. при училище открылось общежитие и введены должности эконома (завхоза) и двух классных надзирателей³⁷. Первое время, до появления должности священника домово́й церкви и духовника учеников, его функции исполнял эконом.

Обитатели общежития платили за одежду, стол с пятиразовым питанием (утром – чай с белым хлебом, в 12 ч. – завтрак, около 14 ч. – обед из трех блюд, вечером – чай с хлебом, затем ужин из двух блюд³⁸) и постельное бельё. Не внесшие платы в срок переводились на частные квартиры³⁹. Столовая, буфет и кухня располагались в подвальном этаже учебного корпуса. Ученики носили форменную (праздничную и повседневную) одежду. В начале XX в. она была темно-серого цвета с выбитыми буквами «Ч.Д.У.» на бляхах ремней и фуражках.

Ученики, обучавшиеся за свой счёт, назывались своекоштными, сироты и дети из бедных семей, принятые на казённое содержание – бурсаками, получатели казённого пособия в половинном размере – полубурсаками. В 1848 г. имелось 33 бурсака и 35 полубурсаков, в 1900-е гг. – 20 полных и 40 половинных пансионеров⁴⁰. В середине XIX в. обучение своекоштного ученика обходилось в 4,17 руб., бурсака – в 27 руб., полубурсака – в 15,6 руб. в год⁴¹.

---

³⁶ Торжественное поднесение св. иконы духовенством Чебоксарского округа потомственному почётному гражданину А.П. Астраханцеву // Известия по Казанской епархии. – 1891. – 1 мая. – С.281, 283.

³⁷ Журналы Чебоксарского окружного училищного экстренного съезда оо. депутатов бывшего 1889 г. с 7 августа по 11-е // Известия по Казанской епархии. – 1889. – 1 ноября. – С.589, 591, 594.

³⁸ Город Чебоксары, его святыни, монастыри, храмы и достопримечательности // Известия по Казанской епархии. – 1906. – 1 июня. – С.656.

³⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед.хр.526. Л.332; К сведению родителей и воспитателей учеников Чебоксарского духовного училища // Известия по Казанской епархии. – 1906. – 8–15 июля. – С.819.

⁴⁰ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.1087. Л.8; Д.2854. Л.17 об.

⁴¹ Там же. – Д.1198. Л.2.

Бурсачный фонд формировался за счёт субсидии от Комиссии духовных училищ при Синоде, продажи венчиков, налагаемых на усопших, листов разрешительной молитвы и пожертвований. Семинарское правление указывало на его ограниченные возможности, призывая привлекать пожертвования на местах. В 1822–1823 гг. среди светских и духовных лиц Чебоксарского и соседних уездов (в т.ч. воспитанников училища) по подписке было собрано 55,8 руб., которые распределили среди нуждающихся учеников⁴². Подобные акции проводились регулярно. Формой поддержки успевающих и «благонравных» учеников, не получавших казённого пособия, служило предоставление им вакантных причётнических мест для получения дохода⁴³.

История училища знает немало примеров благотворительности. В 1823 г. смотритель Нафанаил (Репьев) принял на своё содержание двух учеников⁴⁴. В 1830 г. архимандрит Троицкого монастыря Самуил (? – 1853) на свой счёт содержал трёх учеников. Он завещал училищу два банковских билета на 1847 руб. и 100 руб. с тем, чтобы на проценты с них обучались два ученика⁴⁵.

В 1904 г. было учреждено попечительство при домовой училищной церкви, начало формированию фонда которого в 1903 г. положил взнос архиепископа Казанского и Свияжского Димитрия в размере 100 руб.⁴⁶ (в 1905 г. пожертвовал ещё 100 руб.). В первый год по подписке и через благочинных было собрано около 500 руб. пожертвований, записалось 57 членов⁴⁷. Попечительство объединяло купцов, священников, учителей и служащих духовного училища, финансировалось за счёт членских взносов и пожертвований. Оно заботилось о «благоукрашении» домовй церкви и оказывало материальную помощь нуждающимся ученикам: вносило плату за общежитие, обеспечивало одеждой, обувью, учебниками и др.

---

⁴² Там же. – Д.59. Л.1–6.

⁴³ Там же. – Д.726. Л.1 и др.

⁴⁴ Там же. – Д.59. Л.5об.

⁴⁵ Благовещенский А.А. История Казанской духовной семинарии... – С.142, 154.

⁴⁶ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.2854. Л.29.

⁴⁷ Отчёт Попечительства при безприходной церкви Чебоксарского духовного училища во имя св. Преподобномученика Андрея Критского за 1904/5 учебный год // Известия по Казанской епархии. – 1905. – 1 октября. – С.1105–1110.

В 1905 г. Синод утвердил положение о стипендии имени Алексея и Марии Зороатских на проценты от капитала в размере 3272 руб. 37 коп. Её учредил сын дьячка с.Шапы Царевококшайского уезда А.Ф. Зороатский (1834–1903), обучавшийся в Чебоксарском духовном училище в 1844–1853 гг. Он жил скромно, отказывая себе во всём и большую часть сбережений завещал родному училищу на одну стипендию для бедных учеников. Его вдова присоединила к ним свои, чтобы хватило средств на две стипендии⁴⁸. В 1913 г. были учреждены частные стипендии чебоксарского лесопромышленника С.И. Хлебникова и коллежского советника В.Н. Захарова. Они формировались за счёт банковских процентов с капиталов по 1000 руб., пожертвованных первым и сестрой второго, вдовой, коллежской советницей З.Н. Лебедевой⁴⁹.

В начале XX в. сложилась традиция проведения училищных вечеров в престольный праздник домово́й церкви (17 октября) и перед каникулами на святки и масленицу с исполнением церковных и светских песен, литературными чтениями, театральными постановками⁵⁰. Хор училища славился «образцовым пением», выступал на городских праздниках. Училище участвовало в общественных акциях. В 1855 г. оно удостоилось «высочайшей благодарности» за сбор средств на военные нужды в Крымской войне. В годы русско-японской войны внесло в фонд Красного Креста более 2 тыс. руб.⁵¹

В дореформенную эпоху в училище царили зубрёжка и грубая сила, учеников наказывали за малейшую провинность. А.Ф. Зороатский так описал порку, которой подвергся на уроке чистописания: «...Учитель... разложил меня для экзекуции. Мальчишек навалилось на голову и на ноги масса, и начали сыпать. Я вертелся, вертелся, выбился из сил, нервы мои ослабели от крику и боли, и тут же и [обделалс]я. После этого стегать перестали... Учитель велел мне сложить всё руками в по́лу (подол рубахи. – Ю.Г.) и вынести в рети-

---

⁴⁸ Астрономов Е.А. Алексей Фадеевич Зороатский // Известия по Казанской епархии. 1905. – 22 сентября. – С.1077, 1085; ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.2907. Л.33.

⁴⁹ Алексеев Б.Л. и др. Указ. соч. – С.51.

⁵⁰ Землянички Т.А. Ученический литературно-вокальный вечер в Чебоксарском духовном училище 19-го декабря 1908 г. // Известия по Казанской епархии. – 1909. – 1 февраля. – С.169–170.

⁵¹ Алексеев Б.Л. и др. Указ. соч. – С.54, 56.

рад (туалет. – Ю.Г.), а потом сесть за парту, как ни в чём не было»⁵². Младшие ученики молча сносили издевательства старшекласников, чтобы не прослыть ябедниками. Питомец Чебоксарского училища этнограф В.К. Магницкий вспоминал, что плакал из-за «больших уроков» даже в выпускном классе, хотя числился среди «первых» (хорошо успевающих) учеников⁵³.

Ученики проживали на частных квартирах группами около 10 чел. Их поведение вне уроков контролировал инспектор (после реформы 1867 г. – помощник смотрителя). В каждой группе назначался старший ученик, который отвечал за дисциплину и выполнение уроков⁵⁴. Судя по воспоминаниям, нередко такие ученики куражились над товарищами: «Лёжа, бывало, учит урок, а меня заставит щекотить [ему] икры [...] не обращая внимания на то, приготовил или нет я свой урок. При моём ослушании начнёт драть за уши»⁵⁵. В 1868 г. Казанский губернский съезд духовенства постановил не назначать старших над учениками: «... так как они не только не приносят пользы для учеников, но нередко и вред»⁵⁶. В 1874 г. по инициативе смотрителя В. Катаринского были введены вечерние занятия для выполнения домашних заданий, которые проводились в учебном здании под контролем надзирателя, что имело хороший учебный эффект⁵⁷.

Обитателям общежития было запрещено отлучаться в город без разрешения. Ученики, проживавшие на квартирах, пользовались большей свободой, но были обязаны по воскресным и праздничным дням посещать богослужения в Благовещенской (с 1890 г. – в домашней) церкви, при этом ученики 2–4 классов участвовали в чтении и пении и прислуживали в алтаре. Это было неудобно для проживавших в дальних концах города, вынужденных, в зависимости от сезона, месить грязь или мерзнуть, пробираясь по тёмным улицам. А.Ф. Зороатский вспоминал: «К заутрене-то приходилось вставать

---

⁵² Астрономов Е.А. Указ. соч. // Известия по Казанской епархии. – 1905. – 22 сентября. – С.1087.

⁵³ ОРК НБ КГУ. Рук. №2308. Л.6.

⁵⁴ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.918. Л.7.

⁵⁵ Астрономов Е.А. Указ. соч. // Известия по Казанской епархии. – 1905. – 22 сентября. – С.1088.

⁵⁶ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.2065. Л.14.

⁵⁷ Журналы Чебоксарского окружного съезда депутатов по делам Чебоксарского духовного училища, бывшего в июне месяце 1874 г. // Известия по Казанской епархии. – 1874. – 15 ноября. – С.660.

часа в три, да по грязи бежать в лаптях ... Промокнешь, бывало, продрогнешь ... в церкви-то стоя, и у заутрени и за обедней только и думаешь о том, как бы поскорее служба кончилась, [чтобы] домой убежать – пообсушиться да обогреться...»⁵⁸.

Для учеников были строго запрещены шегольство, мотовство, курение табака, игра в карты. Преследовались брань, ссоры, драки, воровство. Они должны были быть «благопокорны» начальству, послушны учителям, почтительны «ко всем высшим». Проступки воспитанников фиксировались в кондуитных журналах. Судя по ним, они вели себя подобно школярам всех времён: подсказывали на уроках, разговаривали, пели и бросались корками хлеба во время приёма пищи, уединялись в укромных местах. Вот описание прегрешения воспитанника Н. Пактовского: «Заметив из училищного окна проходившую мимо прислугу Благовещенского священника (т.е. Благовещенской церкви. – Ю.Г.), начал громко и насильно кашлять, чтобы тем самым привлечь её внимание». За этот и другие проступки ему была выставлена двойка по поведению⁵⁹. Серьёзные нарушения дисциплины вроде употребления вина случались редко.

Большинство учащихся происходили из семей со скромным достатком. Вот описание их одежды середины XIX в.: «Самотканые халаты, обрывки верёвок вместо кушаков, лапти вместо сапогов, изорванные фуражки без козырьков»⁶⁰. Также и в 1870-е гг. отмечалось, что ученики «одеты плохо, ходят в изорванной одежде», некоторые не посещают занятий из-за отсутствия запасной обуви⁶¹. Не отличались комфортом и условия проживания на частных квартирах. Дети ели за «голым» столом «... из общей чашки, по-деревенски»; обычным блюдом были горох и каша⁶². Домохозяйства экономили на детях: «Не подчиняясь никаким правилам, часто на 10 и более мальчиков выдают для их занятий по одной свече на вечер, вовсе не заботятся о

---

⁵⁸ Астрономов Е.А. Указ. соч. // Известия по Казанской епархии. – 1905. – 22 сентября. – С.1094.

⁵⁹ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.2734. Без нумерации.

⁶⁰ Астрономов Е.А. Указ. соч. // Известия по Казанской епархии. – 1905. – 22 сентября. – С.1094.

⁶¹ Алексеев Б.Л. и др. Указ. соч. – С.49; Журналы Чебоксарского окружного съезда депутатов ... бывшего в июне месяце 1874 г. // Известия по Казанской епархии. – 1874. – 15 ноября. – С.661.

⁶² Руфимский П.М. Из семинарских воспоминаний // Известия по Казанской епархии. – 1911. – 1 января. – С.25.

чистоте воздуха и комнат, заставляют спать повалкой на грязных полах, а в весеннее или осеннее время принуждают мальчиков скидать сапоги на крыльцах и входить в комнату босыми»⁶³.

В ноябре 1868 г. многие ученики переболели горячкой, что заставило казанского архиерея обратить внимание руководства училища на улучшение быта учеников. В 1869 г. были выделены средства на оборудование в училище изолятора на 10 коек и покупку лекарств⁶⁴. С этого времени в училищном бюджете закладывались средства на лечение учеников; в конце XIX в. в штате училища появилась ставка врача⁶⁵. Судя по ведомостям 1871 г., в отдельные месяцы 4,6% учеников не посещали занятия по болезни⁶⁶.

С 1821 г. в училище преподавались чувашский и марийский языки. С 1868/69 учебного года семинарское правление в соответствии с рекомендациями архиепископа Казанского Антония об улучшении преподавания языков местных народов, увеличило учебные часы на теорию и культуру речи, рекомендуя ученикам в период каникул практиковаться в разговорном языке⁶⁷. Однако решением съезда духовенства Чебоксарского училищного округа от 27 мая 1871 г. преподавание местных языков было прекращено как не приносящее пользы⁶⁸. В 1900-е гг. учеников стали обучать переплетному мастерству, в 1909 г. – гимнастике. Под влиянием революции 1905–1907 гг. был введён курс природоведения, уменьшено количество часов на классические языки⁶⁹. Летом 1898 г. на базе училища были организованы краткосрочные педагогические курсы для учителей церковноприходских школ и школ грамоты Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Царевококшайского, Ядринского, Чистопольского и Тетюшского уездов⁷⁰.

---

⁶³ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.2065. Л.9.

⁶⁴ Там же. – Л.20.

⁶⁵ Журналы съезда депутатов от духовенства Чебоксарского училищного округа от 25 января 1896 г. // Известия по Казанской епархии. – 1896. – 1 апреля. – С.180.

⁶⁶ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.2076. Л.34.

⁶⁷ Благовещенский А.А. История Казанской духовной семинарии... – С.446, 451.

⁶⁸ ГИА ЧР. Ф.227. Оп.1. Д.2065. Л.31.

⁶⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед.хр.526. Л.333.

⁷⁰ Открытие педагогических курсов в Чебоксарах // Известия по Казанской епархии. – 1898. – 1–15 июля. – С.594.

В годы революции 1905–1907 гг. в училище проник дух бунтарства. Надзиратели Н.В. Ячин и И.Д. Никитин-Юрки активно включились в общественно-политическую жизнь города. В январе 1906 г. ученики провели акцию в поддержку Н.В. Ячина, отстранённого от должности за агитационную работу среди рабочих и горожан: на переменах демонстративно шумели в классах и пели популярные в годы революции песни. 12–13 октября 1906 г. ученики выступили против назначения смотрителем непопулярного в их среде К.А. Ветошкина. Они забаррикадировались в классах и распевали революционные песни. Для восстановления порядка пришлось ломать двери. По распоряжению казанского архиерея училище было временно закрыто, ученики распущены по домам, несколько человек – исключены⁷¹.

С началом Первой мировой войны все слои общества охватил дух патриотизма. В октябре 1914 г. ученики-обитатели общежития, решили на время войны отказаться от третьего обеденного блюда и пирогов в праздничные дни с тем, чтобы их стоимость поступала «на военные нужды», а проживавшие на квартирах – вносить на те же цели по 15–30 руб. в месяц. В воскресенье 26 октября 1914 г. ученики разделились на группы и отнесли свои пироги солдатам, лечившимся в четырёх лазаретах города⁷².

В конце 1918 г. училище было закрыто в соответствии с декретом об отделении церкви от государства⁷³. За 100-летнюю историю оно подготовило более 2 тыс. выпускников, большая часть которых после завершения духовного образования вело пастырскую деятельность в церквях Чебоксарского и соседних уездов. Среди питомцев училища были учёные и вузовские преподаватели: профессора Казанской духовной академии А.И. Степанов (Гурий) и К.Г. Григорьев, юрист А.В. Соколов, этнографы В.К. Магницкий и Н.В. Никольский, фольклорист И.Д. Никитин-Юрки, языковед Н.А. Резюков и др. Преемником училища является Чебоксарское епархиальное православное духовное училище, открытое в 1995 г.

---

⁷¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 333, 334.

⁷² Калиновский А.Г. Рапорт на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Иакова, архиепископа Казанского и Свияжского, смотрителя Чебоксарского духовного училища // Известия по Казанской епархии. – 1914. – 15 декабря. – С. 1475, 1476.

⁷³ Распоряжения епархиального начальства // Известия по Казанской епархии. – 1918. – 22 декабря. – С. 306.

Источники и литература

1. Алексеев Б.Л., Никитин А.С., Никонов Ю.И. Чебоксарское духовное училище. – Чебоксары: Изд-во ЦНТИ Чувашской Республики, 1997. – 97 с.
2. Астрономов Е.А. Алексей Фадеевич Зароацкий // Известия по Казанской епархии. – 1905. – 22 сентября. – С.1084–1097.
3. Барсов И.М. Летопись Благовещенской церкви города Чебоксар // Известия по Казанской епархии. – 1888. – 1 декабря. – С.542–577.
4. Благовещенский А.А. История старой Казанской духовной академии. 1797–1818. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1875. – 205 с.
5. Благовещенский А.А. История Казанской духовной семинарии с семью низшими училищами за XVIII–XIX столетия. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. – 320 с.
6. Город Чебоксары, его святыни, монастыри, храмы и достопримечательности // Известия по Казанской епархии. – 1906. – 1 июня. – С.647–660.
7. Гусаров Ю.В. Духовные училища // Чувашская энциклопедия. – Т.1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – С.547.
8. Журнал съезда оо. депутатов Чебоксарского духовно-училищного округа за 1911 год // Известия по Казанской епархии. – 1912. – 8 июня. – С.675–683.
9. Журналы съезда депутатов от духовенства Чебоксарского училищного округа от 25 января 1896 г. // Известия по Казанской епархии. – 1896. – 1 апреля. – С.178–184.
10. Журналы съезда духовенства Чебоксарского духовно-учебного округа, бывшего 2–4 сентября 1908 года // Известия по Казанской епархии. – 1909. – 22 апреля. – С.442–453.
11. Журналы съезда оо. депутатов Чебоксарского духовно-училищного округа за 1916-й год // Известия по Казанской епархии. – 1916. – 15–22 декабря. – С.1069–1073.
12. Журналы Чебоксарского окружного съезда депутатов по делам Чебоксарского духовного училища, бывшего 25 и 26 июня 1873 г. // Известия по Казанской епархии. – 1874. – 15 февраля. – С.111–126.
13. Журналы Чебоксарского окружного съезда депутатов по делам Чебоксарского духовного училища, бывшего в июне месяце 1874 г. // Известия по Казанской епархии. – 1874. – 15 ноября. – С.645–665.
14. Журналы Чебоксарского окружного училищного экстренного съезда оо. депутатов бывшего 1889 г. с 7 августа по 11-е // Известия по Казанской епархии. – 1889. – 1 ноября. – С.577–598.
15. Земляничский Т.А. Ученический литературно-вокальный вечер в Чебоксарском духовном училище 19-го декабря 1908 г // Известия по Казанской епархии. – 1909. – 1 февраля. – С.169–170.
16. Калиновский А.Г. Рапорт на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Иакова, архиепископа Казанского и Свияжского,

смотрителя Чебоксарского духовного училища // Известия по Казанской епархии. – 1914. – 15 декабря. – С.1475–1476.

17. К сведению родителей и воспитателей учеников Чебоксарского духовного училища // Известия по Казанской епархии. – 1906. – 8–15 июля. – С.818–820.

18. К сведению родителей учеников Чебоксарского духовного училища // Известия по Казанской епархии. – 1912. – 8 июля. – С.777.

19. Открытие педагогических курсов в Чебоксарах // Известия по Казанской епархии. – 1898. – 1–15 июля. – С.594–596.

20. Отчёт Попечительства при безприходной церкви Чебоксарского духовного училища во имя св. Преподобномученика Андрея Критского за 1904 – 5 учебный год // Известия по Казанской епархии. – 1905. – 1 октября. – С.1105–1110.

21. Приволжские города и селения в Казанской губернии. – Казань: Тип. губ. правления, 1892. – 213 с.

22. Распоряжения епархиального начальства // Известия по Казанской епархии. – 1918. – 22 декабря. – С.305–317.

23. Руфимский П.М. Из семинарских воспоминаний // Известия по Казанской епархии. – 1911. – 1 января. – С.25–33.

24. Свящ. И. Н-н. [Никитин-Юрки И.Д.]. К 100-летию Чебоксарского духовного училища // Известия по Казанской епархии. – 1916. – 1 мая. – С.435–436.

25. Торжественное поднесение св. иконы духовенством Чебоксарского округа потомственному почётному гражданину А.П. Астраханцеву // Известия по Казанской епархии. – 1891. – 1 мая. – С.278–288.

26. ГИА ЧР. Ф.82. Оп.1. Д.12, 15, 59, 61, 163, 492, 537, 567, 726, 781, 854, 918, 951 (г), 1087, 1198, 1243, 1445, 1962, 2031, 2065, 2076, 2084, 2174, 2734, 2854, 2907, 2909

27. НА ЧГИГН. Отд.1. Д.526.

28. ОРРК НБ КФУ. Рук. №2308.

Ю.В. Гусаров

Чебоксар рухани училищесы тарихы (1816–1918)

Мәкаләдә Чебоксар шәһәренәң иң борынгы уку йортларының берсе булган һәм әлегә кадәр начар өйрәнелгән Чебоксар рухани училищесы (1816–1918) тарихы яктыртыла. Аның идарә итү һәм финанслау, матди базасын ныгыту, уку процессын оештыру, уку программаларының эчтәлегә, укучыларының составы, хокукый хәле һәм тормыш-көнкүреше, ярлы укучыларга социаль ярдәм күрсәтү, биредә тәрбияләнүчеләрнең һәм укытучыларның Чебоксарның тормышында катнашу кебек мәсьәләләр карала.

Ачкыч сүзләр: Православие, дини белем, бурса, Казан епархиясе, Чебоксар.

History of spiritual school of Cheboksary (1816–1918)

The article highlights the insufficiently studied history of spiritual school of Cheboksary (1816–1918) – one of the oldest educational institutions of Cheboksary from foundation up to liquidation. Questions of its management and financing, development of a material resources, the organization of educational process, the maintenance of curriculums, structure, position and a life of pupils, social support of needy pupils, participation of pupils and teachers of school in a life of Cheboksary are considered.

Keywords: Orthodoxy, spiritual formation, bursa, the Kazan diocese, Cheboksary.

Гусаров Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории БНУ Чувашской Республики «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» (г. Чебоксары); e-mail: gsr63@yandex.ru.

Гусаров Юрий Владимир улы – тарих фәннәре кандидаты Чуваш Республикасының БФО «Чуваш дәүләт гуманитар фәннәр институты»ның тарих бүлгәгә мөдире (Чебоксар шәһәре).

Gusarov Yury Vladimirovich – the candidate of historical sciences, the head of department of history BNU of the Chuvash Republic «The Chuvash state institute of the humanities» (Cheboksary).

Составители прошений в период движения
мусульман Казанской губернии против проведения
Первой всеобщей переписи населения 1897 г.*

В статье на основании анализа текстов прошений мусульман Казанской губернии, составленных в период протестного движения против переписи населения 1897 г., а также материалов, изъятых полицией во время обыска у организаторов петиционной кампании, сличения почерков составителей ходатайств, адресованных местной администрации, реконструируется подача прошений доверенными мусульманских сельских обществ, которая происходила в Казани в массовом порядке в достаточно коротких временных рамках.

Ключевые слова: петиционная кампания, мусульмане Казанской губернии, Первая всеобщая перепись населения 1897 года, прошения, переписчики.

Движение татарских сельских обществ по бойкотированию Первой всеобщей переписи населения 1897 г. во многом стало следствием осложнения «татарского вопроса» в результате стремления имперской власти к установлению контроля над деятельностью исламских религиозных институтов.

Неотъемлемой частью бойкота статистического мероприятия явилось «приговорное движение». Следует отметить, что подача прошений отдельными сельскими обществами началась еще в ноябре¹ – середине декабря 1896 г.² Однако до появления в селениях

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №13-11-16018a(p)/2014.

¹ В коллективном прошении татарских сельских обществ Студено-Ключищенской, Ковалинской, Кукморской, Алатской, Мульминской и Чепчуговской волостей Казанского уезда сообщается об отправке в ноябре 1896 г. прошений казанскому губернатору, поданных «лично и по почте под расписку от 11 декабря за №1139 о том, что доверители наши, магометане сельских обществ получили книжки по общенародной переписи, в которых значится возведение в наших селениях школ для обучения наших малолетних детей русской грамоте, читать, писать и арифметике, о чем раньше был выдан доверителям нашим инспектором татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа 22 июля 1872 года Высочайше утвержден-

счетчиков в сопровождении местных членов полиции в самом конце декабря 1896 г. – начале января 1897 г. составление прошений носило локальный характер.

«В начале января в Казань стали стекаться доверенные магометанских обществ Тетюшского, Спасского, Казанского, Свияжского, Лаишевского и Мамадышского уездов для подачи прошений о разъяснении им цели всеобщей переписи, объясняя такое требование опасением за предполагаемое будто бы правительством насильственное обращение магометан в православную веру. Так как стремление к подаче прошений проявилось уже после рассылки мною к магометанам успокоительного объявления о том, что никаких перемен для татар после переписи не будет, то нельзя было не предположить, что недоверие магометан к моему объявлению поддерживалось влиянием других лиц, очевидно стремившихся к возбуждению татарской массы»³. Это выдержка из секретного донесения казанского губернатора, направленного в МВД в феврале 1897 г., наглядно свидетельствует о понимании властями многоликости факторов, повлиявших на движение татар по бойкотированию проведения всеобщей переписи населения.

Земский начальник 2-го участка Тетюшского уезда Н.Я. Горемыкин 5 января сообщал, что «доверенные всех сельских обществ магометанского населения отправились в Казань узнать о переписи в самом городе. Имена доверенных общества скрывают, но частным образом мне стало известно, что они снабжены деньгами для подачи прошений на высочайшее имя, в случае несогласия татар в городе. По всем деревням разъезжают неизвестные лица из г. Казани и собирают доверенных непременно к 7 числу января. Доверенные, имена которых мне известны, привлекаются мною к ответственности. Многие общества просят отсрочить до 9 числа, т.е. вероятно желают до-

---

ный журнал Совета министерства народного просвещения от 2-го февраля 1870 года за №42...» (НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.10495. Л.7–7 об.). Эти прошения татарских крестьян нам не удалось обнаружить. Ссылка на вышеуказанное предписание инспектора В.В. Радлова, адресованное приходским муллам, показывает их причастность к этому мероприятию.

² Среди бумаг, конфискованных полицией у одного из организаторов этого движения (Г. Газеева), имеется черновая запись незавершенного приговора сельского общества д. Мульма Казанского уезда от 15 декабря 1896 г. о выборе четырех крестьян доверенными для ходатайства по «религиозным делам».

³ НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.8137. Л.154.

ждаться посланных»⁴. Оказалось, что доверенные этих сельских обществ подавали прошения не только начальнику губернии и председателю Губернской переписной комиссии, но и императору⁵.

Движение по подаче прошений, если исходить из даты их составления, охватывает период с 30 декабря 1896 г. по 17 января 1897 г. Выявлено всего 7 форм прошений татарских крестьян Казанской губернии.

Таблица №1

Количество и формы прошений татарских обществ Казанской губернии, поданных в период бойкотирования переписи населения 1897 г.⁶

№	Города и уезды	Кол-во обществ, подавших прошения	Кол-во прошений	Формы прошений						
				№1	№2	№3	№4	№5	№6	№7
1	г. Казань	2	2	1	–	1	–	–	–	–
2	Казанский у.	33	12	4	–	5	2	–	1	–
3	Лаишевский у.	29	19	12	3	1	–	3	–	–
4	Мамадышский у.	2	2	2	–	–	–	–	–	–
5	Свияжский у.	32	24	14	10	–	–	–	–	–
6	Спасский у.	18	9	4	1	2	2	–	–	–
7	Тетюшский у.	75	42	22	17	–	–	–	–	3
8	г. Тетюши	1	1	–	1	–	–	–	–	–
9	Царевококшайский у.	17	3	–	2	–	1	–	–	–
10	Цивильский у.	7	6	–	6	–	–	–	–	–
11	Чебоксарский у.	2	1	–	1	–	–	–	–	–
	Итого	218	121	59	41	9	5	3	1	3
	В %		100,0	48,8	33,9	7,4	4,1	2,5	0,8	2,5

Имеются три прошения от городских татар (2 – из Казани, 1 – из Тетюш) и 218 сельских обществ. Всего было подано 121 прошение.

⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.8137. Л.144–144об.

⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.8137. Л.137.

⁶ Загидуллин И.К. Прогонения татарских крестьян Казанской губернии в связи с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // УЗТГГИ. – 1997. – №2. – С.219–233.

Петиционная кампания охватила 9 из 10 уездов, в которых проживали татары. В Тетюшском (75) и в Лаишевском уездах (30) в кампании участвовало около половины, в Спасском уезде (18) – более 1/3 мусульманских обществ. В Царевококшайском уезде 17 сельских обществ оформили свои просьбы в четырех прошениях. Из Казанского уезда на адрес председателя Губернской переписной комиссии поступило одно совместное прошение от жителей пяти волостей.

Больше всех прошений составлено по форме №1 (59 прошений или 48,8%), далее по формам №2 (41 или 33,9%), №3 (9 или 7,4%), №4 (5 или 4,1%), №5 и 7 (по 3 или 2,5%) и, наконец, по форме №6 (1 или 0,8%).

В ходатайствах *формы №1* просители сообщали, что понимают истинную цель всеобщей переписи – статистический учет населения, а не приведение «мусульман насильственно в православие», «не принуждение детей обязательно учить русской грамоте». Однако они просили от губернатора «бумажку» за его подписью, что «их страхи и опасения не имеют оснований и тем предотвратить весьма возможное несчастье», выражали свое опасение по поводу передачи конфессиональных школ в распоряжение МНП, что «в них будут обучать только русской грамоте члены миссионерского общества». Все эти возможные мероприятия мусульмане «находили» в слове «и пр.», присутствующем в татарском переводе брошюры «Первая всеобщая перепись населения Российской империи». В ряде прошений опасение быть крещеными обосновывалось информацией из «Церковных ведомостей» (1894, №1), где в извлечении из отчета обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева за 1890–1891 гг. были указаны предложенные местными архиереями меры для успешной миссионерской деятельности в поволжских и приуральских епархиях, как-то: закрытие ОМДС (инициатива уфимского и оренбургского архиереев), сокращение численности мечетей и мулл, запрещение обучать в мусульманских школах детей инородцев, назначать волостными начальниками в местностях с мусульманским населением исключительно русских крестьян.

В прошениях *формы №2* доверенные обществ просили отменить те предложения из брошюры «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», в которых речь шла об открытии после переписи, исходя из численности жителей в населенных пунктах, русских школ для обучения детей школьного возраста, а также открытии аптек, назначении докторов, строительстве дорог. Свои опасения по поводу крещения мусульмане аргументировали следующими об-

стоятельствами: 1) параграфами 40, 41, 42, 43, 44, 47 «Инструкции сельским обществам по выполнению возложенных на них законом обязанностей» Казанского губернского по крестьянским делам присутствия от 27 января 1878 г.; 2) оглашением губернатором Л.И. Черкасовым во время посещения 21 декабря 1882 г. казанских медресе указа от 5 февраля 1882 г. (о начале осуществления правительственного контроля над мусульманскими конфессиональными учебными заведениями – *И.З.*); 3) законом от 16 июля 1888 г. (о введении с 1891 г. русского образовательного ценза для кандидатов, желающих занять духовную должность имама – *И.З.*).

В прошениях *формы №3* крестьяне просили ответить на вопросы:

«1) Если у нас будут открыты школы, не заставят ли наших детей изучать обязательно русскую грамоту?»; 2) не отдадут ли школы «в непосредственное распоряжение Господина Министра Народного просвещения?»; 3) «чтобы члены Миссионерского общества не распространяли на нас свою деятельность и не имели бы давления на нашу веру»; 4) не заставят ли мулл иметь обязательно русский образовательный ценз. Далее они, со ссылкой на «всепопданнейший» отчет обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева по православному ведомству за 1890–1891 гг., опубликованный в «Церковных ведомостях» (Церковные ведомости. – 1894. – №1. – С.2–6. – *И.З.*), просили гарантии, что изложенные в этом документе предполагаемые меры в отношении татар-мусульман Поволжья и Приуралья, не будут претворены в жизнь.

В прошениях *формы №4* главный акцент делался на упомянутый выше абзац из татарского текста брошюры «Первая всеобщая перепись населения Российской империи» о школах, который они восприняли как возведение училищ «для обучения наших малолетних детей русской грамоте: читать, писать и арифметике». Это положение они напрямую связывали с предыдущей русификаторской деятельностью правительства, точкой отсчета которой они справедливо указывали «Правила» 1870 г. Ко всем прошениям *формы №4* прилагалась выписка из предписания инспектора В.В. Радлова от 22 июля 1872 года к муллам о предоставлении статистических сведений и материалов краеведческого характера⁷.

---

⁷ Лишь в совместном ходатайстве татарских сельских обществ Студено-Ключищенской, Ковалинской, Алатской, Мульминской и Чепчуговской волостей Казанского уезда помимо копии этого документа представлено еще четыре материала: 1) распоряжение инспектора В.В. Радлова 1878 г. к мул-

Ко всем трем прошениям *формы №5* приложены подписи членов крестьянских общин. Поэтому нет сомнений в том, что изложенные в них факты о незаконном действии полицейского урядника 2-го стана уезда во время предварительной переписи, заставившего подписаться в них каждому домохозяину, и распускаемых русскими крестьянами дер. Белкина слуха о том, что «всем магометанам остается три недели, а потом они все будут зачислены в христиане», правдивы. На этом основании, чтобы рассеять свои сомнения, они просили дать гарантии в том, что:

- после переписи религиозные права мусульман будут оставлены «на существующих основаниях»;

- национальные школы также будут функционировать «по-прежнему»;

- перепись не связана с религиозным вопросом.

Прошение крестьян дер. Большой Айбаш Студено-Ключищенской волости Казанского уезда мы определили как *6 форму* ходатайств. Оно составлено после проведения в селении с 28 декабря 1896 г. по 6 января 1897 г. статистической операции. Как видно из документа, проведение переписи не сняло их сомнений относительно будущего своих гражданских прав. Основываясь на 2 пункт неудачного переведенной на татарский язык брошюры «Первая всеобщая перепись населения Российской империи» о том, что перепись проводится с целью устройства в деревнях пунктов для врачебного персонала и для устройства сельских школ, доверенные просили:

- оставить в прежнем положении их медресе;

- не строить учебных заведений с преподаванием русской грамоты для мусульман;

- не заставлять «невольню» обучать детей русской грамоте и отдавать в русские школы;

лам о предоставлении сведений об истории селения; 2) указание на постановление Казанского губернского по крестьянским делам присутствия от 27 января 1878 года относительно устройства и содержания начальных народных училищ, установившее следующие правила (параграфы 40, 41, 42, 43, 44, 47, 48 и 50); 3) копия ответа губернатора Л.И. Черкасова на прошение татарских крестьян Казанского уезда 1883 г., поданного после обнародования указа от 5 февраля 1882 г. об установлении контроля правительства над мектебе и медресе; 4) распоряжение инспектора КУО Люстрицкого от 22 декабря 1892 г. заведующим мусульманскими школами с требованием ответов на анкету с 45 вопросами, касающихся деятельности мектебе и медресе.

- изъять из ведомства МНП мектебе и медресе;
- освободить кандидатов в муллы от обязательного знания русской грамоты.

В отличие от других ходатайств, все три прошения *формы №7* составлены малограмотным, недостаточно хорошо знающим русский язык писарем. Они в значительной степени перекликаются с прошениями формы №2. В частности, здесь повторялась ссылка на отдельные параграфы инструкции Губернского по крестьянским делам присутствия от 27 января 1878 г. Свои опасения относительно намерения властей русифицировать мусульман просители дополнили еще двумя аргументами. Написали о циркуляре 1895 г., согласно которому «всем будто сказано имуществом и детям нашим хозяйствовать не могут». Следующий их аргумент, основанный на циркуляре МНП от 10 июля 1892 г., изложен следующим образом: «не будет у нас муллы допущенным, которые обучены прочим земле». Податель прошения, ссылаясь на газету «Оренбургский листок» за 1896 г. утверждал, что правительство ввело вышеуказанный циркуляр в Оренбургском крае. Просьба крестьян сводится к тому, «чтобы оставили мусульман “как... жили прежде”»⁸. (Эти аргументы созвучны с текстом одного из рассмотренных нами тайных воззваний)⁹.

Некоторые прошения (формы №4, 5, 6, 7) были написаны в единичных экземплярах. Видимо, что из-за большого наплыва доверенных сельских обществ, составители прошений часть приезжих не сумели «охватить» и «обслужить». Последние сами составили ходатайства у знакомых писарей.

Организаторы подачи прошений как бы предупреждали власти, намекая на негативное отношение мусульман к переписи, которое в ходе её проведения оформилось в массовое неповиновение местной администрации, не предпринимать дальнейших шагов по христианизации и русификации татар-мусульман. 18 января губернатор предписал полицмейстеру принять «самые энергичные меры» к розыску авторов прокламаций, призывающих крестьян направлять доверенных в Казань для подачи ходатайств, и составителей этих прошений. В тот же день на основании ст.29 «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» был аре-

---

⁸ НА РТ. Ф.100. Оп.1. Д.3. Л.16–16 об.

⁹ Загидуллин И.К. Прошения татарских крестьян Казанской губернии... – С.219–233.

стован составитель прошений отставной коллежский регистратор А. Кульмаметов¹⁰.

Во время обыска в доме А. Кульмаметова полицией были обнаружены бумаги, имеющие непосредственное отношение к движению татарских крестьян. Среди них есть изорванное на мелкие кусочки воззвание (21,5 см. на 35,5 см.). Кроме этой важной улики, в конверте, представленном полицией губернской канцелярии, имеются два черновых варианта прошений татарских крестьян, именованных «докладными записками», что рассмотрено нами как форма №1 прошений татарских крестьян¹¹.

Видимо, в тот же день, 18 января, был арестован другой руководитель петиционной кампании – учитель русского языка и заведующий частной школой, в которой кандидаты в муллы готовились к экзамену по русскому языку, Гарифулла Газеев¹². При обыске в его

---

¹⁰ 63-летний Ахметзян Мазитович Кульмаметов, сын отставного солдата, родился в Пороховой слободе Казани. За активную деятельность по организации подачи прошений с просьбой отмены закона от 16 июля 1888 г. и распространение выписок с законодательных актов и публикаций на страницах газет и книг на русском языке, ущемляющих религиозные чувства и права татар, в 1890 г. был арестован. «За подстрекательство магометанского населения к неповиновению властям» А. Кульмаметов находился в 1890–1893 гг. в ссылке в г. Астрахани. После возвращения в Казань в первое время находился под полицейским надзором. Средства на пропитание семье (62-летняя жена и 35-летняя дочь) он добывал составлением разных прошений, а иногда торговал старой обувью, испытывал материальную нужду. По мнению полицмейстера Панфилова, А. Кульмаметов преднамеренно «вводит мусульман в заблуждение с целью «эксплуатировать» татар, собирая за написанные прошения деньги» (НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.8137. Л.134, 137, 138).

¹¹ Первоначальный черновой вариант написан от имени доверенных сельских обществ (без указания селений) Богородской волости Тетюшского уезда. Во втором, несколько совершенном в стилистическом плане черновом варианте, уже указаны и селения: Большое Меретказино и Малое Меретказино, Большие Карамалы, Починок Карамалы, Уразлино и Салтыганово (7 января). Беловой, окончательный, вариант ходатайства, поданного в Губернскую переписную комиссию, им был написан 8 января.

¹² 48-летний Гарифулла Газеев – уроженец д. Малые Кляри Больше-Кляринской волости Тетюшского уезда, «солдатский сын», не приписанный сельскому обществу, получил свидетельство №249 от 21 августа 1882 г. Тетюшского уездного училищного совета «на звание учителя сельского приходского начального училища». После введения в 1891 г. русского образовательного ценза для кандидатов на мусульманские духовные должности и по-

квартире полицией были изъяты по две копии «докладных записок» от доверенных д. Новые Салманы Матаковской волости Спасского уезда (от 16 января) и д. Большие Кайбицы Ульяновской волости Свияжского уезда (от 11 января), а также в 2-х экземплярах заготовленные «докладные записки», куда оставалось лишь вписать адрес и сведения о доверенных лицах¹³.

В следующей группе бумаг, изъятых у А. Кульмаметова и Г. Газеева, в которых записаны фамилии и имена доверенных с адресами, имеются сведения о сельских старостах. Как известно, без участия местного старосты решение сельского схода не имело юридическую силу. Фамилия и имя старосты использовались в оформлении «шапки» приговора, где указывались также адрес сельского общества, день сбора схода, число крестьян, присутствовавших на собрании с правом голоса, обсуждаемый вопрос на сходе, фамилии и имена избранных доверенных. А большая часть сведений о доверенных еще находилась «на производстве». Арест Г. Газеева и А. Кульма-

---

явления потребности в частном учебном заведении для них, открыл в 1893 г. в Казани частное училище для обучения русскому языку детей и взрослых.

¹³ Большой интерес представляют черновые варианты приговоров сельских сходов или черновые записки для оформления этих приговоров. В частности, среди этой группы бумаг имеется приговор крестьян д. Апастово Ильино-Шонгутской волости Тетюшского уезда от 8 января, которые, согласно тексту, на сельском сходе «имели суждения о народной переписи» и выбрали двух доверенных, чтобы ходатайствовать «по делам религиозным и всем делам». Имеются также в 2-х экземплярах бумаги с подписями (там-гами) 226 домохозяев, верхние части первых страниц бумаг оставлены чистыми для вписания текста приговора. Выполнить эту работу Г. Газееву, видимо, помешала полиция. Интересно, что крестьяне д. Апастово самостоятельно не подавали прошение. Название этого сельского общества фигурирует в коллективном прошении (по форме №2) татарских крестьян пяти деревень Ильинско-Шонгутской волости Тетюшского уезда. А черновые – без подписей крестьян варианты текстов приговоров о выборе доверенных «ходатайствовать по делам религиозным» сельских сходов деревни Мульма Казанского уезда (от 15 декабря 1896 г.), одного из селений (без указания названия, видимо, текст (шаблон) для примерного образца составления других таких документов) Лаишевского уезда (без даты). Видимо, составители прошений, кроме написания ходатайств, оформляли еще приговоры сельских сходов о выборе доверенных (доверенного) для подачи означенного ходатайства от имени крестьянского общества.

метова не позволил крестьянам ряда селений довести до сведения властей свои сомнения относительно переписи населения 1897 г.¹⁴

Писарская работа А. Кульмаметова и преподавательская деятельность Г. Газеева позволили им завести знакомства со многими татарами из сельской местности. Поэтому закономерным представляется обнаруженные и конфискованные у них записки на татарском языке от знакомых, которые выполняли для лиц, прибывших в Казань, функцию рекомендательного письма. В записках речь идет об оказании доверенным помощи в выполнении их просьбы¹⁵.

В конфискованных полицией записках с адресами доверенных Г. Газеев делал пометки о получении вознаграждения за свои труды. Также имеются записи о получении от доверенных селений Степные Татарские Юрткули Спасского уезда, Малые Отрясы, Янчиково Лаишевского уезда денег в сумме по 3 руб. А составление прошения для сельского общества д. Новый Баран обошлось в 5 руб., д. Подлесной Татарской того же уезда¹⁶ – 2 руб.

---

¹⁴ Документы, конфискованные полицией, несколько расширяют географию распространения движения по подаче татарскими крестьянами прошений в связи с переписью населения. Анализ бумаг и записей, обнаруженных у Г. Газеева и А. Кульмаметова, показывает, что дополнительно к сельским обществам, указанных в приложении №2, послали своих доверенных для подачи прошений крестьяне д. Ахмаметьево Чирки-Кульдурасовской волости Тетюшского уезда, д. Малый Атрыс Янчиково Бетьковской волости Лаишевского уезда, д. Муслюмкино Муслюмкинской волости Чистопольского уезда, д. Новый Салман, Абдулловы Салманы, Новые Балькуль Базарно-Матаковской волости, Новый Баран, Татарское Тюгульбаево, Татарское Бурнаево, Татарское Шапкино, Кузнечихинской волости, Средние Тиганы Полянкой волости, Степной Татарской Юрткуль, Вершины речки Нараткуль (Средние Татарские Юрткули), Подлесные Татарские Юрткули Юрткульской волости Спасского уезда. Этим 15 татарским сельским обществам из трех уездов переписчики не успели составить прошения.

¹⁵ В частности, некто Гимадудин, обращаясь к Г. Газееву, как к «почтенному и уважаемому Гарифулле», просил написать двум своим односельчанам заголовок к приговору, поскольку он сам не знает его формы.

¹⁶ Так, из перечисленных селений, от доверенных которых Г. Газеев получил деньги, а именно: Малые Атрясы и Янчиково Лаишевского уезда, Новый Баран, Подлесной Татарской Юрткуль и Степной Татарской Юрткуль, прошения в губернскую администрацию не поступили. Видимо, помешал арест Г. Газеева.

Пометки также вносят некоторую ясность во взаимоотношения Г. Газеева и приезжих крестьян. Взаимоотношение между заказчиком, в лице доверенных сельских обществ, и исполнителя, в лице Г. Газеева, строились на предоплате услуг.

Анализ почерков составителей прошений позволил выявить 15 человек, выполнявших просьбы доверенных сельских обществ. Среди них выделяются двое. Первый из них – Ахметзян Кульмаметов, «специализировавшийся» на тексте прошений формы №1. Он написал 40 из 60 прошений этого варианта для 52 сельских обществ, что соответствует 33,1% всем написанным прошениям и 23,6% всех мусульманских обществ, подававших эти ходатайства¹⁷. Его деятельность по составлению прошений охватывает период с 7 по 17 января 1897 г., т.е. до его ареста 18-го числа полицией. Почерк А. Кульмаметова мы условно обозначили как №«К».

Однако по количеству составленных прошений первое место принадлежит другому писарю, личность которого нам не удалось установить. Он составил прошения формы №2 для 76 сельских обществ (34,4%). Этим лицом, которого мы определили как автора почерка №13, составлено 40 (98%) из 41 прошения формы №2. Первые прошения, известные нам и поданные в губернскую администрацию в связи с переписью населения, принадлежат ему. Они составлены для крестьян населенных пунктов Пимяри и Конь Лаишевского уезда 30 декабря 1896 г. Его писарская деятельность прекратилась 16 января 1897 г.

Несмотря на заявление казанского полицеймейстера Панфилова, сделанного спустя несколько дней после ареста А. Кульмаметова и Г. Газеева, о том, что именно арестованные являются авторами прокламации на татарском языке с призывом подавать прошения, мы склонны считать, что данная инициатива принадлежала автору этого почерка. Наше предположение подтверждается следующими аргументами. Во-первых, в прокламации есть ссылки на «Инструкцию» (в тексте – «книгу») губернского по крестьянским делам присутствия от 28 января 1877 г. (параграфы 40, 41, 42–47), а также на №243 газеты «Волжский вестник» за 1883 год. Видимо, во время переписывания листовки «1888 год» по ошибке записан как 1883 г. В этом номере «Волжского вестника» был опубликован закон от 16 июля

---

¹⁷ Из этого числа 16 прошений были написаны для татарских деревень Тетюшского, 9 – Лаишевского, 7 – Свияжского уездов и т.д.

1888 г. Оба положения были изложены в прошении формы №2, составленного этим лицом. Во-вторых, 30 декабря 1896 г. автором почерка №13 было составлено прошение для крестьян д. Пимяри с указанием фамилии доверенного и расписавшегося за него крестьянина д. Шали Нурмухамета Идрисова. Именно о доверенных этой деревни, наряду с селениями Конь и Атабаево, идет речь в прокламации. Для справедливости следует отметить, что коллективное прошение (по форме №1) мусульман деревень Конь, Шали и Пимяри Лаишевского уезда от 1 января 1897 г. без указания доверенных было составлено другим неизвестным лицом, почерк которого мы определили как №9. А сельское общество д. Атабаево подало свое прошение совместно с жителями селениями Саралан, Агайбаши, Байчуги и Сенгели 9 января. Их прошение составил А. Кульмаметов.

Можно предположить, что экземпляры прокламации для раздачи и размножения были переданы А. Кульмаметову, которого хорошо знали многие татары в губернии. Видимо, с приходом полиции он успел разорвать экземпляр листовки.

Единственный экземпляр прошения формы №2 был написан неизвестным лицом, почерк которого мы пронумеровали как №6. Других ходатайств с этим почерком обнаружить не удалось. Видимо, его попросили или наняли переписывать готовый текст прошения.

Большой интерес представляет неизвестное лицо, написавшее прошения от имени мусульман Пороховой слободы и прихода Усмановской мечети г. Казани (почерк №1). Первое из них составлено 1 января 1897 г. и в нем изложена общественная ситуация среди татар города. Именно его текст был взят в основу А. Кульмаметовым, который развернул активную деятельность по его переписыванию. Второе составленное им прошение, которое мы отнесли к форме №3, написано 13 января. Для обоих прошений характерна анонимность: в ходатайствах не указаны фамилии доверенных, нет и подписей других лиц, как правило, расписывающихся в случае безграмотности ходатая. Также без указания доверенных составлено этим лицом прошение формы №3 для крестьян д. Татарская Айша Казанского уезда. Следует отметить, что кроме вышесказанных прошений для татар-мусульман г. Казани, он составил по четыре прошения для сельских обществ Казанского и Тетюшского и одно – Спасского уездов. Писарской деятельностью этот человек занимался, согласно датам в прошениях, с 1 по 13 января 1897 г. Он составил всего 11 прошений, из них 5 – формы №1 и 6 – формы №3. Следует выделить предложение, которое по-

вторяется в прошениях форм №1 и №3: «...несмотря на то, что Коран существует с 1314 года и признан дозволенной религией во всех государствах не только Европы, но и всего мира, тем не менее...». Если его авторство в написании самого первого прошения формы №1 и можно считать доказанной, однако не следует столь категорично так говорить относительно прошений формы №3. Дело в том, что 10 января, кроме него, ещё одно неизвестное нам лицо составило также два прошения для крестьян селений Казанского и Спасского уездов, почерк которого мы определили как №7.

Не вызывает сомнения авторство неизвестного нам лица с почерком №2 в написании им прошений формы №4. К этому анонимному ходатайству от татарских сельских обществ Студено-Ключищенской, Ковалинской, Алатской, Мульминской и Чепчуговской волостей Казанского уезда от 10 января 1897 г. были приложены 5 копий: предписания русских чиновников, адресованные мусульманским духовным лицам или сельским общинам. Другой переписчик прошений формы №4 – неизвестное нам лицо с почерком №4, ограничился копированием только первого приложения – предписания инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа В.В. Радлова от 22 июля 1872 г.

Три ходатайства формы №5 были составлены для крестьян д. Штырь, Кобяково Астраханской волости и д. Малое Черемышево Черемышской волости Лаишевского уезда 9 января неизвестным человеком, почерк которого мы обозначили как №3. Его писарская деятельность носила единовременный характер.

Ходатайство формы №6 принадлежит сельскому обществу д. Большой Айбаш Студено-Ключищенской волости Казанского уезда. Дата составления документа не указана, зато написаны фамилии лиц, подававших прошение.

Три прошения формы №7, составленные неизвестным лицом, почерк которого мы определили как №10, были поданы татарами деревень Тетюшского уезда: Картапа Старо-Баришевской волости, Менглычево Больше-Янасальской волости, и крестьянином д. Ишимова Сюкеевской волости Давлетшой Ибатуллиним в Казанскую губернскую переписную комиссию. Они написаны со стилистическими, орфографическими, пунктуационными ошибками и без указания даты (составлены до 13 января 1897 г.). Их содержание в целом повторяет текст прокламации на татарском языке, экземпляр которой был конфискован властями в д. Тявгильдино Тетюшского уезда.

Таким образом, согласно нашим подсчетам, в написании прошений формы №1 (59 прошений – 48,8%) приняли участие А. Кульмаметов (40 прошений), неизвестные лица с почерками, определенными нами условно как №1 (3 прошения), №3 (5 прошений), №«Г» (5 прошений), №5 (1 прошение), №8 (1 прошение), №9 (2 прошения) и №12 (1 прошение).

Переписчиками ходатайств формы №3 нами определены неизвестные лица с почерками №1 (3 прошения), №7 (7 прошений), №9 (1 прошение). Следовательно, составители прошений с почерками №1 и №9 принимали участие в написании прошений формы №1 и №3. Остальные же переписчики «специализировались» только по отдельным формам ходатайств. Думается, что формы прошений №5 и №6 написаны со слов самих крестьян, ибо в них речь идет о конкретных фактах из жизни крестьянской общины, связанной с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Следовательно, и по численности, и по участию в их составлении нескольких писарей, и самое главное – по грамотному, аргументированному изложению материала и, что очень важно, – требованиям в прошениях можно утверждать, что формы прошений №1, 2 и 3 написаны лицами, достаточно осведомленными о национальной политике правительства в отношении татар-мусульман, хорошо знающими русскую периодическую печать.

Анализ текстов позволяет также сделать ряд наблюдений о связях между составителями прошений. Как уже было отмечено, составитель с почерком №2 занимался переписыванием прошений формы №4, полностью заимствованного из ходатайства неизвестного писаря с почерком №4.

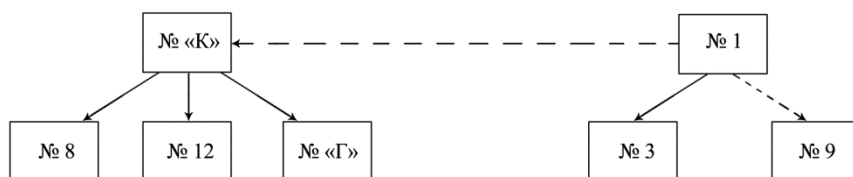
А. Кульмаметов для составления своего варианта прошений взял основу ходатайство неизвестного писаря с почерком №1. Он творчески подошел к работе по переписыванию текста и сделал текст более лояльным и обтекаемым в плане изложения формулировок и стремился избегать конкретных примеров насчет сомнений крестьян.

Переписчики с почерками №3 и №12 занимались копированием варианта прошения А. Кульмаметова. А неизвестное лицо с почерком №3 дословно переписывал прошение, составленное почерком №1.

Переписчик с почерком №9, видимо, на основании прошения, составленного неизвестным лицом (почерк №1), сделал собственный вариант ходатайства, сохранив все основные положения первоначального варианта ходатайства. Вышеизложенное наглядно отоб-

ражает следующая схема о связях составителей прошений (— — — — — переписал слово в слово, - - - - - переписал, изменив некоторые формулировки):

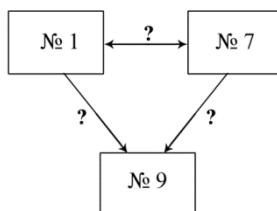
Схема №1
Прошения формы №1

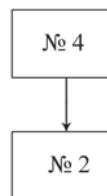
Прошения формы №2

Прошения формы №3

Прошения формы №4

Теперь попытаемся выявить круг лиц, организовавших составление прошений. Важно отметить, что ни один из конфискованных экземпляров копий прошений в квартире Г. Газеева не составлен его рукой. Это обстоятельство позволяет выдвинуть предположение, что Г. Газеев был одним из главных координаторов петиционной кампании. Как уже рассмотрели, у него были обнаружены списки доверенных с его пометками о получении денег за писарские услуги. Почерк неизвестного лица, написавшего прошение, конфискованное полицией у Газеева, мы обозначили как №«Г». Этим лицом написаны 11 января всего пять прошений формы №1.

Доверенные сельских обществ по приезду Казань приходили в чайхану, которую содержали отставной солдат Жемалетдин Яхъин и его сын Ахметзян. Именно здесь они получали адрес лица, который

брался исполнить их просьбу¹⁸. Приезжих крестьян чайхана А. Яхьина привлекала не только как место получения информации об «истинных целях» переписи. Для приезжих крестьян М. Яхьин выступал в качестве посредника, направляя их к переписчикам прошений, или даже представляя для них и сам текст «образцового» прошения. Примечательно, что на ходатайстве крестьян д. Мульма Казанского уезда формы №1, составленного 11 января неизвестным лицом (почерк «Г»), конфискованного властями в квартире Г. Газеева, есть запись: «переписал с составления Ахметзяна Яхьина». На наш взгляд, это неизвестный нам переписчик прошений¹⁹. Таким образом, наличие тесная связь между Аметзяном Яхьиным и Гарифуллой Газеевым. Видимо, последний принимал посетителей хозяина чайного заведения, записывал имена доверенных, сельского старосты и занимался организацией составления прошений и приговоров сельского схода о выборе доверенных.

Не случайно после ареста 18 января 1897 г. А. Кульмаметова и Г. Газеева подача прошений прекратилась. Как уже рассмотрели, вариант прошения переписывал слово в слово писарь с почерком №3, и в своем изложении – неизвестное лицо с почерком №9. Кульмаметовский вариант прошения формы №1 переписывали для крестьян неизвестные лица с почерками №8 и №12. Такая же связь прослеживается в составлении прошений формы №4 между писарями с почерком №2 и почерком №4. Возможно, А. Кульмаметов и неизвестные лица с почерками №1 и 2 выступили в качестве не только составителей, но и организаторов составления крестьянских ходатайств²⁰.

---

¹⁸ Среди бумаг Г. Газеева есть клочок бумаги с любопытным текстом, написанный им самим. Суть данной записки следующая. В чайхане А. Яхьина «сотворены» разные «небывалые слухи») против переписи. В тексте говорится о том, что они распространяют ложные слухи и смущают татар для того, чтобы у них торговля шла хорошо, «но ведь у нас в Казани есть и другие чайханы содержатели». Очевидно, заказчиком этой жалобы является хозяин одного из чайных заведений, собиравшего уведомить властей об антиправительственной деятельности своих конкурентов, и тем самым нанести вред их торговым делам, отбить клиентов.

¹⁹ Нельзя исключать и такого варианта: А. Яхьин и сам мог заниматься составлением прошений. В таком случае можно было бы рассматривать его как одного из составителей прошений с почерком №1 или №3, или №9.

²⁰ Нельзя исключать и другую версию. А. Кульмаметов и неизвестные нам писари с почерками №№1 и 2 работали через Г. Газеева и А. Яхьина, которые, в свою очередь, эти варианты просьб передавали для переписки нанятым ими

Некоторую ясность в механизм организации составления ходатайств вносит исследование почерков писарей прошений, поданных доверенными одних и тех же сельских обществ дважды. В самом начале движения такое нестандартное поведение наблюдается у доверенных сельских обществ дд. Шали и Пимяри Селенгушской волости Лаишевского уезда. Крестьяне Хайрулла Валитов от имени жителей д. Пимяри и Гиниятулла Гибайдуллин от сельского общества д. Шали подали 30 декабря 1896 г председателю Казанской переписной комиссии прошение формы №2, составленное неизвестным лицом с почерком №13. В обоих случаях, из-за безграмотности доверенных, в прошении по-русски расписался крестьянин д. Шали Нурмухамет Идрисов²¹. На следующий же день было составлено уже анонимное (без указания доверенных) коллективное ходатайство формы №1 от имени сельских обществ дд. Шали и Пимяры, написанное неизвестным нам лицом с почерком №9²². Второй такой случай связан с крестьянами Большие Кайбицы Ульяновской волости Свияжского уезда. 11 января 1897 г. для них писарем (почерк №13) было составлено прошение формы №2, в тот же день – и неизвестным лицом (почерк «Г»), нанятым Г. Газеевым, прошение формы №1. Доверенные пред-

---

писарям с почерками №№8, 9 и 12. Есть небольшая зацепка в выявлении связи между Г. Газеевым и составителем прошений с почерком №1. Как мы уже сказали, Г. Газеев, уроженец д. Малые Кляри Тетюшского уезда, где проживало его многочисленное семейство. Следовательно, он поддерживал постоянную связь с семьей. Казалось бы, жители не только его родной деревни, но и соседних волостей должны были в первую очередь постучаться в его квартиру. На самом деле коллективное прошение для восьми селений Больше-Кляринской волости, среди которых значится и д. Малые Кляри составил 5 января писарь, почерк которого мы определили как №1.

На основании списков доверенных, основная часть которых обнаружена у Газеева, имеется возможность выявления почерков поданных прошений. Для составления прошения (форма №1) для крестьян д. Старый Чечкап Свияжского уезда и д. Мульма Казанского уезда Г. Газеев привлек через А. Яхьина неизвестного писаря с почерком «Г». А прошения для крестьян (форма №1) дд. Тюлячи Мамадышского уезда, Чирки-Ишмяково, Девекеево Тетюшского уезда написал А. Кульмаметов (а имена доверенных этих селений есть среди бумаг, конфискованных у Газеева). Выявляется связь между А. Кульмаметовым и Г. Газеевым: последний, возможно, направлял часть приезжих крестьян в его дом.

²¹ НА РТ. Ф.100. Оп.1. Д.3. Л.8–11.

²² НА РТ. Ф.100. Оп.1. Д.3. Л.12–12об.

ставили прошение формы №2 в губернскую администрацию, а копии второго варианта – прошение формы №1 в 2-х экземплярах мы обнаружили среди конфискованных бумаг Г. Газеева. Следовательно, его оригинал не стали отправлять по назначению, а забрали с собой. Больше таких лишних финансовых растрат и ошибок никто из доверенных 220 сельских обществ не делал. Очевидно точное распределение обязанностей между составителями прошений и оперативная, надежная связь между ними.

К сожалению, нами не обнаружены дознания властей, доказывающие существование связи между Г. Газеевым (А. Кульмаметовым, А. Яхьином) и составителем прошений с почерком №2. Есть следующие аргументы относительно согласованности действий между ними. Во-первых, как уже было отмечено, неизвестным писарем с почерком формы №13 составлена наибольшая часть (33% или 40 экземпляров) всех поданных прошений от одной трети (76) сельских обществ, доверенные которых приезжали в Казань. Такую плодотворную деятельность за столь короткий отрезок времени (30 декабря 1896 г. – 16 января 1897 г.) один человек не может развернуть, в случае, если нет у него помощников. Думается, что в целях конспирации именно через надежных посредников действовал этот человек. Иначе, наряду с А. Кульмаметовым и Г. Газеевым, и в его дом нагрянула бы полиция с обыском.

Таким образом, в организации подачи прошений татарских крестьян Казанской губернии в связи с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в отличие от петиционной кампании 1889–1890-х гг., организаторская роль представителей национальной буржуазии четко не прослеживается.

Правомерно вести речь о следующих особенностях организации подачи прошений.

Во-первых, массовому прибытию доверенных татарских сельских обществ в Казань предшествовали: 1) распространение в деревнях прокламаций на татарском языке с призывом подавать прошения в губернскую администрацию в связи с переписью населения для защиты своих религиозных прав и во избежание крещения мусульман; 2) появление в сельской местности специально посланных из Казани ходоков-курьеров, которые ездили по селениям и призывали жителей отправлять своих представителей в конкретно указанный день в Казань для подачи прошения.

Во-вторых, организаторы подачи петиций сумели довести до сведения губернских властей мнение мусульман и дать установку на бойкот статистической операции, следствием которой стали практически повсеместные срывы начавшейся переписи в родных деревнях и, в целом, усиление неповиновения властям.

В-третьих, организация подачи прошений была достаточно продуманной. Её можно назвать вторым, заключительным этапом этого движения, если иметь в виду, что первым этапом стало «убеждение» крестьян в необходимости подачи прошений. Практически все действия составителей прошений носили согласованный характер, начиная от предложения своих «услуг по письмоводству», специализации писарей по конкретным вариантам текстов прошений и кончая оперативным составлением ходатайств.

Роль «первой скрипки» из числа лиц, по нашему мнению, сыграл Г. Газеев, а также большое значение имели деятельность А. Яхьина и А. Кульмаметова. За свои старания они были щедро вознаграждены доверенными сельских обществ. Материальная сторона дела сыграла немаловажное значение в активности и оперативности действий организаторов кампании.

В-четвертых, вместо унифицированного, единого текста, были поданы семь вариантов прошений. Видимо из-за большого наплыва доверенных из сельской местности организаторы крестьянских обществ не сумели всех их «охватить» или последние сами автономно обратились к своим знакомым писарям.

Формы прошений №1, 2, 3 являются основными текстами, выражающие мнение мусульман. Наиболее аргументированными являлись прошения форм №2, 3, 4.

В целом, появление нескольких основных вариантов ходатайств, на наш взгляд, связано с тем, что первоначально организаторами данного общественного движения татар не предполагалось такое развитие событий. Думается, что именно появление в Казани доверенных отдельных сельских обществ, прибывших в город для выявления здесь общественной ситуации и совета с «богатыми татарами» или подачи прошения подтолкнули к мысли организовать кампанию подачи прошений. Почин отдельных татарских селений был подхвачен, расширен и превращен в массовое общественное движение. Самое главное – организаторы подачи прошений качественно обновили содержание первоначального варианта прошения (форма №1) мусульманских общин, что выразилось в появлении прошений форм №№2, 3 и, возможно, №4.

Таблица №2. Почерки составителей прошений татар Казанской губернии в связи с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

№ п/п	Виды почерков составителей прошений	Формы прошений														Всего				Приходится на 1 прошение
		№1		№2		№3		№4		№5		№6		№7		пр.	%			
		общ.	пр.	общ.	пр.	общ.	пр.	общ.	пр.	общ.	пр.	общ.	пр.							
1	«К»	52	40													52	23,6	40	33,1	1,3
2	«Г»	5	5													5	2,3	5	4,1	1
3	№2	13	5			4	3									17	7,7	8	6,6	2
4	№2							15	1							15	6,8	1	0,8	15
5	№3	5	5									1	1			6	2,7	6	5	1
6	№4							16	4							16	7,3	4	3,3	4
7	№5	1	1													1	0,4	1	0,8	1
8	№6			2	1											2	0,9	1	0,8	2
9	№7					9	4									9	4	4	3,3	2,3
10	№8	1	1													1	0,4	1	0,8	1
11	№9	10	2			4	1									14	6,4	3	2,5	4,6
12	№10															3	1,3	3	2,5	1
13	№11									3	3					3	1,3	3	2,5	1
14	№12	1	1													1	0,4	1	0,8	1
15	№13			76	40											76	34,5	40	33,1	1,9
	Итого	58	60	78	41	17	8	31	5	3	3	1	1	3	3	221	100	121	100	1,8
	Итого, в %	39,8	49,6	35,3	33,9	7,7	6,6	14,0	4,0	1,4	2,5	0,4	0,8	1,4	2,5	100				

В-пятых, в прошениях составители сумели умело раскрыть и увязать причины недоверия татар-мусульман к всеобщей переписи с проводимой русификаторской политикой правительства. Более того, они выставили ряд требований, в случае выполнения которых, обещали успешное проведение переписи. Все эти требования сводятся к сохранению правового положения татар-мусульман в рамках, которые были до утверждения «Правил» от 26 марта 1870 г. Иначе говоря, в них отчетливо выражено стремление к отмене ряда законоположений и мероприятий правительства по претворению в жизнь положений вышеуказанных «Правил»²³.

Учитывая сложившуюся практику в организации подачи прошений татарских крестьян с просьбой отмены отдельных законодательных актов, направленных против национальной школы или мусульманских духовных лиц, а также то, что в ряде из них были приложены копии документов, в свое время адресованные учебным ведомством приходским духовным лицам, правомерно говорить об участии мулл и муадзинов в подаче просьб сельских обществ властям в связи с переписью о гарантии их религиозных прав татар-мусульман.

Источники и литература

1. Загидуллин И.К. Прогнозы татарских крестьян Казанской губернии в связи с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // УЗТГТИ. – 1997. – №2. – С.219–233.
2. НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.8137.
3. НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.10495.
4. НА РТ. Ф.100. Оп.1. Д.3.

---

²³ Примечательно, что обращение казанского губернатора от 2 января 1897 г., розданного мусульманам с целью установления спокойствия в сельских обществах, было сказано: «мектебе и медресе останутся те же, которые существовали до ныне», что в ряде местностей населением было воспринято как отказ губернских властей от дальнейшего открытия русских классов и русско-татарских школ. Татары выражали свое сожаление тому, что объявление подписано только губернатором, а не самим императором (НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.815. Л.64–64 об.).

Казан губернасы мөселманнарның 1897 елгы Беренче гогуми халык исәбен алуға каршы хәрәкәте барышында гаризалар язучылар

Мәкаләдә Казан губернасы мөселманнарның 1897 елгы Беренче гогуми жан исәбен алуға каршы хәрәкәте барышында Казан шәһәрәндә кыска вакыт аралыгында төбәк администрациясе исеменә авыл жәмгыятьләре вәкилләре тарафыннан күпсанлы гаризалар бирүне оештыру гаризаларның текстларын, аны оештыручыларда тентү вакытында табылган материаларны анализлау һәм гариза язучыларның язучы үзенчәлекләрен чагыштыру бунча торгызыла.

Ачкыч сүзләр: гариза бирү кампаниясе, Казан губернасы мөселманнары, 1897 елгы Беренче гогуми халык исәбен алу, гаризалар, гариза язучылар.

Originators of submission of applications during movement of Muslims against behavior of the First general population census of 1897

In article on the basis of the analysis of texts of applications of Muslims of the Kazan province made in the period of protest movement against population census of 1897, and also the materials withdrawn by police during a search from organizers of petitionny campaign, checking of handwritings of authors of the petitions addressed to a local amination, it is reconstructed podachprosheniye entrusted Muslim rural societies which occurred in Kazan in a mass order in rather short time frames.

Keywords: petitionny campaign, Muslims of the Kazan province, First general population census of 1897, application, copyists.

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ; e-mail: zagik63@mail.ru

Загидуллин Илдус Котдус улы – тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты урта гасырлар бүлегенен мөдире.

Zagidullin Ildus Kotdusovich – the doctor of historical sciences, the head of the Department of medieval history of Sh.Marjani Institute of History of AS RT.

Деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания по реформированию управления духовными делами мусульман в конце XIX – начале XX вв.*

В статье освещаются деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания по обновлению работы приходского духовенства, разработке проекта по управлению духовных дел мусульман, а также основные положения принятого на совещании духовенства проекта положения об этом и итоговой документ губернского совещания представителей мусульман Уфимской губернии, которые состоялись в 1905 г.

Ключевые слова: Оренбургское магометанское духовное собрание, муфтий М. Султанов, Р. Фахретдин, реформирование исламских институтов.

В 1890-е гг. в деятельности ОМДС отчетливо наметилась тенденция по систематическому разъяснению отдельных догматических и вероисповедных вопросов в исламе. Были разработаны и разосланы в приходы бланки (формы) выдачи метрических справок, метрических выписок, доставляемых о лицах призывного возраста, входящего и исходящего реестров документов, клятвенных обещаний о верноподданничестве и на верность службы, для свидетелей по судебным делам, для присяжных заседателей, форма раздельного акта имущества.

В 1891 г. Духовное собрание обратило внимание правительства на вакуфную проблему. Главная мысль обращения муфтия М. Султанова сводилась к необходимости официального признания имеющихся в округе ОМДС вакуфов. Он просил рассмотреть возможность использования правил управления вакуфами в Таврической губернии во внутренней России и Сибири¹.

МВД предложило М. Султанову выработать свое положение. В 1894 г. в ОМДС была разработана инструкция по управлению вакуфными имуществами. В ее основе лежали частично отредактированные правила по управлению вакуфным имуществом крым-

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №13–11–16018а(р)/2014.

¹ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.906. Л.1.

ских татар². Согласно проекту религиозный орган выступал попечителем вакуфного имущества мусульман: при отсутствии мутаваллия

---

² Для устранения имевшихся недостатков и создания эффективного механизма по управлению духовными вакуфами предполагалось руководствоваться следующими правилами: 1) На основании шариатских книг «Идаи», «Джамигуль-фсуляин», «Фетви-хамеди», «Танверуль-Абсар» и др. попечители к вакуфам, не имеющим мутаваллий по завещаниям, назначаются с одобрения общины Духовным собранием преимущественно из детей или жен жертвователей, пользующихся доходами. 2) Мутаваллий совместно с местным приходским духовенством каждое новое пожертвование должен был записывать в специальную «шнуровую вакуфную книгу» махалли, скрепленную печатью местной гражданской власти. Они должны были утверждать акт дарения своими подписями с дальнейшим заверением акта у нотариуса и в трехдневный срок направить почтой копии документов в ОМДС. 3) В случае, если впредь кто-нибудь пожелает пожертвовать недвижимость или капитал в какой-либо вакуф, то от имени дарителя в Духовное собрание представлялся учредительный акт, который после рассмотрения религиозным учреждением поступал на утверждение в Министерство внутренних дел. (Таким образом, право представления акта дарения вместо начальника губернии для придания законной силы «присваивался» религиозным учреждениям). 4) Устные вакуфы предварительно записывались в «шнуровые книги» махалли, статьи прихода и расхода которых подписывались дарителями или лицами, уполномоченными их представлять. После утверждения Министерством внутренних дел «устные вакуфы» также получали законную силу. 5) Если на вакуфную недвижимость или капитал от завещателя имелся, согласно шариату, учредительный акт (хаджит), то такой вакуф управлялся согласно акту, подчиняясь контролю ОМДС. 6) Утвержденные МВД вакуфные имущества с общего согласия приходского духовенства и мутаваллия, с записью сведений в «шнуровые книги», официально отдавались в аренду, а капитал – в ссуду. 7) Капиталы вакуфные мутаваллий не имел права держать у себя, а обязан был вкладывать для приращения процентов в сберегательную кассу или отдавать в ссуду под залог имущества и за поручительством не менее двух лиц, с распиской заемщика и поручителей в «шнуровой денежной книге». Полученные доходы также вкладывались в кредитно-сберегательные учреждения. При проведении финансовых операций мутаваллии должны были руководствоваться правилами об общественных ссудных кассах. Поэтому они также были обязаны иметь от поручителей «особую поручную запись». 8) Вакуфные имущества и капиталы по-прежнему оставались при мечетях в распоряжении духовенства, а где имелись мутаваллии – в их распоряжении, согласно завещательному акту. В случае обнаружения за духовными лицами или мутаваллиями действий, противоречащих правилам или завещанию жертвовате-

по завещанию он мог назначить его по рекомендации прихода, если в духовном завещании отсутствовала статья о вознаграждении мутаваллия, мог определить жалование с дохода вакуфного имущества.

Хотя проект не нашел поддержки у МВД, религиозный орган в своих действиях, имевших отношение к вакуфам, стремился соблюдать эти правила³. 23 ноября 1902 г. ОМДС было принято постановление о предоставлении через каждые полгода в Уфу вакуфных приходно-расходных книг. Благодаря неустанной деятельности казыев была составлена сводная таблица вакуфов⁴.

Фетвы муфтия М. Султанова.

Муфтий М.Султанов вплоть до 6 сентября 1897 г. воздерживался от встреч с приходскими духовными лицами по поводу необходимости распространения новометодного образования и прогресса⁵. Лишь в своих частных письмах отдельным «надежным» мусульманам он

ля, ОМДС привлекало виновных к ответственности, а мутаваллия заменяло другим лицом. 9) Мутаваллию, назначенному учредителями вакуфа или их наследниками, согласно завещанию, документ на вознаграждение из процентов капитала или части дохода с недвижимости должны были давать наследники, по совещанию с прихожанами и духовными лицами, пользующимся вакуфом. Удовлетворение же потребностей других лиц, указанных в завещании, производилось мутаваллием. 10) При отсутствии в завещательном акте имени распорядителя вакуфом, то «согласно ревоята книги «Али эфенде» и 1 пункта настоящих правил», ОМДС в лице своего председателя должно было с одобрения местной религиозной общины назначить мутаваллия за вознаграждение из средств вакуфа, в случае, если тот не согласится управлять безвозмездно.

³ Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: Материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2006. – С.44–102.

⁴ Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Уфа, 2000. – С.14–15.

⁵ В частности, известный троицкий купец Абдували Яушев в 1897 г. жаловался на муфтия: когда был в Троицке, несмотря на просьбы купца, так и не сказал ни слова перед городскими имамами в пользу распространения новометодного образования (Габдерэшит Ибраһим. Бөгрәделек көндәлеге / Кереш сүз, факсимиле һәм гарәп транскрипциясе Әлфрит Бостанов, татарчага тәржемәсе Данияр Гыйльметдинов. – Казан, 2013. – Б.137).

высказывался за обновление в сфере школьного образования⁶. В 1897 г., проявив гражданскую позицию, муфтий обратился с фетвой к имамам, муадрисам, муадзинам и ахунам. Его печатное наставление на русском и татарском языках от 6 сентября было распространено на все приходы. Главный лейтмотив фетвы муфтия можно свести к призыву перестать быть равнодушными и, независимо от того, кем является мусульманин – муллою или простым хлебопашцем, принимать более активное участие в общественно значимой деятельности⁷.

---

⁶ По этому поводу сторонник джадидистов Габдельгани Хусаинов общал в феврале 1898 г., что муфтий и заседатели ОМДС боятся составить постановление о введении новометодного образования в мусульманских начальных школах (Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902. – Б.36).

⁷ В своей фетве муфтий подробно останавливается на общественных и социальных обязанностях жизни современного имама и в целом на миссии приходского духовенства. Имамы, будучи продолжателями дела пророка Мухаммада и его сподвижников и призванными показывать мусульманам дорогу в тленном и ином мирах, по его мнению, должны, со ссылкой на аяты Корана и Сунну, проповедовать среди прихожан заботу о родителях, воспитание детей по нормам шариата, формирование отношений между мужем и женой и остальными членами семьи на основе взаимного уважения, стараться видеть в каждом мусульманине своего собрата, а в представителе другой национальности, конфессии – друга и жить с ним в мире и согласии, не лениться и осваивать новые профессии. Имамы обязаны были наставлять прихожан на их родном языке, не используя арабские и персидские слова. По мнению муфтия, только у имамов, у которых мысли светлые, поведение благоверное, а сами они искренне исполняют исламские нормы, проповедии будут успешными и дойдут до сердца каждого прихожанина.

М. Султанов призывал обращать серьезное внимание на содержание мечетей, ибо внешний вид и состояние богослужебного здания наглядно свидетельствуют об отношении мусульман к исламу. Чистота и порядок в мечетях являются важнейшими сегментами их привлекательности для правозверных.

Следующей важной проблемой для мусульманского сообщества округа ОМДС муфтий определил обязанность каждого родителя и опекуна заботу о получении детьми школьного образования и об их нравственном воспитании для того, чтобы подрастающее поколение могло отличать хорошее от плохого, приобрести благочестивые привычки, о чем имамы должны были вести беседы с прихожанами – ответственными за создание надлежащих условий в местном учебном заведении. Иначе говоря, муфтий обязывал сельские обще-

Одним основополагающих документов, принятых под воздействием совещания общественной организации «Ислахый мэктеб вә нәшери мәгарифе мәслимин» (Обновление тюркского языка мусульман, школьного дела и издание обновленных учебно-методических пособий) в Уфе 15–17 июня 1898 г. следует признать наставление муфтия М. Султанова «О приложении старания к прогрессированию мусульман» от 25 августа 1898 года за №5253, адресованное городским имамам.

В своей фетве муфтий заявил, что имамы призваны распространять среди населения передовые идеи. М. Султанов подчеркивал, что имамы, по сути, продолжатели дела пророка Мухаммада и его сподвижников в современном мусульманском сообществе и что результаты их стараний нужно определять по тому, как изменяются в лучшую сторону нравственность и духовность народа⁸. Призыв прихо-

---

ства, религиозные общины сформировать новую модель образования – «вывести» мектебе из домов имамов, создать материальную базу для начальной школы в каждом приходе путем постройки нового учебного здания, соответствующего требованиям образовательной деятельности, осуществить тотальный охват мальчиков начальным образованием, посредством тесного сотрудничества духовенства (глава религиозной общины и мугаллим) и прихожан (родители и опекуны детей). Согласно фетве муфтия, преподавательская деятельность отныне становилось обязательной обязанностью муллы. Новым словом также следует признать и призыв М. Султанова к мугаллимам обучать в мектебе и медресе лишь нужным для жизни знаниям, обращать особое внимание на грамотное и каллиграфическое письмо.

Важнейшей социальной задачей муфтий считал заботу о могилах родных и близких и самих кладбищах: устройство вокруг них забора или рва, чтобы животные не могли проникать на их территорию. (Мәжмуга. Жәмгыяте шәрғый ырынбургья яки мөфти галиэссәләм тарафыннан нәшер улмыш указ вә нәсихәтләр, шунда ук төрле хосусда язылмыш тәдбир һәм назәмнәрнен төркичә тәржемәләре жьелмыштыр. Имамнар, яна имам улачақлар өчен кирәкле бер әсбабдер. – Уфа: Губерн. типография, 1905. – Б.102–103).

⁸ Констатируя падение нравов городских мусульман, председатель ОМДС отметил, что «невежество, зачерствелость, беспечная леность, отсутствие желания заняться работой, ремеслом и искусством» привели к «пагубным последствиям»: чрезмерной бедности, вероломству, пьянству, распутству, бесчестной торговле и другим негативным явлениям в жизни мусульманского сообщества, он делает вывод о том, что если так будет продолжаться, то «наше будущее в опасности». (Мәжмуга. Жәмгыяте шәрғый ырынбургья яки мөфти галиэссәләм тарафыннан нәшер улмыш указ вә нәсихәтләр, шунда ук төрле хосусда язылмыш тәдбир һәм назәмнәрнен

жан к праведному пути является прямой обязанностью имамов, заявил муфтий, поэтому если не каждую пятницу, то хотя бы 2 раза в месяц «на тюрки», максимально понятном для каждого языке, нужно произносить соответствующие вызову времени проповеди, приводя примеры из Корана и Сунны. Показательно его предупреждение о том, что неспособные оказать должное воздействие на прихожан и «испортившие дело» будут признаны недостойными носить звание имама-хатиба. Председатель ОМДС предложил хатибам прислать несколько образцов проповедей, которые, в случае соответствия их требованиям времени и нуждам правоверных, следовало отпечатать отдельной книгой и разослать малоспособным чтецам проповедей. В заключение муфтий выразил надежду, что приходские имамы приложат усердие к выполнению его «желаний прогресса»⁹.

Фетва муфтия не имела обязательного характера для исполнения, однако стала точкой отсчета полемики между джадидистами и традиционалистами по чтению проповедей на родном языке. Джадидисты использовали минбар для воздействия имама, как главы и лидера религиозной общины, на прихожан. Следует отметить, что в начале XX в. каждый хатиб решал данный вопрос по своему усмотрению. Ситуация изменялось постепенно, по мере смены поколения, после кончины имамов или учреждения новых махаллей¹⁰. После Первой русской революции появились сборники хадисов, составленные самими имамами¹¹.

Большим событием для приходского духовенства стало издание «Сборника циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг.» (Уфа, 1902) на русском и татарском языках. Благодаря пометке, что сборник издан с разрешения МВД, он сыграл важную роль в отстаивании интересов мусульман, поскольку в действующем законодательстве отсутствовали точные регламентации жизнедеятельности ислам-

---

төркичә тәржемәләре жьелмыштыр. Имамнар, яна имам улачаклар өчен кирәкле бер эсбабдер. – Уфа: Губернск. типография, 1905. – Б.118–119).

⁹ Сборник циркуляров и иных руководящих ... 1836–1903 г. – С.153–154.

¹⁰ К 1911 г. во многих местностях Волго-Уралья хутбы читались на родном языке прихожан (обсуждение проблемы хутбы продолжалось до 1916 г.) (Мараш И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917). Пер. с турецкого. – Казань: Изд-во «Иман», 2005. – С.154–155).

¹¹ Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Мечети ... – С.183–184.

ских институтов, а также в повышении правовой грамотности приходского духовенства, создал правовую базу для решения возникающих дискуссионных вопросов с местной администрацией¹².

Совещание мусульман в ОМДС по выработке проекта положения по управлению духовными делами мусульман (г. Уфа, 10–15 апреля 1905 г.)

В начале XX в. стала актуальной разработка проекта новой модели управления духовными делами мусульман, призванной повысить статус исламских институтов и создать миллет по оттоманскому образцу в округе ОМДС¹³.

Проведение апрельского совещания в ОМДС восходит к именованному «высочайшему» указу «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., в котором было заявлено о намерении власти упразднить дискриминацию российских подданных по конфессиональному признаку. Идея о его проведении исходил от премьер-министра С.Ю. Витте, который во время встречи в муфтием в марте 1905 г. передал ему для ознакомления поступившие в адрес Комитета Министров петиции из Казанской, Уфимской, Симбирской, Пензенской и других губерний, предложил провести совещание и составить проект о религиозных нуждах. Недовольный политической активностью и рядом требований мусульман премьер министр¹⁴, кажется, хотел получить от ОМДС более лояльный, альтернативный, документ.

В результате, 10–15 апреля в Уфе прошло легальное совещание с участием приглашенных из разных регионов авторитетных духовных лиц¹⁵, в котором сам муфтий участия не принимал¹⁶. На пригла-

---

¹² В новом, 1905 г. издания, «Сборнике циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг.» содержатся 120 предписаний и предложений, поступивших из Сената, МВД, губернских правлений, постановлений ОМДС и другие материалы. Однако в этом сборнике, также опубликованном на татарском и русском языках, власти запретили сделать пометку о том, что он издан с разрешения МВД.

¹³ Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): институты, идеи, люди. – М.; Н. Новгород, 2010. – С.183–185.

¹⁴ Сенюткина О.Н. Указ. соч. – С.222, 224.

¹⁵ В нем приняли участие имамы г. Казани (Г. Баруди, Г. Апанаяев), г. Троицка (ахун А. Рахманкулов), г. Самары (ахун Ш. Минюшев), д. Стер-

шение муфтия, составленном на русском языке, откликнулись 2/3 мулл¹⁷. По утверждению Р.Фахретдина, на совещании помимо 39 прибывших имамов приняли участие до 60 «почетных лиц» из числа купечества, ученого звания, прибывших из Оренбургской, Казанской, Саратовской, Симбирской, Пермской, Уфимской, Тобольской, Томской губернии, из Акмоллинской и Семипалатинской областей в качестве уполномоченных своих местностей. Несмотря на ограничение уфимским губернатором участников совещания духовенством, эти лица не разъехались и принимали участие в «частных собраниях» купцов в квартире муфтия или в домах единоверцев, обменивались мнениями, вырабатывали общее мнение по отдельным дискуссионным вопросам с официальными участниками совещания. Р. Фахретдин отмечал конструктивность таких обсуждений¹⁸.

либаша (мударрис М.-Ш. Тукаев), г. Нижнего Новгорода (Х. Сулейманов), д. Иж-Бобьи Вятской губернии Сарапульского уезда (Габдулла Буби), г. Семипалатинска (Г. Гиматдинов), г. Петропавловска (Г. Яушев), г. Саратова (ахун М. Енгальчев), г. Оренбурга (Г. Давлетшин, М. Хусаинов), г. Уральска (ахун М. Тухфатуллин), д. Султанай Пермской губернии (ахун М. Мансуров), д. Кульбаш Казанской губернии и уезда (ахун С. Максютов), г. Перми (Х. Хасанкаев), г. Касимова (ахун М. Давлекамов), г. Симбирска (ахун М. Гаффаров), д. Манчыл Тюменской губернии (ахун М.-Ю. Сагит), г. Уфы (мударрис М.-С. Хасани, ахун Х. Усманов), посада Каргалы (М. Усманов и Х. Усманов), г. Белебея (ахун Д. Хурамшин), д. Паты (? Ш. б. Хабибулла), г. Москвы (ахун Х. Агаев), г. Томска (ахун Х. Хамидов), Ханской Ставки Астраханской губернии (ахун Г. Гайсин), г. Верхнеуральска (С. Музафаров, ахун М. Билялов), д. Чыршы Казанской губернии (Г. Забиров), Миасского завода Пермской губернии (мулла С. Баширов), д. Бузовьяз Стерлитамского уезда (Г. Хурамшин), д. Нократ (ахун Г. Касимов), д. Пошатово Нижегородской губернии (ахун Хус. Соколов), г. Астрахани (ахун М. Салихов), г. Санкт-Петербурга (ахун Г. Баязитов), Агрыза (ахун А. Суюндуков), д. Чишме (Г. Мухамеджанов) (Хабутдинов А.Ю. Оренбургское магометанское духовное собрание: планы реформ в начале XXв. // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы одноименного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). – Казань, 2010. – С.164).

¹⁶ НА РТ. Ф.1373. Оп.1. Д.2. Л.4об.

¹⁷ Фахреддин Р. Гомум жавап // Таржеман. – 1905. – 30 август. – №68.

¹⁸ Фахреддин Р. Гомум жавап // Таржеман. – 1905. – 2 сентябрь. – №69.

В апреле 1905 г., когда в Уфе в ОМДС проходило совещание 39 имамов, в квартире Г. Ибрагимова в Санкт-Петербурге хозяин квартиры, И. Гаспринский, А. Топчибашев и другие инициаторы будущей партии «Иттифак аль-муслимин» разработали свой проект переустройства исламских институтов округе ОМДС Этот проект под названием «Проект положения об управлении духовными делами магометан» был подан Г. Ибрагимовым в Комитет Министров¹⁹.

Муфтий М. Султанов решил провести на совещании проект, основанный на положении «О управлении Закавказского Мусульманского духовенства суннитского учения» от 5 апреля 1872 г. Этот нормативный документ предоставлял самые широкие права мусульманам и исламским институтам среди духовных управлений, которые существовали тогда в России.

После оглашения статей «Свода законов Российской империи», имеющих отношение к мусульманам и исламским религиозным институтам, участникам совещания («корылтай») были озвучены вопросы относительно необходимости сохранения в дальнейшем четырех самостоятельных религиозных управлений в государстве или создания одного единого управления Шейх уль-Ислама, что вызвало длительную полемику. В частности, член ОМДС Р. Фахретдин ознакомил участников совещания с основными положениями проекта религиозного управления. Речь шла об учреждении должности Шейх уль-Ислама, как единого лидера российских мусульман, избираемого единоверцами. Единый религиозный орган российской уммы – Собрание (Управление) во главе с Шейх уль-Исламом должен был располагаться в столице и состоять из кадиев. Предлагалась ввести трехуровневую систему управления, как на Закавказье:

- 1) низшая – приходское духовенство;
- 2) средняя – губернские меджлисы в лице кадия (председатель) и двух членов;
- 3) высшая – Духовное собрание (муфтий и кадии-члены), в руках которого сосредотачивалась административно-духовная власть. Муфтий – председатель Собрания – должен обладать и религиозными, и светскими знаниями, выступать в качестве посредника между мусульманским сообществом и правительством²⁰. Р. Фахретдин го-

---

¹⁹ Сенюткина О.Н. Указ. соч. – С.228.

²⁰ Хабутдинов А.Ю. Оренбургское магометанское духовное собрание: планы реформ в начале XX в. – С.165–166.

ворил «о необходимости квалификации в вопросах просвещения (магариф) и права (хокук), знакомых с русскими стандартами». При этом казии должны были знать русский язык. Р. Фахретдин выступал за создание стабильной системы экзаменов для лиц, которые 15–20 лет учились в медресе. Этим должна была заняться «научная коллегия» («гайат гыльмия»). Для получения свидетельства (указа) и занятия должности пока необходимо сдать всего лишь часовой экзамен в Духовном собрании. Р. Фахретдин говорит о необходимости достижения стандартов культурной нации («мэдэни миллэт»). Вхождение казахов в округ ОМДС должно было упрочить сложившиеся с XVIII в. контакты²¹.

В это время участникам совещания было роздана записка, подготовленная Ю. Акчурой и подписанная также А. Ахтямовым, промышленниками Мухаммадзакиром Рамиевым, Саидгарием Алкиным и Мухаммад-Юсуфом Дебердеевым («байлар проекты» – проект богачей), в котором заявлялось, что решения совещания непременно должны быть доведены до общественности, что помимо религиозных вопросов, социальные и политические проблемы современности должны совместно обсуждаться с религиозными деятелями и светской интеллигенцией. Раздел рекомендаций «записки» состоял из 46 статей, в которых провозглашались: двухступенчатые выборы мусульманами муфтия на пожизненный срок, состав Духовного собрания из муфтия и 6 кадиев с тремя подразделениями: юридический (состоит из ахунов), отдел управления (состоит из мухтасибов) и отдел образования (состоит из мударрисов), деление духовенства на высшее (муфтий, ахун, мухтасиб, мударрис) и приходское (имам-хатиб, имам-мударрис, муадзин), которые не должны были получать утверждение от органов администрации на местах; четкое определение между ними духовных обязанностей: ахуны контролируют вопросы правосудия в рамках приходов, мухтасибы – финансовые и организационные вопросы, мударрисы – вопросы образования, и каждый из них является руководителем местного духовенства в означенных вопросах; выборы шести кадиев сроком на 4 года поочередно, через каждые два года по 3 человека из числа высшего духовенства, один из которых является старшим – заместителем муфтия, учреждение муфтием «Голамалар шурасы» (совет ученых) с целью ежегодного обсуждения актуальных проблем жизни мусульман, об-

---

²¹ Цит. по: Хабутдинов А.Ю. Указ. соч. – С.166.

разование духовного суда (учреждения), учреждение в округе ОМДС вакуфов и т.д.²²

Участники совещания не смогли прийти к единому мнению по обсуждаемым вопросам. Тогда на обсуждение был вынесен состоящий из 111 статей проект члена ОМДС Р. Фахретдина. Во главу угла проекта Р. Фахретдина была положена идея расширения автономии мусульман в религиозно-культурной сфере. В нем, в частности, констатировалось, что ОМДС является свободным учреждением, все религиозные институты должны находиться под управлением и содержанием самих мусульман, муфтий, будучи председателем религиозного управления, должен восприниматься властью в качестве представителя мусульманского сообщества. Обращалось внимание на необходимость открытия новых богослужебных зданий, проведения реформы в определении зарплаты приходского духовенства, сосредоточения в его руках учебно-воспитательных вопросов, предлагалась трехступенчатая система управления: приходское духовенство, среднее – ахунские управления, высшая – ОМДС²³.

Следует отметить, что ряд духовных лиц, узнав о созыве совещания, прислали в его адрес или привезли свои проекты и предложения. Среди этих записок следует отметить предложения Габдуллы Дибирдиева (от имени шакирдов г. Уфы)²⁴, имама Шихмаза Исхаки

---

²² Дәүләт Н. Руссия төркиләренә милли көрәш тарихы (1905–1907). Төрөкчәдән Р. Батулла тәрж. – Казан: Милли китап, 1998. – Б.76; Хабутдинов А.Ю. Оренбургское магометанское духовное собрание: планы реформ в начале XX в. – С.166–167.

²³ Дәүләт Н. Күрсәтелгән хезмәт. – Б.76; Хабутдинов А.Ю. Указ. соч. – С.72–73.

²⁴ Проект Габдуллы Дибирдеева, состоящий из 28 статей, был подписан 90 шакирдами. В нем акцентировалось внимание на переподчинение мусульманских учебных заведений от МНП к ОМДС, на сосредоточение закята, фитыр-садака и также пожертвований в период Курбан-байрама в казне религиозного общества. Заслуживает предложение шакирдов об обложении при содействии правительства всех мусульман однопроцентным налогом в пользу ОМДС. Они также предлагали об упразднении цензуры и создании полноценных условий для газетной и книжной издательской деятельности родном языке, предоставлении крещеным татарам права возвращения в ислам (Дәүләт Н. Күрсәтелгән хезмәт. – Б.78).

(из д. Тау Уфимской губернии)²⁵, Х.-Г. Габаши, Абасугуда Ахтямова²⁶, ахуна Ш. Минюшева (г. Самара)²⁷.

В частности, в проекте Х.-Г. Габаши (49 статей) помимо вопросов реформы духовных дел мусульман поднимались политические проблемы о равноправии российских поданных независимо от их конфессиональной принадлежности²⁸. Согласно утверждению само-

---

²⁵ В проекте Шихмаза Исхаки, состоящий из 6 пунктов и распространенный на совещании по рекомендации Р. Фахретдина, помимо рекомендаций по реформированию духовных дел, также сообщалось об обсуждении 24 января 1905 г. на Гундаревской ярмарке 70 имамами положения мусульман в России, которые составили по итогам обсужденных проблем ходатайство, подписанное 200 мусульманами и направили его в адрес графа Витте. В распространенном среди участников совещания копии этого документа заявлялось о необходимости предоставления мусульманам равных прав с христианами, о создании правовых основ для занятия их единоверцами таких должностей, как чиновник правительства, судья, преподаватель университета; в регионах, в которых среди населения преобладали мусульмане, губернатор должен быть мусульманином; в случае учреждения в империи представительного органа, в нем должны быть представлены мусульманы. Также сообщалось, что для 10–15 миллионного мусульманскими населением содержащиеся за счет средств богатых правверных 10–15 медресе являются недостаточными для удовлетворения культурных потребностей мусульманского сообщества. (Дәүләт Н. Күрсәтелгән хезмәт. – Б.78).

²⁶ Ключевой идеей предложений А. Ахтямова являлось освобождение единственного органа мусульман – ОМДС – от правительственной опеки в лице МВД (Дәүләт Н. Күрсәтелгән хезмәт. – Б.78).

²⁷ В проекте самарского ахуна Ш. Минюшева (33 статей) оригинальными являлись предложения о том, что в случае определения в местную школу специального учителя, то приходской имам должен быть освобожден от преподавательской работы, и обучение детей должно быть бесплатным (Дәүләт Н. Күрсәтелгән хезмәт. – Б.78).

²⁸ Х.-Г. Габаши предлагал передать учебно-воспитательную работу среди подрастающего поколения в ведение самих мусульман, ввести в учебный процесс мусульманских школ тюркскую (татарскую – *И.З.*) историю и тюркский (татарский – *И.З.*) язык, сосредоточить военнотружущих мусульман в армии по возможности в одной местности (для создания условий для исполнения религиозных треб), ликвидировать в земствах и городских органах самоуправления разделения гласных по половому и конфессиональному признакам, установить запрет на миссионерскую деятельность РПЦ и на арест российских поданных без соответствующего судебного постановления (Дәүләт Н. Күрсәтелгән хезмәт. – Б.77–78).

го Х.-Г. Габаши, в документе, принятом совещанием, были широко использованы его предложения²⁹. Действительно, рабочей группой совещания были изучены поступившие проекты и был составлен документ в новой редакции, который и подписали участники совещания. Затем «редакционная комиссия»³⁰ под руководством муфтия 18–20 апреля провела редакторскую правку документа, учитывая особенности составления нормативного документа, смягчила некоторые статьи с учетом российской действительности, и перевела текст на русский язык³¹.

В окончательный документ, принятый совещанием, вошли также многие положения проекта 12 имамов, состоящий из 85 статей (о едином управлении мусульман в России, избрании муфтия пожизненно всеми мусульманами, предоставлении муфтию права на разрешение бракосочетания мусульман с христианами, объявлении пятницы нерабочим днем, предоставлении военнослужащим-мусульман право на держание уразы)³², который подписал председатель совещания, казанский мулла Габдулла Апанаев³³.

Таким образом, в основу выработанного в течение 10–15 дней документа из 84 статей был взят проект Р. Фахретдина, который был от-

---

²⁹ Габәши Х. Тәржемәи халем. Солабаш, 1928. // Казан федераль университеты Фәнни китапханәсенә сирәк китаплар һәм кулъязмалар бүлгеге. 1542 т. – Б.20.

³⁰ Полковник К.-М. Тевкелев, Р. Фахретдин, член Уфимского губернского присутствия С.-Г. Джантюрин, члены окружных судов Дж. Сайдалин, Г. Тимуров, адвокаты А. Ахтямов и С.-Г. Алкин, казанский имам Г. Апанаев, промышленники М.-З. Рамеев, И. Акчурин, М.-Ю. Дебердеев (Хабутдинов А.Ю. Указ. соч. – С.75).

³¹ Дәүләт Н. Күрсәтелгән хезмәт. – Б.79.

³² Дәүләт Н. Күрсәтелгән хезмәт. – Б.78.

³³ Апанаев Габдулла Абдулкаримович (1862–1919) – общественный, религиозный деятель, издатель. Окончил медресе «Марджания». В 1880–1890 гг. совершил путешествие в Турцию, Египет. С декабря 1890 г. – имам-хатиб Сеннобазарной мечети, при которой в 1892 г. основал новометодное медресе. В 1902–1907 гг. был председателем правления «Общества пособия бедным мусульманам г. Казани»; участвовал в создании партии «Иттифак эль-муслимин» и разработке ее программных документов; член Центрального комитета и Казанского бюро партии. Редактор и издатель газеты «Азат» (1906 г.). В 1908 г. был арестован и сослан в Вологодскую губернию. С 1910 г. – гласный Казанской городской думы. (Свердлова Л.М. Апанаевы // Татарская энциклопедия. Т.1.– Казань, 2002. – С.165).

редактирован с учетом поступивших проектов и предложений. Итоговый документ был поддержан большинством, меньшинство, проголосовавшее «против», воздержалось от подачи своего варианта проекта³⁴.

Проект положения «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания» 1905 г.

Деятельность совещания и проект «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания» не стали достоянием широкой мусульманской общественности. Документ вызвал большую заинтересованность татарских общин, которые разделились на два противоположных лагеря – поддерживающих проект или не одобряющих его. По этому поводу Р. Фахретдинов в газете «Тарджеман-Переводчик» в конце августа – начале сентября (№68, 69, 72) опубликовал статью «Гомум жавап»³⁵, предложил лицам, осуждающим совещание, указать имеющиеся недосмотры и упущения в проекте и подать свои предложения «куда следует»³⁶.

По мнению чиновников ДДДИИ, согласно проекту уфимского совещания, территория, принадлежащая ведению Собрания, расширялась почти на всю империю³⁷, и духовное управление мусульман предоставлялось, по сути, в руки одного народа – татар; вместе с тем предполагалось поставить его «на небывалую высоту» – ОМДС решало окончательно все дела по вопросам о богослужении и исполнении обрядов веры; делопроизводство в ОМДС должно было вестись на татарском языке и только при переписке с правительственными учреждениями и должностными лицами других ведомств – на русском языке (ст. 17)³⁸.

---

³⁴ Фәхрәддин Р. Гомум жавап // Тәржеман-Переводчик. – 1905. – 30 августа. – №68.

³⁵ Фәхрәддин Р. Гомум жавап // Тәржеман-Переводчик. – 1905. – 2 сентября. – №69.

³⁶ Фәхрәддин Р. Гомум жавап // Тәржеман-Переводчик. – 1905. – 13 сентября. – №72.

³⁷ В округ ОМДС входит в территориальном отношении все мусульмане-сунниты, обитающие во всей Европейской России (за исключением Таврического полуострова, западных губерний и Закавказья), северной части Кавказа, всей Западной и Восточной Сибири (за исключением Акмолинской области) (ст.4).

³⁸ Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России. Петроград, 1917 // Ислам в Российской империи (Зако-

В первой главе под названием «О правах мусульман-суннитов по вероисповеданию» декларировались их религиозные права³⁹. Новыми компетенциями, которыми Совецание уполномочивало ОМДС, являлись: право на учреждение и заведование вакуфами, которые ранее не признавались в округе ОМДС; открытие и содержание соответствовавших «духовно-религиозным потребностям и «общеобразовательным нуждам низших, средних и высших духовно-народных школ, с свободой преподавания в них на родном языке». (В рассматриваемый период конфессиональные школы подлежали надзору МНП, которое имело исключительное право на открытие новых школ мусульман). Привлекает внимание и уточнение по поводу учебных предметов: наряду с религиозными дисциплинами предполагалось преподавание и общеобразовательных, светских предметов.

2-я глава проекта была посвящена духовным учреждениям «трех степеней»: а) центральному мусульманскому духовному собранию «Махкеме-шаргия»; б) управлениям окружных ахунов – «Махкеме-Шаргия-Ахуния» и в) управлениями приходских имамов. Все дело-производство в них должно было вестись на татарском языке, а в случаях переписки с правительственными учреждениями и должностными лицами других ведомств – на русском языке (ст.17). Данная статья учитывала незнание старшим поколением духовенства русской грамоты, однако это противоречило действующему законо-

---

дательные акты, описания, статистика) / Сост. и авт. вводной статьи, комментарий и приложений Д.Ю. Арапов. – М., 2001. – С.306–308.

³⁹ Заявлялось, что вместе «со свободой веры» предоставляются права, точно определенные законами, а именно: «1) свободного отправления богослужения и исполнения обрядов веры; 2) иметь мусульманские духовные учреждения, ведающие духовно-религиозными делами магометан, и мусульманское духовенство, организованное по указаниям вероисповедных начал магометан-суннитов; 3) строения мечетей и молитвенных домов; 4) на отдельные кладбища; 5) воспитания детей в духе своей религии; 6) открытия и содержания соответствующих и удовлетворяющих духовно-религиозным потребностям и общеобразовательным нуждам низших, средних и высших духовно-народных школ, с свободой преподавания в них на родном языке; 7) право образования капиталов, приобретения движимых и недвижимых имуществ, предназначенных на духовно-религиозные нужды, и право распоряжения ими; 8) учреждения вакуфов и заведывание ими; 9) нормирования правоотношений между собою с применением мусульманских религиозных правил (шариат) в сферах семейственного и наследственного прав» (ст.2).

дательству, запрещавшему использование негосударственного языка в казенных учреждениях, какими объявлялись данным документом все три ступени системы управления духовными делами мусульман.

Каждое из учреждаемых управлений окружных ахунов должно было объединить территории, на которых имелось до 100 приходов. При этом учитывались: плотность мусульманского населения, обширность территории, наличие коммуникаций, т.е. факторы, от которых в значительной степени зависела успешная деятельность нового института (ст.5). Институт должен был состоять из окружного ахуна (председатель), двух членов (мударрисы или хатибы), избранных из числа духовенства округа (ахуниата), и канцелярии, состоящей из делопроизводителя и писцов (ст.9).

Состав Духовного собрания планировалось увеличить до 6 членов-кадиев. В документе подробно прописаны его функции: оно было призвано принимать окончательное решение по вопросам богослужения и исполнения обрядов веры, а также по делам, рассматриваемым на основании шариата, поступающим из управлений окружных ахунов, и в отношении общего порядка надзора высшей государственной власти⁴⁰. Объявлялось, что Собрание подведомственно Сенату или министру внутренних дел и имеет равный статус с губернскими (областными) учреждениями.

Исключительными предметами ведения мусульманских духовных учреждений объявлялись:

- 1) вопросы богослужения, исполнения обрядов веры;
- 2) исправление духовных треб;

---

⁴⁰ В частности, было заявлено, что «Мусульманское духовное собрание непосредственно начальствует над всеми духовными учреждениями и духовными лицами округа своего муфтията, имеет надзор и наблюдение за их действиями и исполнением их обязанностей и имеет право привлекать их к ответственности, налагать взыскания в общеустановленном порядке, приводить все свои решения и определения в исполнение непосредственно через подчиненные ему органы, а в надлежащих случаях и через общеисполнительные органы – губернские, уездные и волостные административные места и лица, в отношении же решений чисто судебного характера, присуждающих или приговаривающих кого-либо к известным действиям, к уплате или возврату имущества – выдает сторонам удостоверения, с изложением сущности решения, на предмет возбуждения ходатайств в общегражданских судебных местах о принудительном приведении в исполнение состоявшегося решения, в случаях отказа сторон в добровольном подчинении состоявшемуся решению духовного суда» (ст.13).

3) заключение и расторжение браков мусульман, с применением к этим делам исключительно религиозных в этой области правил в полном их объеме (указывалось, что имеющиеся в действующем законодательстве ограничения будут отменены);

4) ведение метрических книг: занесение фактов совершения и расторжения браков, актов рождения и смерти; причем право розыска, предоставленное православному епархиальному ведомству ст. 265 Устава духовных консисторий, распространялась и на Собрание;

5) споры по семейным и имущественным правоотношениям, по наследованию по шариату и завещанию;

6) надзор, открытие и упразднение приходов, наблюдение за мечетями, молитвенными домами, кладбищами, мектебе и медресе;

7) надзор за духовными учреждениями и духовными лицами;

8) попечение о комплектовании приходов духовными лицами, назначение и утверждение их в должностях;

9) надзор за выборами должностных лиц духовного ведомства, рассмотрение и проверка избирательного делопроизводства;

10) разрешение постройки мечетей, капитального и частичного ремонта их и перенесения из одного места в другое;

11) изыскание материальных средств по удовлетворению духовно-религиозных нужд, учреждение вакуффов, надзор и заведование ими, хранение и распоряжение другими имуществами и капиталами, приобретенными на религиозные нужды;

12) забота о духовно-религиозном воспитании и образовании детей, призрение сирот и подкидышей, открытие конфессиональных и иного типа духовно-религиозных и народно-образовательных мектебе и медресе, в целях осуществления предписываемого шариатом обязательного бесплатного и всеобщего обучения.

В документе были конкретно прописаны сферы компетенций предполагаемых к созданию трех отделений Духовного собрания, что свидетельствовало о кропотливой подготовительной работе Р. Фахретдина.

В числе предметов ведения общего отделения были прописаны следующие вопросы:

– общерелигиозные, касающиеся отправления богослужения и исполнения религиозных обрядов, ограждения чистоты догматов веры по учению суннитской школы, единообразного толкования и применения правил шариата в жизни мусульман-суннитов.

– надзор за духовными учреждениями и духовными лицами, возбуждение преследования против должностных лиц и учреждений в порядке дисциплинарного производства, наложение административных взысканий и составление заключений о предании суду должностных лиц за преступления по должности⁴¹.

– утверждение в соответствующих должностях избранных духовных чинов и выдача им документов на духовное звание с обозначением должности, и внесение их в список духовных лиц, занимающих должность.

– надзор за производством выборов муфтия и членов Собрания; проверка избирательного делопроизводства, рассмотрение жалоб и протестов.

– выдача экспертных заключений по запросам правительственных и общественных учреждений, должностных и частных лиц⁴².

– рассмотрение дел, вызывающих затруднения, и по особым предложениям муфтия;

– рассмотрение ходатайств об учреждении богоугодных и благотворительных для мусульман заведений, а также по мероприятиям по воспитанию и образованию сирот, призрению престарелых, безродных и увечных бедных мусульман, а также нуждающихся отставных духовных чинов, их вдов, воспитанию и образованию их детей;

– надзор, наблюдение и руководство мектебе и медресе;

– предварительная экспертиза корректур «при издании Корана, толкований (тяфсир), Автияка, оттисков отдельных сур и молитв из Корана, хадисов (изречений) и учебных руководств по мусульманскому богословию и праву».

– издание периодического органа на татарском и русском языках под наименованием «Ежемесячник Мусульманского Духовного Собрания»⁴³.

---

⁴¹ Перечислялись дисциплинарные взыскания, которые общее отделение могло применить в отношении провинившихся. Это – лишение должности; временное удаление от должности; внушение с вызовом в присутствии; строгий выговор; выговор и замечание.

⁴² При возникновении вопросов, признанных спорными по недостатку особо ясных риваятов, решение должно исходить из общего присутствия в семичленном его составе, т.е. по мазхабу абу Ханифы на ОМДС возлагались функции правотворческого института (иджма).

⁴³ Протокол Уфимского губернского совещания... – С.2–4. Среди перечисленных пунктов новыми являлись: 1) проведение выборов муфтия и чле-

Остальные два отделения Собрании были призваны заниматься следующими вопросами:

- проведение испытаний у кандидатов на духовные звания: хатиба, мударриса, имама, мугаллима, муадзина и мугаллима-санбияна и выдача соответствующего документа;

- рассмотрение и разрешение поступающих дел по заключению и расторжению браков, по спорам и искам в сфере брачного права;

- признание брака действительным и недействительным;

- установление и утверждение развода одностороннего и расторжение брака, последовавшего принудительно;

- рассмотрение просьб о расторжении брака по неспособности супругов к супружеской жизни, по наступлению поводов к расторжению брака по способу лигана, по случаю поступления на военную службу, заключения на продолжительный срок в исправительные заведения, тюрьмы и ссылки на поселение и каторжные работы по приговорам судебных мест, а равно оставления супругами друг друга и по недоставлению средств к существованию⁴⁴;

- решение вопросов о правоотношениях, связанных с браком и проистекающих из расторжения браков и разводов;

- определение прав супругов на детей и их обязанности в отношении детей после развода;

- рассмотрение дел по спорам об имущественных правах супругов в браке и по расторжению браков;

- определение права и порядка наследования по шариату и по духовному завещанию, а также наследственных долей при утверждении в правах наследства и разделе наследства в судебных учреждениях гражданского ведомства, выдача соответствующих докумен-

---

нов духовного Собрании; 2) предварительная экспертиза корректур при издании Корана и другой религиозной литературы; 3) учреждение ведомственного периодического органа ОМДС на татарском и русском языках; 4) рассмотрение ходатайств об учреждении богоугодных и благотворительных для мусульман заведений (этот вопрос входил в компетенцию губернаторов); осуществление «высшего надзора» и наблюдения, «руководительство» за мектебе и медресе (эти вопросы находились в ведении МНП).

⁴⁴ Эти дела подлежали исключительному рассмотрению и решению отделений и изъяты из ведения управлений окружных ахунов и приходских имамов, и могут быть рассматриваемы сими последними лишь по особому поручению отделений ОМДС.

тов по запросам правительственных учреждений, должностных и частных лиц;

– разрешение вопросов определения происхождения детей от известных родителей, в границах, допускаемых шариатом, при возникновении семейных споров;

– рассмотрение ходатайств об образовании и открытии новых и разделении действующих приходов, о постройке, капитальном и частичном ремонте мечетей и молитвенных домов по представлениям управлений окружных ахунов, надзору за управлением и по упорядочению приходов с состоящими при них мусульманскими кладбищами;

– контроль за деятельностью учебных заведений⁴⁵;

– контроль над вакуфами (ст. 27)⁴⁶;

---

⁴⁵ а) удовлетворение нужд мусульманского населения в том или ином типе учебных заведений путем изысканий средств, расположением к тому обществ и частных лиц и т. д.;

б) «ближайший надзор и наблюдение» за учебными заведениями по семи направлениям (ст. 26). «1) образование особого капитала на открытие и содержание духовно-учебных заведений, путем испрошения ассигнования на этот предмет сумм из государственного казначейства, приема пожертвований и специально на этот предмет учрежденных вакуфов, хранение и расходование таких сумм по назначению, а равно надзор и наблюдение за расходованием таких сумм и другими низшими духовными учреждениями по прямому их назначению; 2) о равномерном распределении их в магометанском населении, по разрядам; 3) о переименовании из низших в высшие и обратно; 4) руководство в улучшении и упорядочении преподавания; 5) одобрение и рекомендация учебных руководств, в мероприятиях к составлению и изданию таких и к снабжению учебными пособиями; 6) соблюдение санитарно-гигиенических условий в помещениях для учащихся; 7) наблюдение и надзор за поведением и нравственностью учащихся и учащихся, мероприятия к упорядочению и улучшению быта их, предупреждению и пресечению нежелательных и вредных направлений в среде учащихся и учащихся; 8) образование экзаменационных комиссий для оканчивающих курс учения и выдача дипломов на учено-богословские степени, соответствующие духовным и духовно-учебным званиям и должностям».

⁴⁶ а) Ведение полного и подробного регистра всему такого рода имуществу, с указанием назначения, в особо заготовленной шнуровой книге.

б) Спрашивание в нужных случаях в установленном порядке разрешения МВД, высочайшего соизволения на принятие такового имущества.

в) Соответствующие мероприятия к совершению актов укрепления по переходу в ведение духовных учреждений имущества или иных докумен-

– изготовление, рассылка, хранение и ревизия приходских метрических книг;

– надзор за деятельностью приходских попечительств, утверждение избранных в приходах попечителями лиц, ревизия их отчетности.

Новым институтом объявлялось управление окружных ахунов⁴⁷, призванное стать средней инстанцией между высшим и низшим духовными учреждениями. Пределы его компетенции были прописаны самым тщательным образом. Управление осуществляло «ближайший надзор» за приходскими духовными лицами, правоотношениями духовенства и прихожан, благоустройством в приходах. А по судебным делам оно выступало в качестве апелляционной инстанции – сюда поступали жалобы на решения приходских имамов по бракоразводным делам, разделам наследства и др.⁴⁸

Как и религиозное управление, окружные управления ахунов, объявлялись правительственными учреждениями в сфере отправления духовно-религиозных, духовно-учебных и нравственно-воспита-

---

тов, по изъявлению согласия на принятие дара (ибе), условного или безусловного, к принятию завещательных актов, представлению таковых к исполнению и другие действия, сопряженные с принятием пожертвованных на духовно-религиозные нужды имуществ, к тщательному хранению относящихся до таковых имуществ актов и иных документов.

г) Заведование, хранение и управление таковыми имуществами через подведомственные духовные учреждения и лиц, расходование и употребление доходов с них по назначению или указанию ОмДС и с ведением точной отчетности.

д) Ближайший надзор и наблюдение заведением и расходованием доходов с таковых имуществ другими духовными учреждениями и лицами, а равно приходскими попечительствами, или особо назначенным самим завещателем или жертвователем мутаваллием, требование, принятие и ревизия отчетностей последних.

е) Выдача, в нужных случаях, своим подчиненным или посторонним лицам поручений, уполномочий и доверенностей на управление и ведение судебных дел по таковым имуществам.

⁴⁷ Протокол Уфимского губернского совещания... – С.8–12.

⁴⁸ Решения управления ахунов могли быть обжалованы в Собрании. Постановления по административным и хозяйственным делам, по надзору за вакуфами и действиями мутаваллиев и приходских попечительств и по учебно-воспитательной части вносились в порядке надзора в Собрание (ст.15).

тельных дел, они приравнивались к уездным учреждениям. С губернскими учреждениями они переписывались через религиозное управление, с уездными волостными и сельскими начальствами – непосредственно сами (ст.16). Были также прописаны права и обязанности управлений окружных ахунов (ст.30–43)⁴⁹.

Главной целью в деятельности приходских духовных управлений объявлялось удовлетворение духовно-религиозных потребностей прихода. Давалось определение имаму – это лицо, самостоя-

---

⁴⁹ Проект предусматривал передачу права «разрешения постройки и ремонта мечетей», образования новых махаллей, их реорганизации, в целом устройства религиозно-обрядовой жизни в компетенцию института окружных ахунов. Причем окончательное решение на основании представлений окружных ахунов должно было принимать Духовное собрание, не входя в соглашение с епархиальным начальством. Ахуны должны были заботиться о составлении обществами, нуждающимися в мечетях, приговоров (ст.31, 81). Институту окружных ахунов отводилась ключевая роль в организации общественного богослужения. Они получали право созыва приходского или сельского (если приход состоял из отдельного общества) схода для обсуждения проблем о нуждах и делах прихода, инициирования составления приговора, причем сельские и волостные органы самоуправления должны были оказывать содействие управлению окружных ахунов или командированному им члену в принятии личного участия, как по соблюдению за порядком, так и исполнением установленных законом правил: проверка, свидетельствование приговора, а также содействие к его исполнению.

Составленный приговор как документ, подтверждающий желание общества, поступал в распоряжение управления окружного ахуна. После рассмотрения в коллегиальном составе и сбора нужных сведений – относительно соответствия размера предполагаемой к постройке мечети действительным нуждам прихода, избранного под постройку места с учетом санитарно-гигиенической, пожарной, технической безопасности, в плане обеспечения дальнейшего содержания мечетей и духовенства, – техническая документация вносилась на предварительное одобрение в строительное отделение губернского или областного правления, затем поступала в ОМДС для принятия окончательного решения. Оно должно было также принимать непосредственное участие в составлении приговоров об избрании духовных лиц. В целом новый институт должен был курировать мечетестроительство, имущество богослужебных учреждений и кладбища, осуществлять надзор за приличным их содержанием, в случае надобности, путем воздействия на прихожан убеждениями – проповедями (вагазами) – и другими мерами вразумления, вплоть до обращения к местным гражданским и судебным властям, содействовать устранению беспорядков (ст.31).

тельно и единолично исполняющее духовные обязанности по отправлению богослужения и исполнению треб по обрядам веры, и ближайший духовный судья, действующий по указаниям управления ахунов и ОМДС. По статусу они приравнялись к сельским должностным лицам⁵⁰.

3-я глава проекта была посвящена составу духовных чинов в округе ОМДС⁵¹. Если до этого выделялись высшее (муфтий и ахуны) и низшее духовенство, то отныне вводились три ступени: высшая (муфтий и члены Собрания, именующиеся кадиями, ахунами, мударисами, мухтасибами и хатибами); средняя – мугаллимы и имамы, низшая – мугаллимы-сабианы и муадзины.

Муфтий – высший мусульманский духовный сан – был отнесен Совещанием к числу высших государственных чинов, как пользующийся особым доверием императора и высших государственных учреждений. Муфтий объявлялся духовным главой избравших его мусульман, представителем и защитником духовно-религиозных интересов своей паствы перед правительством (ст.47), «старшим председателем» с правами, преимуществами и обязанностями общегосударственных центральных установлений и губернских коллегиальных присутственных мест⁵².

---

⁵⁰ Под управлением приходского имама должны были состоять старший в приходе имам или его коллега, которые руководили приходом, состоящим из мечети и прихожан по возможности одного селения и попечительства в составе трех лиц, избранных из числа выделяющихся своим благочестием. Попечительство, состав которого утверждался религиозным управлением, заведовало вакуфным имуществом мечети, мектебе и медресе, занималось вопросами обеспечения содержанием духовенства, мечети со школой (ст.6, 7).

⁵¹ Протокол Уфимского губернского совещания... – С.12–15.

⁵² В проекте предусматривалось существенное расширение полномочий муфтия (ст.49). В частности, он получал право созыва не менее раз в три года высшего духовенства для обсуждения важнейших вопросов религиозно-духовной жизни, а также право разрешения совершать пятничное богослужение в мечетях и молитвенных домах; право представления к наградам духовных лиц, рекомендации или назначения вероучителей в гражданские и военные учебные заведения из числа духовенства и лиц недуховного звания; назначения представителей духовенства в земские собрания и городские думы, при наличии 10 тысяч душ мусульман в губерниях, уездах и городах; назначения времени выборов кадиев-членов ОМДС.

Муфтий назначался государем по представлению министра внутренних дел из числа избранных мусульманами лиц (ст.50). За три месяца до выборов кандидатов в муфтии об этом извещались управления окружных ахунов, они определяли время и место съезда уполномоченных приходов, в которых выборы завершались за шесть недель до съезда избирателей кандидатов в муфтии в г. Уфе⁵³.

Кадии утверждались министром внутренних дел из числа представленных муфтием кандидатов, которых также избирало духовенство из своей среды сроком на три года. Для их выборов округ ОмДС делился на десять частей, каждая объединяла приблизительно 10 округов управления окружных ахунов. Такая группа являлась избирательным округом на один год по очереди. В цикле избирательных очередей губернии, имеющие более 10 ахунских округов, должны были участвовать не менее двух, а округа Сибири – не менее четырех раз⁵⁴. Был также прописан порядок выборов председателей управлений окружных ахунов путем тайного голосования 2/3 упол-

---

⁵³ Каждый приход, исходя из своей численности, избирал в установленном порядке 1–3 уполномоченных, которые на съезде уполномоченных в управлении окружного ахуна в присутствии представителя администрации уезда путем закрытого голосования избирали двух уполномоченных: одного из духовенства и одного из светских лиц, а также по одному к ним кандидатов; избранным считался тот, кто получил наибольшее число голосов. Избранные лица, получив соответствующее удостоверение, прибывали в Собрание. При участии не менее $\frac{3}{4}$ от общего числа избирателей, съезд считался состоявшимся. На съезд прибывали исполняющий обязанности муфтия, чиновник МВД, губернатор и лица прокурорского надзора. Список кандидатов в муфтии составлялся на основе поступивших от участников съезда письменных предложений. Избранными путем тайного голосования считались первые три кандидата, получившие наибольшее число голосов. Этот список представлялся министру внутренних дел для дальнейшего утверждения одного из них императором.

⁵⁴ Выбор производился записками, представляемыми в Собрание в закрытых пакетах к назначенному сроку от каждого избирателя, со вписанием звания и фамилии кандидата на избирательном бланке, заготовленном и разосланном в каждый из округов (по числу приходов) одновременно с извещением. Из числа считающихся избранными кандидатами трех лиц, муфтий представлял двоих к утверждению министру внутренних дел, один, получивший менее баллов, утверждался кандидатом (ст.53–59).

номоченных приходов из числа имамов, не достигших 63-летнего возраста⁵⁵.

Если ранее имам одновременно выполнял обязанности учителя конфессиональной школы, то в проекте было прописано, что хатиб, имам и муадзин избираются прихожанами и затем утверждаются в должности Собранием, а мударрисы и мугаллимы назначаются исключительно Собранием, при этом их обязанности могли быть делегируемы местным приходским духовным лицам.

В 4-й главе под названием «О делопроизводстве в учреждениях ведомства Мусульманского духовного собрания» была регламентирована деятельность структурных подразделений религиозного управления⁵⁶.

В 5-й главе⁵⁷ были прописаны функции исламских религиозных институтов. *Вакуфам* был выделен отдельный раздел из 5 статей (ст.66–70). Вакуфами были названы имущества – движимые и недвижимые капиталы, пожертвованные или завещанные в пользу мечетей, мектебе и медресе, духовенству или мечети, для призрения сирот, бедных, умалишенных и неизлечимо больных и вообще для благотворительных целей. Вакуфы принимались в ведение ОМДС в случае, если его учреждение соответствовало правилам шариата. Вакуфы были безусловными – назначенными для богоугодных духовно-просветительских целей вообще, или обусловленными употреблением на конкретные цели, в определенном месте по воле жертвователя и завещателя, выполнение которых являлось обязательным для лица или учреждения, принимающего дар. В то же время завещатель мог сам

---

⁵⁵ В выборах духовных лиц участвовали не только главы хозяйств, а все прихожане м.п., достигшие 21 года. Избранным считался кандидат, набравший 2/3 голосов. Кандидаты могли быть предложены приходом, или управлением окружного ахуна, или самим желающим поступить на вакантную должность.

⁵⁶ На общем отделении Собрания должны были заседать все шесть кадиев и сам муфтий или заступающий на его место при секретаре Духовного собрания, а в остальных двух – по три кадия. Дела во всех отделениях решались большинством голосов. Один из заседателей курировал архивариуса, заведующего архивом. Все исходящие бумаги в учреждения и должностным лицам составлялись на русском языке, а переписка с подведомственными учреждениями и лицами велось, если представлялось «удобным и целесообразным», – на татарском языке. (Протокол Уфимского губернского совещания... – С.15–16).

⁵⁷ Протокол Уфимского губернского совещания... – С.16–18.

назначить особого исполнителя своей воли – мутаваллия. Все безусловные вакуфы передавались в ведение религиозного учреждения. Собрание занималось переоформлением частной собственности в вакуфную. Для принятия, управления, хранения капиталов, наблюдения за их использованием, сохранения их целостности и неприкосновенности были выработаны специальные правила⁵⁸.

В разделе, посвященном приходским попечительствам (ст.71–76), был определен его состав – избранные религиозной общиной из числа состоятельных и порядочных лиц три прихожанина, которые представляли по всех вопросах приход, и самое главное – выступали как юридическое лицо. Главной обязанностью попечительства являлась забота о функционировании мечети, конфессиональной школы и содержание в порядке местного кладбища. Оно также заведовало вакуфным имуществом мечети или школы, при его наличии, вело отчетность в особой шнуровой книге, выдаваемой Собранием, и ежегодно отчитывалось с приложением документов. Назначенный к вакуфам мутаваллий состоял членом попечительства⁵⁹.

Один из разделов регламентировал существование духовных учебных заведений, которые учреждались приходами при каждой

---

⁵⁸ Собрание должно было: 1) вести строгий учет имущества с указанием назначения вакуфа, записывая сведения в шнуровые книги, запрашивая при необходимости (с дозволения министра внутренних дел) «высочайшего» соизволения на принятие пожертвованного имущества; 2) осуществлять составление дарственных актов, переоформление капитала, принимать завещательные акты и обеспечить их сохранность; 3) заведовать, хранить и управлять вакуфным имуществом через духовные учреждения и лица, контролировать расходование доходов, а также приходские попечительства или мутаваллиев, организовать их отчетность и проверку представленных сведений; 4) выдавать при необходимости своим подчиненным или посторонним лицам доверенности на управление и ведение судебных дел по делам о вакуфах.

⁵⁹ Попечительство осуществляло также прием пожертвований на нужды прихода или благотворительных учреждений, существующих при приходе, сбор денег на содержание приходского духовенства, на постройку или ремонт мечети по постановлению прихожан в определенном с каждого прихожанина размере и т.д. Приходы и расходы записывались в особой шнуровой книге, скрепленной печатью управления окружного ахуна, и попечительство должно было ежегодно отчитываться перед приходом о своей деятельности.

мечети на приходские средства, попечительствами и частными лицами, с разрешения управления окружных ахунов.

Учебные заведения делились на три ступени: а) низшие – мектебе, которые открывались в обязательном порядке в каждом приходе, хотя бы в здании мечети; б) средние – медресе, которое могло быть соединено с мектебе, и, в) высшие – «медресе-и галия». Мугаллимы, хатибы и мударрисы были призваны курировать учебно-воспитательные вопросы под «ближайшим» надзором и руководством управления окружных ахунов и ОМДС.

Серьезное внимание в проекте было также уделено мечетям и молитвенным домам⁶⁰.

Таким образом, реформа была направлена на усиление влияния и контроля ОМДС над приходским духовенством и социокультурными процессами в приходах. Этой цели призваны были служить два новых института: а) около 450 управлений окружных ахунов, которым были делегированы часть полномочий ОМДС и печатный орган «Вестник ОМДС». Таким образом, контроль со стороны управлений окружных ахунов и печатное слово были призваны важнейшими рычагами в усилении нравственно-религиозного воспитания и модернизации мусульманского сообщества. Выборы муфтии и заседателей превращали в легитимную административно-духовную власть ОМДС над исламскими религиозными институтами. Муфтий становился главой религиозной общины (амир аль-муминин), религиозно-культурная автономия татар и башкир приобретала завершенный вид, а ОМДС становился правотворческим шариатским институтом (иджма). При этом не ставилось обязательным условием наличие у муфтия религиозного образования, наоборот исходя из того, что муфтий становился представителем мусульман округа ОМДС

---

⁶⁰ Признав культовые здания местом поклонения Аллаху, пользующимся особым покровительством законов в плане неприкосновенности и ограждения от осквернения (ст.80), документ констатировал, что «молитвенные дома разнятся от мечетей тем, что в них не совершается полуденной пятничной молитвы без разрешения муфтия и для открытия их не требуется особого разрешения» (ст.82). В других случаях они пользовались равными с мечетями правами. Указывалось на неотчуждаемость земельного участка, выделенного под мечеть. Любопытен способ регулирования взаимоотношений мутаваллия и общины в отношении права распоряжения мечетью: сам факт постройки частным лицом мечети должен был стать основанием для автоматической передачи культового здания в распоряжение местного общества.

перед имперской властью по отстаиванию их интересов, он (по смыслу документа) должен был иметь светское, нежели религиозное образование.

Более того, ОМДС претендовало на учреждение и руководство благотворительными обществами – общественными организациями Нового времени, которыми руководили светские лица, в городах эти общества являлись действенным институтом по решению местных социальных проблем и организации религиозно-культурной жизни общин.

Муфтий и члены ОМДС объявлялись сторонниками движения за выведение традиционных школ из-под ведения МПН и передачу их в распоряжение религиозного управления. Этот тезис опирался на положение по управлению мусульманским духовенством Закавказья 1872 г.

На компетенции ОМДС в сфере воспитания и обучения следует остановиться особо. В проекте, как само собой разумеющееся призывалось преподавание в мектебе и медресе религиозных и светских дисциплин. Самое главное – из ведения прихожан изымалось право назначения в учебные заведения преподавателей (передавалось в компетенцию окружных ахунов и самого ОМДС). Как известно, крестьянские общества являлись главным препятствием в создании новометодных школ. Важным также является разделение ОМДС религиозно-обрядовых и преподавательских функций в приходах. Приходской имам не мог в будущем быть учителем школы. Обучение и воспитание нового поколения мусульман – «камил инсан» – переходили в распоряжение религиозного управления. Эти новшества призваны были создать правовую основу для широкомасштабной реформы системы национально-религиозного образования и ускорения модернизационных процессов в мусульманском сообществе.

В документе отсутствуют два важных раздела – о системе финансирования исламских религиозных институтов и пределах компетенции мусульманского прихода⁶¹. Вопрос о механизмах финансирования исламских религиозных институтов в проекте сведен лишь к вакуфам, которых было очень мало, и попечительствам, которые необходимо было создавать. Если учесть, что приходы являлись той массовой ячейкой религиозно-культурной автономии во

---

⁶¹ Этот вопрос рассматривался в 1914 г. 4-м Всероссийским мусульманским съездом.

главе с ОМДС, то им, безусловно, должно было быть уделено особое внимание. Порой создается впечатление, что ОМДС специально передавало полномочия прихода попечительству, мутаваллиям, или забирало себе и делегировало окружным ахунам (в сфере образования), стараясь тем самым снизить негативное влияние на реформы, консервативность общественных отношений в сельских приходах, которые составляли абсолютное большинство.

Превращение татарского языка в язык делопроизводства в ОМДС, в управлениях окружных имамов и приходских духовных управлений означало параллельное существование татарского языка наряду с государственным, русским, и имело политический «привкус», потому что вышеназванные институты признавались государственными учреждениями. Между тем внедрение татарского языка не требовало каких-либо дополнительных финансовых средств и, по сути, отражало реальную ситуацию в сфере применения татарского языка среди представителей интеллектуальной элиты, в том числе духовенства.

Расширение полномочий муфтия, который объявлялся представителем интересов мусульман перед правительством и особо доверенным лицом высшей власти и императора, означало своеобразный союз самодержавия и мусульман округа ОМДС. Религиозное управление с новыми полномочиями, по сути, превращалось в центр определения вектора развития мусульманской нации Волго-Уральского региона и Сибири. Для реализации заявленных в проекте положений необходимы были поддержка самодержавия, законодательное оформление новых прав, внесение изменений в действующие законы. Однако в начале XX в. ОМДС уже не пользовалось у правительства «полным доверием»⁶².

При отсутствии другой общественной организации, способной мобилизовать мусульманское население региона, именно ОМДС открыто заявило о себе как о главном национально-религиозном учреждении татар и башкир.

Представляя 12 мая 1905 г. (№268) председателю Комитета Министров С.Ю. Витте проект положения «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания»⁶³, разработанный совещанием, а также доклад

---

⁶² РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.800. Л.279об.

⁶³ Проект поступил затем в Особое Совещание по делам веры под председательством А.П.Игнатъева (29 ноября 1905 г. – 28 мая 1906 г.).

ную записку от светских мусульман, М. Султанов счел нужным внести некоторые уточнения в первый документ: «Вместо предположенных многочисленных управлений окружных ахунов, я считаю предпочтительным учреждение духовных медрес, подобно существующим в Закавказье, учреждаемым на одну или несколько губерний, и в числе не более 10 на весь округ Оренбургского Духовного Соборания. Такие учреждения, являясь апелляционной инстанцией по делам, подведомственным магометанскому духовенству, представлялись бы более авторитетными в глазах населения, чем те мелкие, чисто местного характера, учреждения, которые проектируются под названием управлений окружных ахунов». Он регламентировал также порядок выборов муфтия, членов ОМДС, председателя и членов духовного медреса⁶⁴.

Вместо 3-летнего срока службы членов ОМДС муфтий предлагал установить 6-летний с выходом ежегодно одного из членов.

Статью 44 проекта муфтий предложил дополнить особым пунктом, «указывающим как особо важную обязанность противодействовать всеми мерами развитию в магометанском населении пьянства», а статью 60 – определением должности имама как помощника хатиба, исполняющего его обязанности во время его отсутствия, болезни и т.п.

Также предлагалось дополнить ст.20 положением о разрешении обществам башкир и крестьян отводить из свободных земель наделы к мечетям для обеспечения их существования и содержания приходского духовенства.

---

⁶⁴ Предлагалось проводить выборы муфтия, членов ОМДС, председателя и членов духовного медреса, приходских чинов в мечетях в пятницу, после полуденной праздничной молитвы, голосовать посредством записки на русском или татарском языке в бланк избирательного списка каждым грамотным избирателем собственноручно, а неграмотные через другое лицо, своего имени отчества и фамилия, и, а также имени, отчества и фамилия того лица, которого он избирает. Подсчеты голосов путем вскрытия поступивших конвертов должны были проводиться во время публичного заседания Духовного Соборания с участием представителя прокурорского надзора и чиновника, назначенного МВД.

Муфтий разработал «Правила» назначения мулл в иррегулярной и регулярной армии, в тюрьмах⁶⁵, которые предлагал включить как дополнение в отделение 13 (ст.60–63) главы III⁶⁶.

На волне петиционной кампании в 1905 г. ряд общин и имамы подавали в Комитет Министров свои прошения по совершенствованию разработанного текста или в поддержку данного документа, которые вкратце рассмотрим в следующем параграфе.

Губернское совещания мусульман Уфимской губернии (г. Уфа, 22, 23 и 25 июня 1905 г.)

Спустя несколько месяцев, в июне, в Уфимской губернии, население которой наполовину состояло из мусульман, обсуждение вопроса об устройстве религиозных институтов и о нуждах мусульман было продолжено на качественно новом уровне – на созванном с

---

⁶⁵ Правила следующие: «На магометанское духовенство в казачьих войсках, в районе Магометанского Духовного Собрания распространяются общие правила об управлении магометанского духовенства с тем исключением, что кроме приходских духовных лиц, состоящих при мечетях назначаются во время походов, учебных сборов и тому подобные особые полевые муллы по одному на каждый полк, в составе которого имеются казаки магометанского вероисповедания. Эти муллы назначаются по соглашению военного начальства с Духовным Собранием и отправляют духовные обязанности только во время похода.

В войсках состоят в военное время по одному при каждом корпусе, а в мирное в каждом военном округе – штатные военные муллы со содержанием от казны, назначаемые Духовным Собранием по соглашению с военным начальством. На их обязанности лежит совершение богослужений, исполнение религиозных обрядов и треб для военнслужащих магометанского вероисповедания, с запиской совершаемых треб в метрические книги, выдаваемые ежегодно из духовного Собрания. Местожительство им назначается по соглашению военного начальства с Духовным Собранием.

Примечание: Это же правило относится к магометанским муллам во флоте.

При тюрьмах состоят муллы, на обязанности которых лежит религиозно-нравственное воздействие на заключенных, совершение богомолений в торжественные дни, религиозное утешение больных, погребение с соблюдением обрядов религии умерших и совершение других треб с запиской в метрические книги, выдаваемые мне духовного собрания.

Муллы при тюрьмах, а равно при больницах богадельнях, приютах и тому подобным назначаются Духовным Собранием по соглашению с подлежащим начальством».

⁶⁶ НА РТ. Ф.1373. Оп.1. Д.2. Л.4–8об.

разрешения властей губернском совещании с приглашением доверенных (Уфа, 22, 23 и 25 июня 1905 г.), которое открыл уфимский вице-губернатор Н.Е. Богданович. Председателем совещания был избран доверенный от Калкашевской волости Стерлитамакского уезда, сын тархана Мухаммадшакир Мухаммадхарисович Тукаев, секретарем – доверенный от 2-й Айлинской волости Златоустовского уезда, сын чиновника Шарафитдин Абдулгалимов Кулбаков⁶⁷.

Значительную роль в утверждении проекта Уфимского апрельского совещания, на наш взгляд, сыграл факт участия большой группы духовенства, составлявшего более половины уполномоченных, и, конечно же, активная деятельность председателя совещания Тукаева, который происходил из рода известных татарских религиозных деятелей Тукаевых, преподавал в Стерлибашском медресе, был гласным Стерлитамакского уездного земства⁶⁸.

Как видно из таблицы №1, во всех уездах духовные лица составляли более половины уполномоченных, в среднем по губернии – 65,5%, а наибольший процент их представительства наблюдался в Златоустовском уезде – 6 из 7 человек.

---

⁶⁷ Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел, и доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г. – Уфа: Б.г. – С.17.

⁶⁸ После Уфимского совещания он стал членом партии «Иттифак аль-муслимин», участвовал во 2-м Всероссийском съезде мусульман. Избирался от Уфимской губернии депутатом 2-й и 3-й Государственных дум (1907–1912 гг.), входил в мусульманскую фракцию. Во 2-й Думе участвовал в работе комиссии о свободе совести; в 3-й Думе – в земельной, крестьянских повинностей, по вероисповедным делам, рыболовству. Издал брошюру с подробным анализом деятельности комиссии Государственной думы II и III созывов Мухаммет-Шакира Харисова Тукаева, депутата от Уфимской губернии» (Уфа, 1912). (Айнутдинов Р.А. Тукаев Мухаммадшакир // Татарская энциклопедия. Т.5. – Казань, 2010. – С.685).

**Состав участников доверенных мусульман
Уфимской губернии⁶⁹**

Уезды	Дух-во	Башкиры	Тепляри	Мещеряки	Крестьяне	Вол. старшина	Член вол. суда	Без указания сословия	Всего
Белебеевский	12	8	–	–	–	–	–	–	20
Бирский	16	7	–	–	–	–	–	–	23
Златоустовский	6	–	–	–	–	–	1	–	7
Мензелинский	11	1	1	–	6	2	–	–	21
Стерлитамакский	18	4	–	1	–	3	–	1	27
Уфимский	12	3	–	–	–	1	–	1	17
Итого	75	23	1	1	6	6	1	2	115
Итого, в %	65,2	20	0,8	0,8	5,3	5,3	0,8	1,8	100

Принятые на совещании документы можно разделить на три части:

1. Рекомендованный апрельским съездом духовенства «Проект узаконения для магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания». (В том проекте, согласно утверждению Р. Фахретдина, было из 84 статей, в этом документе – 87, ст. 1-84 – текст итогового документа апрельского совещания).

2. Рекомендации правительству по пересмотру и упразднению ущемленного правового положения мусульман в России, в округе ОМДС.

3. Рекомендации правительству, губернатору, земству, направленные, главным образом, на решение социально-экономических проблем у различных групп мусульманского населения Уфимской губернии.

В следующей последовательности рассмотрим материалы совещания.

⁶⁹ Протокол Уфимского губернского совещания... – С.19–21.

Три рекомендации правительству по пересмотру и упразднению ущемленного положения мусульман в России, в округе ОМДС были записаны в отделе «О мечетях и молитвенных домах мусульманских»: до 84-й статьи включительно приводился текст итого документа апрельского совещания, а ст.85, 87, и 87 были приняты июньским совещанием. В них говорилось: предоставить муллам право закрывать «в нежилых домах», иначе говоря, под арест, тех прихожан, которые, «пьянствуя, безобразничают и нарушают общественную тишину»; разрешать назначать на должности мударрисов, хатибов и мулл единоверцев-российских подданных, получивших духовно-нравственное образование в иностранных мусульманских учебных заведениях; сделать необязательным знание для мулл знание русского языка. Кроме того, к рекомендациям совещания, имеющим общее мусульманское значение, относятся следующие предложения, выведенные в особый раздел под названием «Общие нужды»:

– в случае учреждения в столице «собраний для рассмотрения нужд народа империи» допустить в это собрание и представителей мусульман;

– желательно, чтобы мусульманам-военнослужащим подавался особый стол, и «крайне желательно» учреждение при войсках должностей мулл для удовлетворения духовных нужд мусульман;

– поскольку «недостаточно тактичные действия миссионеров и меры, ими принимаемые, совершенно напрасно волнуют и возбуждают умы мусульманского населения, то крайне желательно, чтобы миссионерам, раз и навсегда, внушено было от подобных действий и мер воздерживаться под ответственностью перед законом»;

– запретить мусульманам и мусульманкам открытие домов терпимости;

– не открывать в мусульманских деревнях базары по пятницам;

– объявить необязательной явку на суд и службу мусульман по пятницам и другим мусульманским праздникам;

– открывать лавки мусульман в христианские праздники;

– требовать от мусульманских детей свидетельство в знании своей религии при поступлении в русские школы;

– избирать оренбургского муфтия пожизненно, в случае неудовлетворения им должности, увольнять на основании жалоб от «мусульман – половины муфтиата»;

– определять в уездах, населенных мусульманами, земских управ, состоящих из 3 членов, одного из числа мусульман, а при 4 членах – 2⁷⁰;

Перечислим рекомендации правительству, уфимскому губернатору, земству, направленные, главным образом, на решение социально-экономических проблем различных групп мусульманского населения (раздел «Общие нужды»):

– необходимо открывать для мусульман земские ремесленные школы⁷¹.

– необходимо открывать сельскохозяйственные и специальные училища, где преподавание велось бы на родном языке мусульман;

– необходимо запретить открывать винные и пивные лавки в мусульманских деревнях⁷²;

– желательно, для поддержания интересов мусульманского населения, в тех уездах, в которых проживает незначительное число мусульман, допускать в земские собрания местных ахунов, а в случае их отсутствия – мулл;

– желательно при продаже или отдаче в аренду земли преимуществу давались покупателям или арендаторам из однообщественников, а затем мусульманам других местностей;

– отмежевать не продавшим свободного участка земли вотчинникам их части в одном месте с душевым наделом и предоставить в отдельное, независимое от продавших, распоряжение, с учетом того, что среди башкир-вотчинников есть семейства, не продавшие и не отдавшие в аренду землю из свободного участка, долей же их продолжают пользоваться, и не имеющие уже свободной земли за продажей своих частей;

---

⁷⁰ Учитывая то обстоятельство, что мусульмане, являясь аккуратными плательщиками земских сборов, не имеют в земских собраниях уездов, населенных мусульманами, своих представителей, «ввиду некоторых ограничений», а гласные-немусульмане, совершенно не интересуются делами деревень, отменить все законодательные ограничения по отношению избрания гласных из мусульман в земские собрания.

⁷¹ Потому что мусульмане Уфимской губернии, не зная другого ремесла, кроме хлебопашества, в неурожайные годы находятся в крайне бедном экономическом положении.

⁷² Потому что в последнее время «в башкирских селениях в высшей степени развилось пьянство, что, останавливая культурное их развитие, увеличивает различные судебные процессы на почве пьянства.

– ходатайствовать на основании «Положения» 1832 г. о прирезке из запасной земли дополнительных наделов припущенникам (тептярам и мещерякам), дворянам «их национальности», а также малоземельным вотчинникам на наличные души, исходя из того, что как у малоземельных башкир-вотчинников (имеющих по X ревизии не более 15 десятин на душу), так и у припущенников из бывших военного звания на наличные души земли приходится очень мало: у первых пять десятин, а у вторых менее 3 десятин;

– желательно, с целью поднятия уровня в землевладении, чтобы башкирские земли были разделены на наличные души, и чтобы распределение земли было производимо через каждые 6 лет, и таковое распределение касалось бы только душевых наделов;

– изъять охрану башкирской вотчинной лесной дачи из ведения казны и предоставить оберегать леса самим вотчинникам;

– желательно, чтобы припущенники были освобождены от выкупных платежей, потому что башкиры-припущенники владеют землями, приобретенными ими в собственность от башкир-вотчинников⁷³.

Предложение открывать за счет земств ремесленные школы для мусульман с преподаванием на родном языке имело революционное значение. Джадидские школы имели гуманитарную направленность, земские начальные профессиональные школы представлялись для уполномоченных совещания в качестве национальных начальных профессиональных учебных заведений, созданных за счет земского налога единоверцев.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. Духовное собрание выступало за преодоление схоластики и схематизма при обучении мусульман, приветствовало введение в программы учебных заведений среднего и высшего звена (медресе) и начальных коранических школ (мектебе) светских предметов и русского языка, стремилось к распространению джадидистских идей среди мусульманского населения своего округа, выступало за обновление общественной жизни махаллей.

Обсуждение и принятие совещанием доверенных мусульман Уфимской губернии, в которых участвовали выбранные на волостных сходах уполномоченные – и духовные, и светские лица, превратило «Проект узаконения для магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания», составленный заседа-

---

⁷³ Протокол Уфимского губернского совещания... – С.18–19.

лями и приходскими имамами, в волеизъявление более полумиллиона мусульман, и позволили опубликовать его, сделав документ достоянием широкой общественности.

Не менее важными представляются рекомендации совещания по упразднению ущемленного положения мусульман в России, которые следует рассматривать как совместное волеизъявление заседателей ОМДС и уполномоченных. Часть из них логично вытекала из существующих социальных проблем мусульманского населения Уфимской губернии.

Рекомендации по улучшению правового и социального положения мусульман Уфимской губернии были обусловлены, главным образом, традиционно сложными земельными правоотношениями между вотчинниками и припущенниками, уходящими своими корнями в XVIII – первую половину XIX вв., издержками в проведении земельной реформы в последующие десятилетия среди различных групп населения, а также активной русской колонизацией Приуралья.

Таким образом, идея муфтия М. Султанова по введению в ОМДС системы управления исламскими институтами по модели Закавказского управления духовными делами мусульман-суннитов в значительной степени была реализована в проекте, принятом на совещании духовенства в апреле 1905 г. и затем было пролонгировано губернским совещанием представителей мусульман Уфимской губернии (июнь 1905 г.).

Источники и литература

1. Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Уфа, 2000. – 100 с.

2. Айнутдинов Р.А. Тукаев Мухаммадшакир // Татарская энциклопедия. – Т.5. – Казань, 2010. – С.685.

3. Габәши Х. Тәржемәи халем. Солабаш, 1928. – 33 б. // Казан федераль университеты Фәни китапханәсенә сирәк китаплар һәм кулъязмалар бүлеге. 1542 т.

4. Габдерәшит Ибраһим. Бөгрәделек көндәлеге / Кереш сүз, факсимиле һәм гарәп транскрипциясе Әлфрит Бостанов, татарчага тәржемәсе Данияр Гыйльметдинов. – Казан, 2013. – 190 б.

5. Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / Төз. М.Ф. Рахимкулова. – Оренбург, 1998. – 259 б.

6. Дәүләт Набир. Россия төркиләренәң милли көрәш тарихы (1905–1907). Төрөкчәдән Р. Батулла тәрж. – Казан: Милли китап, 1998. – 400 б.

7. Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: Материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – С.44–102.

8. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 416 с.

9. Мараш И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917). Пер. с турецкого. – Казань: Изд-во «Иман», 2005. – 199 с.

10. Мәжмуга. Жәмгыяте шәрғыйя Ырынбургыйя, яна мөфти галиэссәләм тарафындан нәшер улынмыш указ һәм нәсихәтләр, ушындук төрле хосусда язылмыш тәдбир һәм назәмнәрнең төркічә тәржемәләре жьелмышдыр. Имамнар, яна имам улачақлар өчен кирәкле бер эсәрдер. – Уфа: Губернская типография, 1905. – 189 б.

11. НА РТ. Ф.1373. Оп.1. Д.2.

12. Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел, и доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г. – Уфа, б.г.

13. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.800.

14. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.906.

15. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России. Петроград, 1917 // Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и авт. вводной статьи, комментарий и приложений Д.Ю. Арапов. – М., 2001. – С.267–315.

16. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. / Сост. Р. Фахрутдинов. – Уфа: губерн. типогр., 1905. – 225 с.

17. Свердлова Л.М. Апанаевы // Татарская энциклопедия. Т.1. – Казань, 2002. – С.165.

18. Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). – Н.Новгород, 2007. – 520 с.

19. Фәхрәддин Р. Гомум жавап // Тәржеман. – 1905. – 30 август. – №68; 2 сентябрь. – №69; 13 сентябрь. – №72.

20. Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): институты, идеи, люди. – М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2010. – 208 с.

21. Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского общества в Волго-Уральском регионе. – М.: Издательский дом Марджани, 2013. – 337 с.

22. Хабутдинов А.Ю. Оренбургское магометанское духовное собрание: планы реформ в начале XX в. // Оренбургское магометанское духовное соб-

рание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы одноименного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). – Казань, 2010. – С.163–175.

И.К. Загидуллин

**Мәхкәмә-и шәрғия Ырынбургияның XIX ғасыр азагында –
XX ғасыр башында мөселманнарның дин эшләрә белән
идарә итүне реформалаштыру буенча эшчәнлеге**

Мәкаләдә Мәхкәмә-и шәрғия Ырынбургияның приходлардагы дин әһелләренә эшчәнлеген яңарту, мөселманнарның дин эшләрә белән идарә итүне реформалаштыру буенча эшчәнлеге, шулай ук 1905 елда булып узган руханилар корылтаенда бу хакта кабул ителгән кагыйдәләр проекты һәм Уфа губернасы мөселманнарының жыелышы тарафыннан кабул ителгән документның эчтәлегенә яктыртыла.

Ачкыч сүзләр: Мәхкәмә-и шәрғия Ырынбургия, мөфти М. Солтанов, Р. Фәхретдин, ислам институтларын реформалаштыру.

I.K. Zagidullin

**Activities of the Orenburg Mohammedan spiritual meeting
for reforming of management by spiritual affairs of Muslims
at the end of XIX – the beginning of the XX centuries**

In article are shined activities of the Orenburg Mohammedan spiritual meeting for updating of work of parishional clergy, for development of the project for management of spiritual affairs of Muslims, and also basic provisions approved at meeting of clergy of the draft of the provision on it and total the document of provincial meeting of representatives of Muslims of the Ufa province who took place in 1905.

Keywords: Orenburg Mohammedan spiritual meeting, mufti M. Sultanov, R. Fakhretdin, reforming of Islamic institutes

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ; e-mail: zagik63@mail.ru.

Загидуллин Илдус Котдус улы – тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш. Мәржани исемдәге Тарих институты урта ғасырлар бүлегенә мөдире.

Zagidullin Ildus Kotdusovich – the doctor of historical sciences, the head of the Department of medieval history of Sh.Marjani Institute of History of AS RT.

Реализация вексельного права среди татарских предпринимателей в первой половине XIX века

В статье на основе изучения маклерских книг с копиями векселей и заемных писем рассматривается влияние векселя на развитие торговых отношений и торговли. Татарские купцы активно пользовались кредитом на Нижегородской ярмарке. Вексельное право использовалось татарским купечеством для избежания рисков, связанных с отсутствием покупательской активности приезжающих на ярмарку торговцев, и позволяло уменьшить долю непроданных товаров, что было крайне важно для развития промышленности. Обращение к векселям и заемным письмам позволяло сократить потери от непроданного товара и вложить средства в расширение производства.

Ключевые слова: вексельное право, кредит, вексель, татарское купечество, кредитное письмо, заемное письмо.

С момента своего появления вексель стал играть огромную роль в расчетах между предпринимателями, давая возможность расплатиться за товар, услугу, выдать или погасить заем, отсрочить платеж в денежной форме, являясь средством обеспечения как коммерческих, так и банковских кредитов¹.

Первый вексельный устав был принят в России в 1729 г. и представлял собой копию с западных образцов². Необходимость издания соответствующего закона обуславливалась тем, что провоз металлических денег для осуществления коммерческих операций в разные города сопровождался опасностью ограбления в пути, дополнительными расходами на сам провоз, кроме того, государство, в случае заграничной торговли негоциантов, лишалось золота и серебра, что было невыгодно в условиях ограниченности этих материалов для изготовления денег.

---

¹ Вексель – это ценная бумага, удостоверяющая имущественное право, которое может быть осуществлено при предъявлении подлинника этого документа. Вексель представляет собой долгосрочное долговое обязательство, обязанность вернуть определенную сумму в определенный срок – долг с процентами.

² История развития вексельного обращения // Вексельное право. Общие положения и юридический комментарий / Ильин В.В., Макеев А.В., Павлодский Е.А. – М.: Концерн «Банковский деловой центр», 1997. – С.12.

Законодатель так объяснял необходимость появления вексельного права: «Вексельный устав сочинен и выдан вновь ради того, что в Европейских областях вымышлено, вместо перевода денег из города в город, а особо из одного владения в другое, деньги переводить через письма, названные векселями, которые от одного к другому даются или посылаются, и так действительны есть, что почитаются наипаче заемного письма, и приемлются так, как наличные деньги»³.

В 1832 г. был издан новый Вексельный устав⁴, пытавшийся приспособить вексель к условиям и запросам жизни⁵. При его подготовке учитывалось мнение торговых сословий⁶.

Появившись как инструмент перевода денежных средств, со временем вексель начинает использоваться как инструмент расчета, кредита, обеспечения обязательств.

Различали простой и переводной вексель. Простой вексель представлял собой ничем не обусловленное обязательство векселедателя уплатить по наступлении срока определенную сумму денег держателю. Переводной вексель содержал письменный приказ векселедателя, адресованный плательщику об уплате указанной в векселе суммы денег третьему лицу – держателю векселя. В России абсолютное предпочтение отдавалось простым векселям. Причину этого некоторые исследователи видят в совокупности таких факторов, как культурные традиции, особенности торгового оборота, географические особенности нашей страны⁷. Долгое время в купеческом быту торговля на заемные деньги воспринималась как свидетельство несо-

---

³ ПСЗ–1. – Т. VIII. – №5410. – С.148.

⁴ ПСЗ–2. – Т. VII. – №5462. – С.405–420.

⁵ Вексель и вексельное обращение в России: Практическая энциклопедия / Волохов А.В., Ефимова Л.Г., Ильин В.В. и др.; Науч. ред. Б.А.Жалнинский; Сост.: А.Г.Морозов, Д.А.Равкин. 3-е изд. – М.: Концерн «Банковский деловой центр», 1997. – С.19.

⁶ Однако устав обладал важными недостатками – в нем не были четко определены позиции простого векселя, не была обеспечена быстрота и срочность вексельных взысканий. Все это потребовало разработки нового вексельного устава, который был утвержден 17 февраля 1882 г. Таким образом, в России в первой половине XIX века действовало два устава –1729 и 1832 гг.

⁷ См., например: Соколов А.В. Особенности формирования вексельного права в России // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. Научно-теоретический журнал. – 2012. – №1. – С.176–180.

стоятельности купца, предпочтение отдавалось торговле на собственные средства, что отрицательно сказывалось на обороте переводных векселей, предусматривавших два уровня кредитных отношений – между векселедателем и плательщиком и векселедателем и векселеполучателем. Переводной вексель в Европе трассировался (передавался) по следующей схеме: «крупный фабрикант – крупный оптовик – мелкий оптовик – учетный банк». Фабрикант, с целью не допустить остановки производственного цикла, для оплаты сырья брал деньги в долг, для чего оформлял вексель, но оплачивать его должен был крупный оптовик. Последний, в свою очередь, трассировал вексель на мелких торговцев. Оптовик мог продать данный вексель банку и получить кредит.

В России существовали законодательные ограничения в осуществлении торговых операций для различных социальных групп, препятствующие широкому распространению переводного векселя: правом заниматься оптовой торговлей обладали дворяне (могли продавать только продукцию собственного производства), купцы 1-й и 2-й гильдии (продавали оптом продукцию своих мануфактур и покупной товар), а купцам 3-й гильдии оптовая внутренняя торговля разрешалась лишь покупным товаром. Розничной торговлей могли заниматься купцы всех гильдий (1-й и 2-й гильдии – только покупным товаром, 3-й гильдии – только собственной продукцией), мещане (в городе могли иметь одну лавку и продавать продукцию собственных ремесленных мастерских или мелочный товар из утвержденного правительством списка). Складывалась парадоксальная ситуация, когда купцы 1-й и 2-й гильдий не имели права в розницу продавать продукцию своих предприятий⁸. Купцы и мещане не могли иметь лавочный торг в сельской местности, за исключением лавок при фабриках. Таким образом, фабричный товар приобретался мелкими скупщиками, перекупщиками, а торговые отношения приобретали стихийный характер, что не могло не сказаться негативно на использовании переводного векселя.

В рассматриваемый период в основе капиталистического производства лежало непосредственное участие производителя в сбыте своих товаров. Продавая часть товаров через свою торговую сеть,

---

⁸ Свердлова Л.М. Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XX в.) / Л.М.Свердлова. – Казань: Татарское книжное издательство, 2011. – С.117.

фабриканты, как правило, избегали посредничества крупных купцов. Они сами предпочитали вывозить свой товар на ярмарки, откуда он расходился по деревням и селам благодаря деятельности торгующих крестьян и купцов 3-й гильдии. В лице одного купца происходило слияние функций крупного фабриканта и крупного оптовика.

Заметную роль в отработке схем использования векселя и в получении векселем все большей известности и популярности сыграли ярмарки. Одним из наиболее доступных для татарских предпринимателей рынком сбыта товаров была Макарьевско-Нижегородская ярмарка, имевшая в хозяйственной жизни страны огромное значение.

Известно, что в 1804 году в Казани насчитывалось 40 купцов-татар⁹. На Макарьевскую ярмарку из них приехало 34 человека (85%)¹⁰. В 1809 г. из 35 татарских купеческих семейств Казани на ярмарку приехали 26 (74%)¹¹. Владельцы кожевенных предприятий – купцы Назир Баязитов, Муса Апанаев, Муртаза Бурнаев, Сулейман Хозясеитов, Юсуп Шатунов и другие арендовали в 1806–1820-х гг. по две лавки – сначала на Макарьевской, а с 1817 г. – на Нижегородской ярмарке¹². Это позволяет сделать вывод о том, что Макарьевско-Нижегородская ярмарка играла ключевую роль в формировании слоя татарских предпринимателей. Здесь вращались основные капиталы купечества, ярмарка притягивала внимание купечества уездных городов и помещиков, отправлявших на нее своих крестьян. Привоз на Нижегородскую ярмарку к середине XIX в. составлял более половины всего ярмарочного и 1/24 часть всего торгового оборота России¹³. Ярмарка предоставила уникальный шанс для развития вексельных функций, таких, как расчетно-платежная, позволявшая использовать вексель в качестве инструмента для осуществления расчетов и платежей в коммерческих операциях, в том числе для урегулирования задолженностей по множеству сделок с большим числом участников, клиринговая (по окончании одной ярмарки сальдо платежей могло либо погашаться наличными, либо переводиться на последующий круг взаимных расчетов, который был приурочен к оче-

---

⁹ Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань: Татарское книжное издательство, 1977. – С.87.

¹⁰ Подсчитано нами. ЦАНО. Ф.489. Оп.286. Д.13, 14, 15, 48.

¹¹ ЦАНО. Ф.489. Оп.286. Д.169.

¹² ЦАНО. Ф.489. Оп.286. Д.116; Ф.489. Оп.286. Д.378.

¹³ Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка – карман России: Учебно-методическое пособие. – Н.Новгород: ННГУ, 2008. – С.20.

редной ярмарке)¹⁴. В нашем распоряжении оказался подлинный вексель 1812 г., данный 25 июля на Макарьевской ярмарке векселедавцем казанским купцом Мязитом Сапкуловым, на сумму 500 рублей, на срок 1 год¹⁵. Кредитором был арский купец Назир Баязитов, сын Усманова.

Татарские купцы активно пользовались вексельным правом на Нижегородской ярмарке. В 1817 г. казанский мещанин Хайсбулла Аблаев продал на векселя, т.е. в кредит, товар на сумму 1000 рублей, казанский купец Муса Измаилов Апанаев – на 70000 рублей, что составило 47% от суммы всех привезенных им на ярмарку товаров (всего было привезено товара на сумму 150000 рублей, продано непосредственно за наличные деньги на 50000 рублей). Арский купец Назир Баязитов Усманов выдал товар в долг на сумму 40000 рублей (из привезенных товаров на сумму 150000 рублей), что составило 27%. Арский купец Мухаметрахим Валитов, торговавший на ярмарке кумачом, отдал на векселя 15% стоимости своего товара (из 200 000 рублей – на сумму 30 000 рублей). Вексельным правом пользовались также казанский купец Хамза Мамашев (33% стоимости товара продано на векселя), арский купец Абдулвали Хозясеитов (50%), казанский купец Губейдулла Суеров (83%), арский купец Махмут Назиров (56%), арский купец Усман Хозясеитов (20%), казанский купец Ис[x]ак Якупов¹⁶. Учитывая, что значительная часть товара оставалась непроданной на ярмарке, выдача товара в кредит позволяла промышленникам не разориться и получить выгоду в любом случае. Так, Муса Апанаев, владелец кожевенного предприятия в Казани, Назир Баязитов – кожевенного и хлопчатобумажного в д. Кшкары, Хозясеитовы из д. Служилая Ура Царевококшайского уезда нуждались в сбыте своих изделий.

Обращение к векселям и заемным письмам позволяло сократить потери от непроданного товара и вложить средства в расширение производства. Так, у Абдулвали Хозясеитова после выдачи товара в долг не осталось непроданных товаров, у Усмана Хозясеитова – остались товары на сумму 25000 рублей (50%), у Мусы Апанаева – осталось на 30000 рублей (20% от всего привезенного объема товаров),

---

¹⁴ Криничанский К.В. Эволюция коммерческих ценных бумаг. Функциональный аспект // Журнал экономической теории. – 2009. – №2. – С.188–200.

¹⁵ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.22.

¹⁶ ЦАНО. Ф.489. Оп.286. Д.280. Л.45об.–50об.

и если бы не векселя, то непроданных товаров осталось бы 67%. Таким образом, вексель существенным образом способствовал расширению обмена посредством торговли. Вексель, воспринимавшийся торговцами как удобный и востребованный инструмент с точки зрения коммерческого расчета, позволял вовлекать в сферу обмена все большее число участников и все большее число товаров. При использовании векселя снижались издержки расчетов деньгами, использование векселя способствовало повышению эффективности коммерческих предприятий, поскольку перемещение векселей заменяло перемещение наличности, а также передвижение людей и товаров. Тем самым торговые обороты могли совершаться с большей легкостью и скоростью, что, в свою очередь, умножало прибыли, стимулировало деловую активность¹⁷.

Векселя выдавались татарскими коммерсантами (по данным на 1824 г.) в большинстве случаев на год (29%), 13 месяцев (8%)¹⁸. Особо следует сказать о векселях, срок уплаты по которым назначался во время ежегодно проводившихся в империи ярмарок. Так, например, казанский купец 1-й гильдии Муса Мухаметев Якупов обязался отдать вексельный долг в сумме 2150 рублей на Ирбитской ярмарке казанскому купцу 2-й гильдии Василию Федоровичу Подошвенникову¹⁹. Арский купеческий сын Усман Сулейманович Хозясеитов оформил два векселя на взятый им товар у шуйского купца Василия Максимовича Киселева (на 5000 и 1730,60 рублей) с обязательством отдать долг во время Ростовской ярмарки²⁰. Казанский купеческий сын Муртаза Мусич Апанаев одолжил у того же Киселева товар на сумму 2480 рублей с обязательством вернуть долг на Нижегородской ярмарке российской ходячей монетой²¹. Согласно Уставу о векселях, срок погашения векселя, платеж по которому назначен на ярмарке, считался наступившим накануне дня, определенного для окончания ярмарки, или в день проведения ярмарки, если она продолжалась в течение одного дня²².

Наибольшее число зарегистрированных у маклера г. Казани татарскими коммерсантами векселей за 1824 г. приходилось на де-

---

¹⁷ Криничанский К.В. Указ. соч. – С.8.

¹⁸ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.1232.

¹⁹ Там же. – Л.23об.

²⁰ Там же. – Л.26.

²¹ Там же.

²² ПСЗ–2. – Т.VII. – №5462. – С.412.

кабрь (29%), сентябрь (25%), ноябрь (13%), то есть в преддверии или по завершении важнейших ярмарок страны. Так, например, Ирбитская ярмарка проходила с 6 по 20 января²³, Нижегородская – с 15 июля по 25 августа, практически же до начала сентября²⁴, Ростовская ярмарка – в феврале²⁵. Татарские коммерсанты брали кредит указной российской ходячей монетой (об этом свидетельствуют 42% всех векселей), банковскими ассигнациями (12,5%) и товаром (46%). Возвращали долг либо ходячей монетой (79% векселей), либо банковскими ассигнациями (21%)²⁶. В 1824 г. казанский 2-й гильдии купец Яков Степанович Гуляшев получил в долг товар на сумму 1500 рублей от кузнецкого купца Абдулвагапа Шамонова, сына Акчурина²⁷.

Торговля купцов на ярмарках носила в основном оптовый характер, розничная осуществлялась через многочисленных посредников, именовавшихся прасолами²⁸. Они закупали товары мелочью и партиями и сбывали их тут же, на ярмарке, или увозили в свой город и там продавали оптом или в розницу. Чистопольские прасолы, например, имея при себе от 100 до 500 рублей, покупали товар на деньги или в долг, и срочно перепродавали. Вексель в данном случае давался с целью получения денежных средств, необходимых для приобретения товара. Покупатель товара занимал деньги в том месте, где сам торговал, отдавал их фабриканту и получал товар, а затем, перепродавая товар у себя на месте (в уездах), погашал вексель.

Несомненный интерес представляют данные источников о социальном составе кредиторов и заемщиков. Согласно Уставу о банкротях 1800 г., заключать вексельную сделку разрешалось исключительно купцам. Чиновникам и дворянам запрещалось составлять даже так называемые «верющие письма»²⁹. Крестьянам запретили обязываться векселями еще в 1761 году, однако они могли писать «за-

---

²³ ПСЗ–1. – Т. IX. – №6563. – С. 299.

²⁴ Остроухов П. А. Нижегородская ярмарка в 1817–1867 гг. // Исторические записки. – 1972. – №90. – С. 211.

²⁵ Виденеева А. Е., Грудцына Н. В. «Мир и клир»: ростовское духовенство на Ростовской ярмарке // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – №1. – С. 10–16.

²⁶ НА РТ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1232.

²⁷ Там же. – Л. 5 об.

²⁸ Мельников С. Прасолы и косники в г. Чистополе и его уезде // Журнал Министерства внутренних дел. – 1857. – Ч. 23. – Кн. 3. – С. 16–20.

²⁹ ПСЗ–1. – Т. XXVI. – №19692. – С. 461.

емные письма» при условии поручительства со стороны кого-либо из других сословий или разрешения помещика (в отношении частновладельческих крестьян), либо вышестоящего начальства, в ведомстве которого они состоят³⁰. Однако впоследствии данная мера была отменена, и торгующие крестьяне получили право пользоваться вексельным правом³¹. Мещане в 1824 г. получили право «по промыслам своим брать и давать векселя на общем основании»³².

В 1824 г. маклером г. Казани было зафиксировано 9 кредиторов-татар, из них социальное положение нам удалось установить в отношении 7 человек. Лидирующие позиции в сфере кредитования занимали купцы (4 человека) и купеческий сын (1), затем – мещане (1), торговые татары (1). Сумма кредита была от 250 рублей (кредитор – татарин старотатарской слободы г. Казани Бикбов Мухаметов Клоков) до 4000 рублей (купцы Юсуп и Курбангалей Ахмеровы). Факт передачи денег в долг документально оформляли также и жители деревень Казанской губернии: 20 января 1824 г. был оформлен простой вексель на сумму 402 рубля на 4 месяца: ясашный татарин Бимухамет Баширов из д. Елагино Лаишевского уезда Казанской губернии занял деньги у такого же ясашного татарина д. Нижний Темерлин этого же уезда³³.

Законодательство первой половины XIX века устанавливало предельно допустимую сумму кредитных сделок для различных сословий, за исключением купцов 1-й гильдии, для которых она была неограничена. Купцы 2-й гильдии имели право обязываться векселями на сумму не свыше 50 тысяч рублей, купцы 3-й гильдии – до 20 тысяч рублей, торгующие мещане – до 4 тысяч рублей³⁴.

Среди заемщиков-татар в 1824 г. преобладали лица купеческого звания – из 8 человек 3 купца и 2 купеческих сына, 3 мещанина. Подавляющее большинство из них было зарегистрировано в г.Казани (6 человек), и по одному человеку из Арска и Буинска. Наиболее активными заемщиками были казанский купец 1-й гильдии Муса Измайлов Апанаев, оформивший 4 векселя на общую сумму 42000 рублей на срок 12 месяцев и один вексель на 20000 рублей со сроком погашения 4 месяца, казанский купец 2-й гильдии Муса Мухаметов

---

³⁰ ПСЗ–1. – Т.XV. – №11204. – С.649–650.

³¹ ПСЗ–1. – Т.XXXII. – №25731. – С.1085.

³² ПСЗ–1. – Т.XXXIX. – №30115. – С.601.

³³ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.1232. Л.2 об.

³⁴ ПСЗ–1. – Т.XXXIX. – №30115. – С.589–591.

Якупов (общая сумма вексельного долга составляла 32150 рублей), казанский купеческий сын Муртаза Мусич Апанаев (8946,69), арский купец Усман Сулейманович Хозясеитов (6730,60)³⁵. Несмотря на то, что в законодательстве не было установлено требования при оформлении векселей приглашать свидетелей или поручителей, в случаях, когда заемщиками выступали мещане или лица, не имеющие купеческого звания, к маклеру приглашались поручители. Так, например, поручителем буинского мещанина Азея Хамитова выступила его жена Зелипа Хамитова, поручителем казанской мещанской жены Прасковьи Евлампиевой – казанский мещанин Мустафа Мусин, мещанской жены Марьи Степановны Софроновой – казанский купец Филипп Степанович Рукавишников.

Всего с участием татарских коммерсантов было оформлено 23 простых векселя, что составляло 33% (то есть треть) от общего количества векселей, оформленных у казанского маклера в 1824 г.³⁶

Со временем трансфертная, расчетно-платежная, клиринговая функции векселя дополнились кредитной функцией. Связано это было с тем, что еще в XVIII веке торговая отрасль, в рамках которой формировалось вексельное обращение, наполнив рынок товарами, в том числе импортными, не могла более развиваться, не обеспечив инвестирование в промышленность. А само производство нуждалось в кредите, для обеспечения финансирования сырья, оплаты труда наемных работников, бесперебойной работы предприятия. Поэтому кредитная функция векселя появляется в момент зарождения промышленного сектора³⁷.

Доход от выдачи кредита, согласно законодательству 1786 г., не мог превышать 5% от выданной суммы³⁸, а с 1808 г. – 6%³⁹. Данная процентная ставка была установлена как для банков, так и для частных лиц, занимавшихся кредитованием. Однако в простых векселях никогда не указывалась процентная ставка по кредиту, вместо этого делалась надпись «указные проценты», под которыми, скорее всего, подразумевались разрешенные правительством 5–6% годовых.

Текст векселя в рассматриваемый период почти всегда был одинаковым и должен был содержать имена векселедавца, переводителя,

---

³⁵ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.1232.

³⁶ Там же.

³⁷ Криничанский К.В. Указ. соч. – С.8.

³⁸ ПСЗ–1. – Т.XXII. – №16407. – С.614.

³⁹ ПСЗ–1. – Т.XXX. – №23317, ст.1. – С.653–654.

акцептователя, надписателя (иными словами, наименование того, кому или по приказу кого должен быть совершен платеж, наименование плательщика); указание даты составления векселя и срок, по истечении которого векселедатель должен был уплатить известную сумму с процентами. В некоторых случаях в векселях можно было не указывать сроки выплат, вместо этого писали «заплатить по объявлению», то есть в момент предъявления векселя. Данный вексель считался бессрочным. Получить деньги по векселю мог сам кредитор, а также его поверенный: в таком случае на обороте указывалось соответствующее распоряжение владельца векселя и имя человека, которому необходимо было вручить деньги. Необходимо было указать также место составления векселя, место и сумму платежа. Все данные заверялись подписью векселедателя. Вот один из примеров: «Макарья 1812 г. августа 1 числа вексель на 500 рублей. Двенадцать месяцев считаемо от сего тысяча восемьсот двенадцатого года августа первого числа посему моему одинакому векселю повинен я заплатить арскому купцу Букмену Таирову Хозясеитову или от него кому приказано будет получить государственными банковыми ассигнациями пятьсот рублей, ибо я толикую сумму получил сполна»⁴⁰. Вексель сопровождался подписью по-татарски. В данном векселе не было указания на количество процентов по займу, место возврата долга. Такой вексель по типу был близок к обыкновенной расписке. В законодательстве подобные векселя назывались «беспроцентными».

Саму выдачу векселя рекомендовалось производить в присутствии присяжных маклеров. В Национальном архиве РТ сохранилась специальная книга, выданная казанским городовым магистратом присяжному маклеру Ивану Варнавину «На записку векселей и заемных писем» за 1824 г. Пошлина за оформление векселя у маклера определялась размером кредита и стоимостью гербовой бумаги, претерпевавшей изменения на протяжении первой половины XIX века: например, при сумме вексельного долга в 500 рублей в 1812 г. стоимость гербовой бумаги составляла 2 рубля, при сумме от 1001 до 3000 рублей – 6 рублей, от 25001 до 30000 рублей – 40 рублей⁴¹. В 1830 г. цена на гербовую бумагу была уменьшена и составила для всех актов на сумму до 500 рублей 1 рубль⁴². 25 августа 1845 г. на

---

⁴⁰ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.22. Л.248.

⁴¹ ПСЗ–1. – Т.XXXII. – №24992. – С.188.

⁴² ПСЗ–2. – Т.V. – №3700. – С.498.

Нижегородской ярмарке кредит в сумме 1300 рублей товарами был выдан почетными гражданами, купцами 1-й гильдии Мухаметом Мусичем Апанаевым с братьями казанскому купеческому сыну Степану Максимовичу Тушнову⁴³. Стоимость гербовой бумаги, на которой писали вексель и заверяли у маклера, по-прежнему зависела от суммы кредита и составляла: для векселей от 151 до 300 рублей – 90 копеек серебром, от 500 до 1000 рублей – 3 рубля⁴⁴.

Одной из разновидностей векселя принято считать переводной вексель. Переводные векселя использовались купечеством при оплате таможенных пошлин во время торговли в Кяхте. В залог принималась полная сумма векселя, недвижимые имущества, по правилам, распространенным для залогов, закладов имущества. Законодательно разрешалось предоставлять на таможне в оплату вместо пошлины векселя на сумму не свыше 50 тысяч рублей. Если сумма превышала 50 тысяч рублей, купец мог оставить в залог товар. Для использования возможности отсрочить платеж пошлины⁴⁵, необходимо было предоставить на таможне аттестат, выданный магистратом, ратушей или городской думой под ответственность надежных поручителей, бравших на себя обязательство оплатить пошлину, если купец окажется несостоятельным. Если в аттестате не была прописана подобная ответственность, то кяхтинская таможня могла оставить у себя 1/3 часть чаев либо других товаров русского или иностранного происхождения (металлы, сукна, юфть, зеркала, сайгачьи рога и др.)⁴⁶. За предоставление отсрочки в платеже пошлин таможня взимала 6% годовых⁴⁷.

---

⁴³ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.783. Л.64.

⁴⁴ Там же. – Л.76.

⁴⁵ Отсрочка уплаты пошлины предоставлялась на срок до 18 месяцев (с требованием уплаты 1/2 части от суммы пошлины в течение 9 месяцев) в связи с особым характером торговли на Кяхте: купцам запрещалась торговля за деньги, разрешалась лишь меновая без права передачи или приема товара в долг. Длительное время купцы тратили на провоз своего товара для мены в этот отдаленный пункт, а затем вывоза китайского товара для последующей продажи на Нижегородской ярмарке. См.: ПСЗ–1. – Т.XXXIX. – №29751. – С.36.

⁴⁶ Постановления и распоряжения правительства. О порядке обеспечения казны в пошлинах, переводимых по векселям, выдаваемым купечеством на Кяхте // Журнал мануфактур и торговли. – 1839. – №10. – С.10–16.

⁴⁷ ПСЗ–1. – Т.ХII. – №10537. – С.741.

В 1820 г. Казанская татарская ратуша приняла решение о выдаче купцам 1-й гильдии Губейдулле и Мустафе Суеровым аттестата для отсрочки платежа пошлин за «отправленные и ныне к отправлению заготовленных ими в Кяхту для промену за китайскую границу российских, немецких и азиатских товаров...»⁴⁸. Поручителями были казанские 1-й гильдии купцы Муса Апанаев, Абдулкарим Юнусов и Башир Аитов, отвечавшие за уплату пошлины своей собственностью.

В 1830 г. купец 1-й гильдии Губейдулла Мухаметрахимов Юнусов и 3-й гильдии Иван Николаевич Котелов согласились стать поручителями купца 1-й гильдии Петра Ивановича Котелова, который должен был заплатить пошлину в размере 50 тысяч рублей за «вымененный российский, немецкий и азиатский товар» на Кяхтинской таможене, но просил отсрочки платежа и уплаты его в Москве. В казанской городской думе, в присутствии трех гласных, городского головы, поручители поставили подписи (Г.Юнусов расписался по-татарски) на прошении в знак доверия купцу. Городская дума, в свою очередь, запросила сведения об имущественной состоятельности доверителей в казанский городской магистрат, сиротский суд, казанскую татарскую ратушу и полицию. Прошение купца было удовлетворено⁴⁹.

Географическая удаленность торговых пунктов не способствовала существованию переводного векселя – плательщик по векселю должен был его акцептовать (согласиться на уплату денег), а в случае его отказа вексель должен был отправиться обратно к векселедателю, что требовало времени и хорошей дорожной сети.

Законодательством были предусмотрены определенные штрафные санкции за просрочку уплаты долга по векселям. Так, Вексельным уставом 1729 года была предусмотрена финансовая ответственность векселедавца: «От момента дачи векселя до того числа, когда он протестован, нестойку брать, считая по 8% со ста со всей написанной в векселе суммы, затем, упуская месяц после протеста в неплатеже, на незаплаченную сумму на каждый вперед месяц по 1,5%»⁵⁰. Это означало выплату 18% годовых. Из них указанные 8% с 1763 по 1768 гг. отчисляли в казну⁵¹. С 1832 г., в случае неуплаты долга в срок, взималось 0,5% в месяц от суммы долга, считая со дня

---

⁴⁸ НА РТ. Ф.22. Оп.1. Д.64. Л.206об.–207.

⁴⁹ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.813. Л.11об.–13.

⁵⁰ ПСЗ–1. – Т.VIII. – №5410. – С.171.

⁵¹ ПСЗ–1. – Т.XVI. – №11988, ст.5. – С.460; Т.XVIII. – №13197. – С.768.

просрочки. При представлении векселя к взысканию через органы власти взималась также дополнительно сумма издержек на протест, гербовую бумагу, наем стряпчего. В пользу полиции взималось 2% с капитала, в пользу суда – 4% одновременно⁵².

Согласно законодательству, неоплаченные векселя дворян, чиновников или купцов необходимо было показать нотариусу или маклеру, либо явить в присутственное место в течение одного года. В случае пропуска данного срока вексель подлежал уничтожению⁵³. Купцы обращались в таком случае к публичному нотариусу, который искал должника и предъявлял к нему требование уплатить долг. За свои услуги, независимо от результата, нотариус брал с кредиторов по 0,5% с каждого рубля задолженности и направлял их в доход города.

Взыскание по векселям представляло в тот период определенные сложности – должник пропадал, а кредиторы искали его по всем ярмаркам. В Национальном архиве РТ сохранились разные судебные дела по неоплаченным векселям. Одно из них – исковое прошение почетных граждан, казанских 1-й гильдии купцов Ибрагима и Исхака Губайдуллиных, братьев Юнусовых⁵⁴. В 1845 г. они 5 раз выдавали кредит на различные сроки (12, 24, 36, 48, 60 месяцев): 3 раза по 1400 рублей и 2 – по 1500 рублей казанскому купеческому сыну Степану Максимовичу Тушнову, торговавшему по доверенности своей матери. В том же году на Нижегородской ярмарке он взял товар у Санкт-Петербургского купца Семена Елисеевича Козлова на 6 месяцев и 20 дней в размере 686 рублей (в пересчете на серебро)⁵⁵. С.Козлов передал вексель малмыжскому 1-й гильдии купцу, почетному гражданину Ахметшаху Абдуловичу Утямышеву, и тот, как новый владелец ценной бумаги, стал искать должника⁵⁶.

По поручению Утямышева местный нотариус Григорий Овчинников безуспешно искал Тушнова в Ирбите, о чем в деле представлены доказательства – приложение подписи свидетелей с ярмарки –

---

⁵² ПСЗ–2. – Т. VII. – №5462. – С.417–418.

⁵³ ПСЗ–1. – Т. XXXII. – №25341. – С.535.

⁵⁴ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.783. Л.1.

⁵⁵ Там же. – Л.11.

⁵⁶ Обращает на себя внимание тот факт, что вексель использовался также в качестве самостоятельной ценной бумаги, им можно было торговать, передавать или продавать другому участнику коммерческих сделок. В «Вексельном уставе» 1729 г. они назывались «надписатели», так как делали в векселе пометку о смене векселедателя.

ирбитского мещанина Василия Ипитова, тюменской округи крестьянина Александра Словина. В тот же год (1846) векселедателя искали и на Нижегородской ярмарке: нотариус Петр Голубев ходил по ярмарке с подлинным векселем, чтобы предъявить должнику, но не нашел его и вернул как вексель, так и «протест» купцу, взяв с него 64 копейки (сумма долга составляла 128 рублей 57 копеек)⁵⁷.

Если денег у должника не оказывалось, или результаты поиска были отрицательными, то кредиторы обращались в полицию. Специально оформленной повесткой должника вызывали «по касающейся надобности» в полицию. На обороте листа повестки делали надпись о том, что должник или его доверитель слышали о необходимости прийти в участок. Полицейским служителям приходилось несколько раз приходиться к дому векселедавца, чтобы застать его или, как в случае с Тушновым, доверителя. Когда же никто не являлся в полицию, то в дом должника приходили ратман, квартальный надзиратель, кредитор (по желанию) и делали осмотр всего имущества, чтобы сохранить его и, в случае необходимости, продать за долги.

Иногда купцы-кредиторы шли навстречу должнику и «прощали» ему проценты по кредиту, с обязательным условием вернуть сам долг, но суть такой сделки не вполне ясна с точки зрения коммерческой выгоды. Так, проценты были «прощены» Тушнову казанским 1-й гильдии купцом Мухаметом Мусичем Апанаевым в 1847 г.⁵⁸

Причину подобного поведения купцов необходимо искать в законодательных актах – до издания в 1849 году высочайше утвержденного мнения Государственного Совета, в случаях, когда сумма долга сравнивалась с суммой процентов по нему, рост процентов пресекался⁵⁹. В 1849 году было разрешено начислять проценты без всякого ограничения, даже если они сравнивались с суммой долгового капитала⁶⁰. В случае невыплаты вексельного долга имущество должника распродавалось, а если его было недостаточно для погашения долга, то должника по просьбе истца могли посадить под стражу – за долг в 100 рублей – на 2 месяца, от 100 до 250 рублей – на 4 месяца, от 250 до 500 рублей – 6 месяцев, от 500 до 1000 рублей – на один год, от 1000 до 5000 рублей – на два года. Все это время истец (заимодавец) должен был отдавать за месяц вперед кормовые

---

⁵⁷ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.783. Л.64.

⁵⁸ Там же. – Л.76.

⁵⁹ ПСЗ–1. – Т. XXVI. – №19692. – С.465.

⁶⁰ ПСЗ–2. – Т. XXIV. – №23112. – С.168–169.

деньги за своего должника, иначе содержание под стражей прекращалось⁶¹. Подобная мера пресечения, изымая значительные капиталы из торгового оборота, была крайне невыгодной для коммерсантов. Поэтому обычной практикой была отсрочка выплаты долга.

В 1854 г. вышло высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О взыскании процентов по долговым обязательствам»⁶². Устанавливая 6% рост с капитала в год, правительство запрещало брать дополнительные проценты с неуплаченных в срок процентов. В случае обоюдного согласия сумма неуплаченных процентов оформлялась отдельным заемным обязательством. За неустойку полагалось заплатить единовременно 3% с незаплаченного капитала, и еще сумму из расчета 6% годовых с момента просрочки до дня платежа.

В рассматриваемый период купцы Российской империи могли брать кредит не только у частных лиц, но также в государственном заемном банке, сохранной казне воспитательных домов под залог недвижимых имений. Часть ссуды предписывалось выдавать кредитными билетами. Кредитные билеты имели право хождения по всей Российской империи наравне с серебряной монетой. Однако единовременно можно было обменять на серебро не более 100 рублей. Процентная ставка за ссуду кредитными билетами составляла 5%, из которых 1% разрешалось тратить по усмотрению кредитной организации, а оставшиеся 4% использовались исключительно для приращения фонда⁶³. В 1841 г. были открыты сберегательные кассы при сохранных казнах воспитательных домов, в которых была установлена ставка 4% годовых. Однако сумма вкладов от одного лица не могла превышать 300 рублей серебром, что было невыгодно для крупных вкладчиков⁶⁴.

С открытием 2 января 1848 года Казанского общественного банка (первого банка города) возможности кредитования и пользования вексельным правом для купцов были значительно расширены, также как увеличилась возможность удачно сбыть продукцию собственного производства или покупной товар. Казанский общественный банк

---

⁶¹ ПСЗ–2. – Т. VII. – №5462. – С.417–418.

⁶² ПСЗ–2. – Т. XXIX. – №28398. – С.682–683.

⁶³ Постановления и распоряжения правительства. Об учреждении кредитных билетов // Журнал мануфактур и торговли. – 1841. – №7. – С.1–7.

⁶⁴ Постановления и распоряжения правительства. Об учреждениях сберегательных касс // Журнал мануфактур и торговли. – 1841. – №11. – С.161–172.

был учрежден с целью «производством ссуд доставить местным гражданам вспомоществование в торговых их оборотах, а на получаемые от того проценты содержать Дом призрения неимущих, престарелых граждан»⁶⁵. Банк выполнял три основные операции: прием вкладов, учет векселей и производство ссуд под залог движимого и недвижимого имущества⁶⁶.

Банк принимал векселя только от купцов и мещан Казани и губернии, производивших торговлю, имевших недвижимую собственность, или содержавших заводы или фабрики, и выдавал кредит. Векселя, принимаемые к учету, должны были соответствовать определенным требованиям: иметь законную форму, быть сроком не более 12 и не менее 1 месяца, суммой не выше 1500 рублей серебром. Банк был обязан следить за тем, чтобы кредит участвующих в вексельном долге лиц, т.е. как предьявителя, так и векселедателя в совокупности не превышал следующих размеров: для купцов 1-й гильдии 4000 рублей, 2-й гильдии – 3000 рублей, 3-й гильдии – 2000 рублей, и для мещан 500 рублей серебром.

При выдаче денег по векселю банк вычитал из выдаваемой суммы 0,5% за каждый месяц, остающийся до срока погашения, а также предлагал сделать пожертвование в пользу Дома призрения. В случае согласия клиента, в специальную прошнурованную книгу записывалась сумма пожертвования.

Казанские жители всех сословий имели право получать кредит под залог своих мануфактур. Для этого необходимо было предьявить купчую крепость и свидетельство казанского городского магистрата по форме, специально изданной для кредитных учреждений. Затем присяжные оценщики в письменной форме должны были уведомить банк о стоимости имущества. Банк выдавал только половину от суммы оценки. В момент открытия банка, то есть в 1848 году, максимально возможный кредит под залог недвижимого имущества мог составлять 2000 рублей серебром. Срок кредита не мог превышать

---

⁶⁵ Положение об общественном банке в г.Казани // Журнал мануфактур и торговли. – 1847. – №7. – С.13–34.

⁶⁶ Вклады принимались в размере не менее 10 рублей серебром от частных лиц и 30 рублей – от казенных мест, процентная ставка составляла 4 % в год (при сроке вклада не менее года). При истребовании денег раньше этого срока проценты не выплачивались. Существовали определенные правила при истребовании денег: сумма менее 10 тысяч рублей могла быть выдана в течение 7 дней, свыше – в течение месяца.

3-х лет, причем проценты за первый год (6% годовых) взимались сразу же при выдаче кредита, а остальные заемщик был обязан вносить за каждый год вперед. Казенная палата гражданского суда делала распоряжение о запрете на продажу заложенного имущества. Кредит выдавали и под залог драгоценностей (золотых, серебряных, жемчужных вещей, свинца, поташа, шадрика, железа, меди). Эти вещи также подвергали оценке, и банк выдавал ссуду, равную половине их стоимости, на срок 6 или 8 месяцев под 0,5% за каждый месяц. Громоздкие вещи, которые нельзя было разместить в кладовой банка, заемщик мог хранить у себя в кладовых, перевезти в гостинный двор или амбар (аренда помещения и перевоз за собственный счет). Несмотря на то, что вещи были заложены, и на дверях склада должны были стоять замки и печати банка, все же хозяину разрешалось их продать, но перед передачей покупателю обязательно уплатить банку всю ссуду. По истечении срока платежа можно было перезаложить вещи в течение одного месяца и заплатить банку проценты за просрочку и проценты за следующий период кредитования.

В первый год открытия банка поступило вкладов 101001 рублей 7 копеек, учтено векселей на 97940 рублей 79 копеек и выдано ссуды под залог каменных строений 13094 рублей 57 копеек. Учетный процент по кредиту составлял 6%, по вкладам –4%, а с 1858 г. –3%⁶⁷. В 1849 г. было учтено векселей на сумму 91700 рублей, в 1859 г. – 604200 рублей, в 1869 г. –2238200 рублей⁶⁸.

В 1851 г. общественные банки должны были работать в новых условиях: для выдаваемых на срок менее года кредитов устанавливалась 6%-ная ставка, а для остальных – 5%⁶⁹. Лишь только 26 июня 1861 года городским банкам было разрешено самим определять проценты как по вкладам, так и по ссудам, с требованием предупредить за месяц своих клиентов⁷⁰.

Отныне, отдав на ярмарке товар за вексель, купец не ждал срока, указанного для погашения векселя, а в ближайшие дни отправлялся

---

⁶⁷ Из «Отчета о деятельности Казанского городского общественного банка за пятьдесят лет с 1848 по 1898 год» // История Казани в документах и материалах. XIX век: Промышленность, торговля, финансы / под ред. И.К. Загидуллина. – Казань: Магариф, 2005. – С.352–364.

⁶⁸ Операции Казанского городского общественного банка в 40–90-е годы XIX в. // Там же. – С.380–381.

⁶⁹ ПСЗ–2. – Т.XXXIII. – №33116. – С.574.

⁷⁰ ПСЗ–2. – Т.XXXVI. – №37150. – С.995–996.

в банк и получал сумму, указанную в этой ценной бумаге. Векселедавец становился должником не купца, а банка. В 1848 году таких коммерсантов насчитывалось 76⁷¹, в 1855 г. – уже 562 человека⁷².

В 1848 году лишь один татарский 3-й гильдии купец Хусаин Юсупович Чукин воспользовался правом продать вексель своего должника стоимостью 2000 рублей банку. Должник – казанский купец Измаил Юсупов – взял товар на указанную сумму 20 января 1848 г., а через год должен был заплатить серебром, но в этот же день вексель был продан в банк за 2000 рублей серебром⁷³.

В 1855 г. среди заемщиков банка было 30 татарских коммерсантов (5% от общего числа заемщиков), установить социальный статус удалось в отношении 29 человек – среди них 26 купцов (3-й гильдии – 21 человек, или 81%, 2-й гильдии – 1 человек, или 4%, гильдейская принадлежность 4-х купцов не установлена), 2 купеческих сына, 1 мещанин. Подавляющее большинство заемщиков банка (27 человек, или 90%) было из Казани, 1 – из Арска (3%) и Свияжска⁷⁴.

Основным видом гарантии уплаты долга были векселя, ставшие объектом спекуляции. По этой причине векселедавцы нередко оказывались в списках должников банка. Казанский купец Гаврила Чепарин отдал банку векселя своих должников – казанских купцов, братьев Измаила Бикбова и Якупа Бикбова Чикреевых. Вся процедура получения денег в банке в обмен на векселя занимала всего сутки. Так, например, получив заявку на проведение операции обмена 25 октября, банковские работники совещались 26 октября, и, приняв положительное решение, тут же выдали деньги в размере, соответствующем сумме, указанной в векселе. Отсчет процентного роста начался с 25 октября⁷⁵.

Купечеством Казани был найден интересный способ получения банковского кредита без фактического залога имущества. Согласно Положению об общественном банке Казани, запрещалось принимать к учету обоюдные векселя, то есть данные взаимно двумя лицами в одно и то же время⁷⁶. Однако архивные источники свидетельствуют,

---

⁷¹ НА РТ. Ф.144. Оп.1. Д.5.

⁷² НА РТ. Ф.144. Оп.1. Д.18.

⁷³ НА РТ. Ф.144. Оп.1. Д.5. Л.2об.–3.

⁷⁴ НА РТ. Ф.144. Оп.1. Д.18. Л.1об.–129.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ ПСЗ–2. – Т.ХХII. – №21160. – С.389.

что данная мера на практике не соблюдалась: купцы писали друг на друга векселя на одну и ту же сумму, со сроком погашения в один и тот же день, и получали в банке кредит. Так, взаимно окредитовали друг друга на сумму 4000 рублей казанский 3-й гильдии купец Муса Шатунов и казанский купец Мухамет Арсаев. Срок погашения вексельного долга у обоих должен был наступить 25 мая 1857 г. Взаимные векселя с 1855 по 1860 г. выдали 23 татарских коммерсанта из 30 (то есть 77%)⁷⁷. Целью юридического оформления фактически несуществующего долга, с нашей точки зрения, было получение кредита в банке для осуществления торгово-промышленной деятельности.

Купец, получивший в обмен на векселя ссуду от банка обязан был предупредить векселедателя, своего должника, что отныне он – должник банка. В случае желаня погасить долг заранее, уплаченные вперед проценты клиенту не возвращались.

Предъявитель векселя мог заблаговременно рассчитаться с банком и забрать вексель, чтобы самому взыскать с векселедателя необходимую сумму. Второй вариант развития ситуации – банк разыскивал векселедателей и применял к ним допустимые законом меры. Для возврата долга был установлен определенный срок – 10 льготных дней (дни «грации», как их называли). По истечении этого срока вексель протестовали у нотариуса или маклера, обращались в ратушу или магистрат с целью опечатать движимое имущество должника, либо наложить на имение секвестр (арест). После истечения двухнедельного срока секвестрованное имущество продавалось с аукционного торга, и сумма долга отдавалась банку. Банку предписывалось иметь специально для записи таких должников «черную книгу», с целью не допустить в дальнейшем их кредитования.

Однако помимо векселей существовал еще один вид ценной бумаги – заемное письмо, также выполнявшее кредитную функцию. Вексель обладал преимуществом перед средневековым заемным письмом – для его составления не требовались свидетели и регистрация, вексель характеризовался быстротой взыскания вексельного долга, применением строгих мер к вексельному должнику, распространявшихся на его имущество и личность. Заемные письма применялись наряду с векселями, но вексель обладал наибольшей строгостью⁷⁸.

---

⁷⁷ НА РТ. Ф.144. Оп.1. Д.18. Л.1об., 116 об.

⁷⁸ Мейер Д.И. Очерк русского вексельного права: чтения Д.И. Мейера в Казанском университете. – Казань: Университетская типография. – 1857. – С.21.

В маклерской книге с копиями векселей и заемных писем г. Казани на 1824 год зафиксировано 167 фактов взятия кредита, из них – 69 векселей (41,3%) и 98 заемных писем (58,6%). Из общего количества заемных писем 29 (то есть почти треть) была написана татарскими коммерсантами, бравшими долг у разных кредиторов. В 19 случаях татарские коммерсанты сами выступали в качестве кредиторов⁷⁹.

Вот типичный текст такого заемного письма: «Я, нижеподписавшийся мамадышский купец Хамит Бакиров сын Уразов[а], занял у господина коллежского асессора Павла Самсонова Волкова денег указною российской монетою 1000 рублей за указные проценты сроком впредь на 13 месяцев, то есть будущего 1825 г. февраля по пятое число, на которое и должен всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то волен он, господин Волков, просить о взыскании и поступлении по законам; заемного письма датель мамадышский купец Хамит Бакиров сын Уразов»⁸⁰.

Обращает на себя внимание следующая особенность заключения вексельных сделок между предпринимателями разной этноконфессиональной принадлежности: коммерсанты-татары при взятии денег в долг предпочитали обращаться к русским купцам (13 векселей из 18, то есть 72%) или грекам (2 векселя, или 11%), и только 3 векселя (17%) свидетельствуют о коммерческой связи между татарскими предпринимателями. Русские предприниматели, наоборот, брали кредит преимущественно у своих единоверцев (лишь 4 из общего количества векселей (69) свидетельствует о том, что кредиторами русских выступали татары, т.е. 6%)⁸¹.

Иначе обстояло дело с заемными письмами: татары-мусульмане выступали заемщиками у своих единоверцев в 14 письмах из 29 (48%), у русских – в 12 (41%), у бухарских купцов – в 3-х (10%); активно кредитовали своих единоверцев (14 из 19 заемных писем, или 74%), русских (4, или 21%), чуваш (5%). Связана данная особенность, на наш взгляд, со степенью доверия сторон друг к другу, ментальными особенностями каждой этноконфессиональной группы. Заемное письмо рассматривалось коммерсантами и властью как «домашний» акт, к которому не применялись меры вексельной строгости, а потому оформляли его в том случае, если была твердая уверенность в заемщике.

---

⁷⁹ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.1232. Л.1–26.

⁸⁰ Там же. – Л.1.

⁸¹ Там же.

Согласно архивным источникам (маклерским книгам), займ осуществлялся чаще всего указной российской ходячей монетой (65%), примерно одна треть (29%) – государственными ассигнациями, и только 6% – серебром. Займ с оформлением заемного письма предусматривал отдачу долга той же монетой. Сроки займа были различными – от 2 месяцев до 4 лет. Наиболее распространенным сроком займа среди татарских коммерсантов было 12 месяцев (24% заемщиков брали кредит на такой срок), 11 месяцев (15%), 4 месяца (12%)⁸².

Для судебных тяжб по заемным письмам был необходим оригинал. Копии с заемных писем, сделанные в маклерских книгах, не признавались. Основанием для иска не могло быть даже отсутствие в книге специальной записи о возврате должником долга, поскольку обязанности немедленно являться к маклеру при погашении долга и фиксировать это у кредитуемого не было. Существовал десятилетний срок исковой давности по заемным письмам и всем обязательствам⁸³. Согласно Уставу о банкротях, он определялся со дня написания заемного письма, а в постановлениях Государственного Совета от 5 декабря 1821 года и Сената от 21 июля 1825 г. – со дня, когда требовалось погасить долг. Согласно данным маклерской книги за 1824 г., 25 из 29 заемных писем (86%) возвращено татарским коммерсантам-заемщикам (что свидетельствовало о возврате ими долга), 2 – возвращено кредитору для дальнейшего протеста (7%), об остальных 2-х нет сведений. Из 18 векселей, которые оформили татарские коммерсанты, обратно им было возвращено 16 (89%), о 2-х других нет сведений⁸⁴. Это свидетельствует о высокой степени ответственности купцов, надежности вексельных сделок.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать ряд выводов:

1. Вексельное право использовались татарским купечеством для избежания рисков, связанных с отсутствием покупательской способности приезжавших на ярмарку торговцев и позволяло уменьшить долю непроданных товаров, что было крайне важно для развития промышленности;

2. Векселя становились самостоятельной торговой единицей, объектом купли-продажи, а выплачиваемые по ним проценты позво-

---

⁸² Там же.

⁸³ ПСЗ–1. – Т. XL. – №30429. – С.384.

⁸⁴ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.1232. Л.1–26.

ляли успешно вести торгово-промышленную деятельность, покупать товары в долг. Это позволило многим начинающим торговцам стать купцами;

3. Татарские коммерсанты занимали в системе ростовщичества свою нишу, активно пользуясь вексельным правом;

4. Вексельное право сопровождалось определенными рисками, связанными с исчезновением должника и невозвратом долга, но купцы активно им пользовались;

5. Казанское купечество, приспосабливаясь к изменениям, происходящим в кредитной и банковской сфере, выработали особый механизм пользования векселями.

Источники и литература

1. Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка – карман России: Учебно-методическое пособие. – Н.Новгород: ННГУ, 2008. –133 с.

2. Виденева А.Е., Грудцына Н.В. «Мир и клир»: ростовское духовенство на Ростовской ярмарке // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – №1. – С.10–16.

3. Вексель и вексельное обращение в России: Практическая энциклопедия / Волохов А.В., Ефимова Л.Г., Ильин В.В. и др.; науч. ред. Б.А.Жалнинский; сост.: А.Г.Морозов, Д.А.Равкин. 3-е изд. – М.: Концерн «Банковский деловой центр», 1997. – 294 с.

4. Из «Отчета о деятельности Казанского городского общественного банка за пятьдесят лет с 1848 по 1898 год» // История Казани в документах и материалах. XIX век: Промышленность, торговля, финансы / Под ред. И.К. Загидуллина. – Казань: Магариф, 2005. – С.352–364.

5. История развития вексельного обращения // Вексельное право. Общие положения и юридический комментарий / Ильин В.В., Макеев А.В., Павлодский Е.А. – М.: Концерн «Банковский деловой центр», 1997. – С.12–27.

6. Криничанский К.В. Эволюция коммерческих ценных бумаг. Функциональный аспект // Журнал экономической теории. – 2009. –№2. – С. 188–200.

7. Мейер Д.И. Очерк русского вексельного права: чтения Д.И.Мейера в Казанском университете. – Казань: Университетская типография, 1857. – С.21.

8. Мельников С. Прасолы и косники в г. Чистополе и его уезде // Журнал Министерства внутренних дел. – 1857. – Ч.23. – Кн.3. – С.16–20.

9. НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.22.

10. НА РТ. Ф.22. Оп.1. Д.64.

11. НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.783.

12. НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.1232.

13. НА РТ. Ф.144. Оп.1. Д.5.

14. НА РТ. Ф.144. Оп.1. Д.18.
15. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.813.
16. Операции Казанского городского общественного банка в 40–90-е годы XIX в. // История Казани в документах и материалах. XIX век: Промышленность, торговля, финансы / Под ред. И.К. Загидуллина. – Казань: Магариф, 2005. – С.380–381.
17. Остроухов П.А. Нижегородская ярмарка в 1817–1867 гг. // Исторические записки. – 1972. – №90. – С.209–243.
18. ПСЗ–1. – Т.VIII. – №5410. – С.148, 171.
19. ПСЗ–1. – Т.IX. – №6563. – С.299.
20. ПСЗ–1. – Т.XII. – №10537. – С.741.
21. ПСЗ–1. – Т.XV. – №11204. – С. 649–650.
22. ПСЗ–1. – Т.XVI. – №11988, ст.5. – С.460.
23. ПСЗ–1. – Т.XVIII. – №13197. – С.768.
24. ПСЗ–1. – Т.XXII. – №16407. – С.614.
25. ПСЗ–1. – Т.XXVI. – №19692. – С.461, 465.
26. ПСЗ–1. – Т.XXX. – №23317, ст.1. – С.653–654.
27. ПСЗ–1. – Т.XXXII. – №24992. – С.188.
28. ПСЗ–1. – Т.XXXII. – №25341. – С.535.
29. ПСЗ–1. – Т.XXXII. – №25731. – С.1085.
30. ПСЗ–1. – Т.XXXIX. – №30115. – С.589–591, 601.
31. ПСЗ–1. – Т.XL. – №30429. – С.384.
32. ПСЗ–2. – Т.V. – №3700. – С.498.
33. ПСЗ–2. – Т.VII. – №5462. – С.405–420.
34. ПСЗ–2. – Т.XXII. – №21160. – С.389.
35. ПСЗ–2. – Т.XXIV. – №23112. – С.168–169.
36. ПСЗ–2. – Т.XXIX. – №28398. – С.682–683.
37. ПСЗ–2. – Т.XXXIII. – №33116. – С.574.
38. ПСЗ–2. – Т.XXXVI. – №37150. – С.995–996.
39. Постановления и распоряжения правительства. О порядке обеспечения казны в пошлинах, переводимых по векселям, выдаваемым купечеством на Кяхте // Журнал мануфактур и торговли. – 1839. – №10. – С.10–16.
40. Постановления и распоряжения правительства. Об учреждении кредитных билетов // Журнал мануфактур и торговли. – 1841. – №7. – С.1–7.
41. Постановления и распоряжения правительства. Об учреждениях сберегательных касс // Журнал мануфактур и торговли. – 1841. – №11. – С.161–172.
42. Положение об общественном банке в г. Казани // Журнал мануфактур и торговли. – 1847. – №7. – С.13–34.
43. Свердлова Л.М. Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XX в.) / Л.М.Свердлова. – Казань: Татарское книжное издательство, 2011. – 319 с.

44. Соколов А.В. Особенности формирования вексельного права в России // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. Научно-теоретический журнал. – 2012. – №1. – С.176–180.

45. Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань: Татарское книжное издательство, 1977. – 328 с.

46. ЦАНО. Ф.489. Оп.286. Д.13, 14, 15, 48, 116, 169, 280, 378.

Н.А. Кореева

XIX гасырның беренче яртысында татар эшмәкәрләре эшчәнлегендә вексель хокукы таралуы

Мәкаләдә сүздә арадашчыларының китапларын анализлау нигезендә сүздә мөнәсәбәтләренен үсешенә вексельләренен йогынтысы күрсәтелә. Татар сүздәгәрләре Түбән Новгород ярминкәсендә кредит ысулын киң кулланганнар һәм вексель хокукы аларның сатуларында күпмедер дәрәжәдә куркынычсызлык биргән, чөнки ул хокук нигезендә сатылмаган айберләп өлеше киметелгән, шулай ук сатып алуучыларның эзлегә дә компенсацияләнгән. Сатып алуда вексельләрен куллану сүздәгәрләргә эшчәнлекләрен киңәйтәп жибәрергә дә ярдәм иткән.

Ачкыч сүзләр: вексель хокукы, кредит, вексель, татар сүздәгәрләре, кредит хаты, заем хаты.

N.A. Koreeva

The implementation of the right of the bill among the Tatar entrepreneurs in the first half of the XIX century

The effect of the bill on the trade and trade relations based on the studying of the brokerage books with copies of the bills and the loan letters is examined in the article. Tatar merchants actively used the credit at the Nizhny Novgorod Fair. The right of the bill was used by Tatar merchants to avoid the risks associated with the lack of the buying activity of the traders who have arrived to the fair, and it can reduce the proportion of unsold goods, which were extremely important for the development of the industry. Using of the bills and the loan letters has allowed somebody to reduce the loss of unsold goods and to invest in the expansion of the production.

Keywords: the right of the bill, credit, bill, Tatar merchant, a credit letter, a loan letter.

Кореева Наталья Анатольевна – соискатель отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ; e-mail: KoreevaNata@mail.ru.

Кореева Наталья Анатолий кызы – ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтының урта гасырлар бүлегенә соискателә.

Koreeva Nataliya Anatolievna – aspirant of the Department of Medieval History of Sh. Marjani Institute of History of AS RT.

Из истории Старой Тетюшской (Карлинской)
и Новой Тетюшской засечных черт
(вторая половина XVI – середина XVII вв.)

Статья посвящена определению места Старой Тетюшской (Карлинской) и Новой Тетюшской засечных черт в системе средневоложских укрепленных линий во второй половине XVI – середине XVII вв., причинам их постройки и топографической локализации, а также их роли в русской колонизации приграничной территории.

Ключевые слова: средневоложские укрепленные линии во второй половине XVI – середине XVII вв., крепость Тетюши, Старая Тетюшская (Карлинская) засечная черта, Новая Тетюшская засечная черта.

История строительства Карлинской или Тетюшской засечной черты не может быть в полной мере освящена без характеристики военно-политической обстановки в Среднем Поволжье во II-ой половине XVI столетия. Для раскрытия этого вопроса необходимо обозначить юго-восточные границы Русского государства в указанный хронологический период, рассмотреть в общих чертах взаимоотношения московского правительства с народами, проживающими на окраинных территориях страны, с кочевавшими в припограничном пространстве племенными образованиями (ногаями и калмыками).

«Засечная черта» – это совокупность оборонительных укреплений, которые представляли собой сильную непрерывную линию различных видов сооружений, применявшихся в Русском государстве во II-ой половине XVI – XVIII вв. с целью защиты окраинных районов от нападения извне и опоры при наступлении, а также колонизации новых земель¹. Более развернутое представление об укрепленной линии мы находим в статье историка В.В. Каргалова: «Засечная черта – это единый, весьма сложный оборонительный комплекс, состоявший из укрепленных городов, лесных и водных преград, специ-

---

¹ Галлямов Р.Ф. Закамская засечная черта и первые русские поселения в Алексеевском крае // Алексеевский район: история и современность. – Казань: «Матбугат йорты», 2000. – С.105; Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. – М.: Типогр. И. Лиснера и Д. Собко, 1916. – С.36.

ально созданных на черте крепостей и укреплений разного вида, которые защищали важнейшие дороги и открытые пространства, удобные для вторжения крымской конницы»².

М.И. Иванин указал задачи, которые преследовались при строительстве засечных черт в Российском государстве в XVI–XVIII вв.:

1) проведение засек через леса, находящиеся на укрепленной линии;

2) создание рвов и земляных валов на речных пересечениях линии;

3) основание в них окопов;

4) заселение опорных пунктов засеки³.

Русское государство с юга не имело четкой границы, к освоенным территориям примыкало слабо заселенное пространство, так называемое «Дикое поле», через которое на Москву приходили ногаи, которые «находились в вассальной зависимости от России»⁴.

Российско-ногайские отношения являлись сложным взаимодействием двух различных культур. Россия для Ногайской Орды была в первую очередь рынком, и только потом источником «подачек». Именно соседство огромного русского рынка определило политическую ориентированность значительной части мангытских аристократов на Россию⁵. Исходя из этого, данные отношения с течением времени претерпевали изменения. На момент строительства Карлинской засечной черты (II-ая половина XVI века) «Москва меняет свою политику по отношению к ногаям и начинает медленно, но систематически продолжать процесс собирания бывших золотоордынских территорий»⁶.

---

² Каргалов В.В. Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI–XVII веках // Военно-исторический журнал, 1986. – №12. – С.61.

³ Иванин М.И. Описание Закамских линий // Вестник Императорского Русского Географического общества. – Ч.1. – СПб.: Типогр. Эдуарда Веймара, 1851. – С.60.

⁴ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1980. – С. 56.

⁵ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – С. 600.

⁶ Каппелер А. Россия – многонациональная Империя: возникновение, история, распад. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С.105.

Главная внешнеполитическая задача Московского правительства на юго-востоке государства со времени правления Ивана IV вплоть до конца XVII в. была направлена на «стремление к максимальному ограничению набегов своевольных степных феодалов на русские окраины, на окончательное подчинение кочевавших здесь ногайцев, а также яицкого казачества, на утверждение влияния России на всем протяжении р. Яик и на Прикаспийском побережье»⁷.

Известный историк В.В. Трепавлов, исходя из многочисленных мнений исследователей, выделяет северную границу Ногайской Орды в XVI веке следующим образом – условная линия от рек Кама или Самара с ее притоком Кинель до реки Белая⁸. Далее В.В.Трепавлов обозначает так называемые «стороны» средней Волги в XVI – начале XVII вв.: Горная и Луговая, а также «стороны» нижней Волги – Крымская и Ногайская. Границей между Горной и Крымской сторонами, с одной стороны, и Луговой и Ногайской – с другой, служила Переволока. Соответственно, безлесное пространство восточнее Волги до реки Яик именовалось Ногайской степью⁹. Иначе говоря, река Волга была естественной границей Ногайских владений. До конца 1570-х гг. крайним северным пределом считалась местность, лежащая еще выше по Волге, чем Самарская Лука – город Казань¹⁰. Таким образом, ногайские улусы вплотную подступали к Казанскому юрту.

В XV – I-ой половине XVI вв. земли на правом берегу Волги, в частности, современного Буинского района РТ, входили в орбиту летних кочевых маршрутов ногаев. Так, до середины XVI в., в районе южнее Тетюш, по реке Имелке, располагались селища и поляны, называвшиеся ногайскими станами, т. е. ногайскими кочевьями¹¹. Можно сделать вывод о том, что район месторасположения крепости Тетюши и ее округи входил в сферу интересов ногаев.

Ногаи переходили через естественную границу с Русским государством, используя так называемые сакмы или шляхи (одна из таких сакм существовала в Заволжье: она шла вдоль левого берега

---

⁷ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1999. – С.80.

⁸ Трепавлов В.В. Указ. соч. – С.459.

⁹ Трепавлов В.В. Указ. соч. – С.461–462.

¹⁰ Трепавлов В.В. Указ. соч. – С.468.

¹¹ Ахметзянов И. Буинские просторы. – Казань: Таткнигоиздат, 2000. – С.39, 41.

р. Волга к Казани¹²). Для набегов использовали также удобные «перевозы» через главную преграду – реку Волга¹³: «И по перевозом на Волге велели есмь ему ж ваших улусов беречи от Белек Булат мирзы с товарищи. И на которых вам перевозех сторожа надобе, и вы б Григорью велели на тех перевозех беречи»¹⁴; «...и на Волге по перевозом велели есмь Ивану Выродкову держати сторожи крепкие...»¹⁵; «А перевозов на Волге гораздо не бережет, з другой стороны приходят воинством да воину чинят»¹⁶. Известны такие «перевозы», как «Лаишев перевоз» (переправа через р. Кама возле поселения Лаишев), «Чаллыев перевоз» (переправа через р. Кама в районе впадения в нее правого притока реки Шумбут, на которой стояла крепость Чаллы)¹⁷, «Чиртыжский перевоз» (очевидно, переправа в районе р. Чертык – камской протоки, впадающей в Волгу ниже Лаишева, где находился Лаишевский перевоз, возможно, Чиртыжский перевоз – это другое название Лаишева)¹⁸ и др.

После падения Казани, ногаи сохраняли территории своих пастбищ, смена власти первоначально не повлияла на маршруты их кочевий¹⁹. Иначе говоря, Нагорная сторона являлась районом тесных контактов местного населения с ногаями. Для Казани естественная граница в лице реки Волга создавала затруднения в осуществлении контроля над данной территорией.

На территории между реками Волга и Яик также кочевали калмыки. Между тем Московское правительство требовало, чтобы этот народ не кочевал на «государевой земле»: «г. Астрахань с прилегающей к ней территорией, р. Волга с городами-крепостями на ней, а

---

¹² Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1980. – С.71.

¹³ Информация приводится на 1560 год.

¹⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – С.165.

¹⁵ Там же. – С.301.

¹⁶ Там же. – С.313.

¹⁷ Там же. – С.226.

¹⁸ Там же. – С.232.

¹⁹ Эдвард Л. Кинан. Московия и Казань: некоторые вводные замечания к модели степной дипломатии. (Перевод И.Л. Измайлова) // Панорама-форум. – 1995. – №1. – С.80.

также земли башкир, включавшие в себя часть р. Яик с ее притоками, т.е. весь Уфимский уезд в пределах XVII в.»²⁰.

В борьбе с ногаями и калмыками Русское государство использовало 2 способа противодействия. Первый из них заключался в создании укрепленных пунктов – городов-крепостей на местах «перевозов» на реках Волга, Кама и Белая. Так, на правом берегу Камы в 1557 году был основан Лаишев, ниже Казани, на правобережье Волги в 1571 году были построены Тетюши, в 1586 году – Самара и др.²¹ Целью строительства этих крепостей является создание преграды на пути вторжений ногаев через Волгу на территорию Русского государства.

Второй путь противодействия являлся более эффективным и масштабным. Царское правительство «создало 2 линии обороны от кочевников, южная, или крымская²², наиболее опасная в связи с постоянными набегами татар, и юго-восточная, или ногайская». Карлинская черта являлась первым построенным элементом «ногайской» засечной линии, укрепленной в Среднем Поволжье после взятия Казани. Она проходила от Тетюш (р. Волга) до Алатыря (р. Сура) и была составной частью черты Темников-Алатырь-Тетюши. Правда, некоторые исследователи считают «Карлинским валом» засечную линию, взявшую свое начало от реки Свияга, проходившую далее по реке Карла и доходившую до реки Сура²³, т.е. крепость Тетюши не была отправной точкой этой засечной черты.

По мнению Е.И. Чернышева, «после крестьянской войны начала XVII в. строительство укрепленных линий стало важной задачей царского правительства, т.к. постройка отдельных городов не обес-

---

²⁰ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1980. – С.57.

²¹ Трепавлов В.В. Указ. соч. – С.603.

²² «Крымская» линия обороны состояла из 3-х укрепленных черт: 1. Сторожевые заставы и станицы казаков далеко в поле, которые предупреждали о крымских набегах; 2. Города и сама засечная черта, которые отражали большинство набегов; 3. Проходила по берегу р. Ока, где имелся постоянный воинский гарнизон (Каргалов В.В. Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI–XVII веках // Военно-исторический журнал. – 1986. – №12. – С.62).

²³ Ахмадуллин Ш.А. Буинск – страницы истории. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – С.7.

печивала подчинения нерусских народов и не гарантировала безопасности от набегов ногаев, калмыков и крымских татар»²⁴.

Таким образом, в отечественной историографии сложилось мнение о том, что входя в сферу интересов кочевавших племен, крепость Тетюши, берущая свое начало от нее Карлинская засечная черта, а также построенные во II-ой половине XVII века Закамская (1652–1656 гг.) и Симбирская (1648–1654 гг.) линии обороны «должны были защищать внутренние уезды России от набегов соседних кочевых правителей: калмыцких тайшей, ногайских и едиганских мурз»²⁵. С точки зрения Е.И. Чернышева, строительство укрепленных линий в Поволжье объясняется, прежде всего, внутриполитическими интересами государства: «Тетюшская засечная черта на правом берегу р. Волга, Симбирская и Закамская укрепленные линии должны были обеспечить помещикам безопасность их усадеб и оборону во время народных восстаний»²⁶.

Главным же функциональным назначением всей системы оборонительных мероприятий на юго-восточной окраине Российского государства была следующая цель – «дать вовремя сведения о движении кочевников и по возможности задержать это движение»²⁷.

Исходя из накопленного отечественными исследователями опыта изучения истории Карлинской засечной черты, а также укрепленных линий, построенных на юго-восточной границе Русского государства в XVII–XVIII вв., следует выделить главные вопросы, которые будут освещены в данной работе:

- 1) время основания Карлинской черты;
- 2) понятие «засечная черта» и составляющие ее сооружения;
- 3) существование Старой Тетюшской (Карлинской) и Новой Тетюшской укрепленных линий;

---

²⁴ История Татарской АССР. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. – Т.1. – С.113.

²⁵ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1980. – С.66.

²⁶ История Татарской АССР. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. – Т.1. – С.113.

²⁷ Кадерова Т.Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства в XVII в. (на примере Мордовского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – №1: в 2-х ч. – Ч.II. – С.74.

- 4) их месторасположение;
- 5) заселение близлежащих территорий.

Среди исследователей нет единой точки зрения о времени строительства черты. По мнению ряда историков, устройство Карлинской черты относится к более раннему периоду – ко времени существования Казанского ханства. В конце XIX в., по преданию, местные жители говорили, что «Карлинская черта построена прежде взятия Казани одним владельцем Ногайской Орды, отделившимся от Золотой Орды»²⁸. В документах эта черта иногда упоминается под названием «Старая Тетюшская засека»²⁹. Как известно, правобережная сторона Волги в XV – I-ой половине XVI века была местом кочевков ногаев: «До середины XVI века в районе южнее Тетюш по реке Имелке располагались селища и поляна, называвшиеся ногайскими станами, т.е. ногайскими кочевьями»³⁰. Согласно этой версии, Карлинская черта уже существовала ко времени присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству в середине XVI века.

В «Памятной книжке Казанской губернии на 1861–1862 гг.» указана дата сооружения Карлинской засеки: «Строительство этой черты было начато в 1555-м и завершено в 1566-м году»³¹, т.е. до сооружения самой крепости Тетюши. Н.Н. Вечеслав в своей работе утверждает, что Тетюшская засека была устроена в одно время с постройкой самого сторожевого укрепления, которым он называет крепость Тетюши – 1555–1557 гг.³²

Некоторые исследователи придерживаются мнения о том, что Карлинская засека была укреплена в 1578 г., когда власти приступили к строительству засечной черты Темников-Алатырь-Тетюши³³.

---

²⁸ Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. – Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1900. – С.40.

²⁹ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ед.хр.955. Л.79об., 80об.

³⁰ Назарова И.В. Архитектурно-пространственная организация оборонительно-крепостных комплексов Волго-Камья середины XVI – XVII веков: Дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2009. – С.31.

³¹ Памятная книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 гг. – Казань: Губерн. типогр., 1862. – С.36–37.

³² Вечеслав Н.Н. Заметки по истории и древностям Казанской губернии // Труды Казанского губернского статистического комитета, 1869. – Вып.1. – С.74–75.

³³ Воронин И.Д. Саранск. Историко-документальные очерки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. – С.17; Дмитриев В.Д. К вопросу о засе-

Самарский историк Э.Л. Дубман считает, что «сооружение засечной линии, главными опорными пунктами которой являлись Саранск, Алатырь, Тетюши»³⁴, началось в конце 1570-х гг. и завершилось в начале 1580-х гг.

Большинство же исследователей (Е.П. Бусыгин, В. Гуркин, Н. Калинин, В.И. Лебедев, Г.И. Перетяткович) датирует постройку Тетюшской засеки 1590-ми гг.³⁵

Таким образом, в отечественной историографии сложилось три версии о дате укрепления Карлинской засечной линии: до строительства Тетюш, одновременное сооружение крепости и засечной черты, или же устройство линии после постройки города.

Местность, избранная для возведения Карлинской (Тетюшской) засечной черты благоприятствовала для создания укреплений тем, что здесь располагались высокие горы и холмы, покрытые лесом. «Вековой Черный Тетюшский лес», занимающий большое пространство – 10 верст в длину и 8 поперек³⁶, служил эффективной естественной защитой против отрядов вооруженных всадников: «Через лесные массивы, где кочевники могли просочиться незаметно, должны были идти засеки; в труднопроходимых заболоченных и за-

---

лении юго-восточной и южной частей Чувашии // Ученые записки НИИЯЛИ и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары: Чуваш. госуд. изд-во, 1956. – Вып.14. – С.178; Зорин А.Н. Горожане Среднего Поволжья во II половине XVI – начале XX вв. Историко-этнографический очерк. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – С.7.

³⁴ Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1999. – С.20–21.

³⁵ Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (сер. XIX – начало XX вв.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1966. – С.53; Гуркин В. На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. – М., Ульяновск: Печатный двор, 2005. – С.29; Калинин Н. Возникновение и рост Тетюш // Записки Тетюшского музея, 1928. – №4. – С.9; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. – Саратов: Приволжское книжное изд-во Пензенское отделение, 1986. – С.29; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). – Одесса: Типогр. П.А. Зеленаго, 1882. – С.22.

³⁶ Перетяткович Г.И. Указ. соч. – С.70.

селенных местах укрепления можно было не строить»³⁷. Правительство, решив устроить здесь засечную черту, сооружение которой не требовало больших трудовых затрат и времени, дополнило естественную лесную преграду заграждениями: валом со рвом, который «начинается от города Тетюш и переходит границу Буинского уезда, тянется по направлению к реке Свияге, которую переходит у сельца Ивашевки; далее продолжает идти на села Мещеряки, Тильгаш, Альшихово, Кайрево, и идет вверх реки Карлы параллельно ее течению по правую сторону до реки Суры мимо сел Протопопова, Мокрой Салавашевки, Енбулатова, Тимбаевки, Никольского, Сорока-Сайдаков, Байдерякова, Трех-Балтаева, Нижнего Буянова, Верхнего Буянова, Шемурши и Андреевки до Алатырского уезда»³⁸. Восточнее Алатыря засека проходила, по всей видимости, вдоль естественной речной преграды – реки Черная Бездна.

Название Карлинская черта получила от того, что ее наибольшая протяженность проходила вдоль реки Карлы, которая пересекала современные Буинский район Республики Татарстан и Чувашскую Республику, составляя при этом 45 верст в длину³⁹.

Г.И. Перетяткович локализовал ее следующим образом: «Тетюшская засека проходила южной стороной Тетюшского уезда около деревни Пролей Каши (основана в 1611 году⁴⁰), и подле засеки протекала небольшая речка Кильня, впадающая с правой стороны в реку Свиягу»⁴¹. Общая протяженность засеки в Тетюшском уезде, по мнению исследователя, составляла 10 км в длину до р. Свияга, где

---

³⁷ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. – Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2005. – С.67.

³⁸ Лебедев В.И. Засечные черты Русского государства XVII в. на дореволюционных археологических картах // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994. – С.140; Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. – Симбирск: Типо-литогр. А.Т. Токарева, 1900. – С.40.

³⁹ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования: систематический сборник исторических сведений о г. Симбирск. – Симбирск: Типо-литогр. А.Т. Токарева, 1898. – С.6.

⁴⁰ Пашина Е.В. Деревня Пролей Каша Тетюшского уезда в 1611–1618 гг. (по материалам дозорной книги) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. ст. Вып.3. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С.190–201.

⁴¹ Перетяткович Г.И. Указ. соч. – С.38.

линия соединялась с засечной чертой Алатырь-Темников, и 8 км – в ширину⁴².

В техническо-фортификационном отношении укрепленная черта представляет «препятствие, образованное деревьями, уложенными вершинами в сторону противника, одно возле другого или крестнакрест. Деревья очищаются от тонких ветвей, прикрепляются к земле крестообразно забитыми кольями или рогульками, а их толстые ветви заостряются»⁴³. Засеки сооружались следующим образом: деревья рубились размером выше человеческого роста стволом в сторону неприятеля, при этом они оставались лежать на пне, что создавало непроходимую полосу⁴⁴.

«Засеки» в Российском государстве в XVI–XVIII вв., состояли преимущественно из лесных завалов – укреплений, дополнявших естественные лесные препятствия на местности, и чередующихся с частоколами, надолбами, земляными валами в беслесных промежутках и пр. Исходя из этого, можно говорить о второстепенной роли лесных завалов и прочих искусственно собранных укреплений. Главная роль в функциональном назначении засечных черт отводилась естественным заграждениям, таким как реки, леса, болота, озера, овраги и т.п. Такие природные преграды, в особенности в пространстве, где не было густого леса или болот, дополнялись вновь сделанными сооружениями – валами, рвами, надолбами, частоколами, кольем, острогами и др., которые ставились в открытых и опасных местах, там, где засеку пересекала дорога.

Поскольку засеки располагались, главным образом, в лесных массивах, то такие леса получили название «заповедные». Эти леса запрещалось вырубать, прокладывать через них дороги, они также ограждались башнями и острогами⁴⁵.

На открытых местах между лесными массивами, как правило, устраивались тарасные валы с обламами наверху. Вал (или высокая земляная насыпь) являлся наиболее значимым сооружением всей укрепленной системы. Назначение вала состояло в том, что его внеш-

---

⁴² Бусыгин Е.П. Указ. соч. – С.53.

⁴³ Шперк В.Ф. Фортификационный словарь. – М.: Издание Военно-инженерной Академии, 1946. – С.39.

⁴⁴ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1980. – С. 103.

⁴⁵ Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI в. // Военно-исторический сборник. – Вып.20. – 1948. – С.15.

няя часть прикрывала защитников от обзора и нападения врага. «Тарасы представляли собой конструкцию из двух параллельных бревенчатых стен, соединенных между собой поперечными стенами. «Клетки», образуемые поперечными стенами, обычно наполнялись землей»⁴⁶. «Облам» – это выступ, навес над стеной, прикрытый снаружи еще одной защитной стенкой из нескольких рядов бревен, в которой обычно прорубались бойницы⁴⁷.

На валу, на разном расстоянии друг от друга, могли быть сооружены городки и выходы. Первые представляли собой «выдвинутые вперед, за линию вала, земляные укрепления, четырехугольные в плане, которые служили для отражения ударов неприятеля с флангов»⁴⁸. Выводы или башни – это деревянные конструкции, высотой в 8 сажень (17 м), наполненные землей.

Вал обычно сооружался в совокупности со рвом, который располагался впереди него. Ров служил дополнением вала и использовался в качестве преграды штурму. «Эскарп рва не сразу переходил в насыпь вала. Между рвом и насыпью находилась на уровне местного горизонта полоса земли – берма»⁴⁹.

В тех местах, где валы и рвы шли через овраги, небольшие речки или ручейки, устраивались надолбы, «рогатки», вбивались сваи. «Надолбы, т.е. тын из вбитых в землю высоких бревен, иногда с поперечниками; надолбами особенно часто укрепляли места возле острогов или стежек, проделанных в засеке вопреки запретам»⁵⁰. Надолбы соединялись поперечными бревнами, получался своеобразный забор высотой примерно в 3 м, сделанный так, чтобы в промежутках между бревнами не могла пройти лошадь. Они устраивались и в качестве передовых укреплений, т.е. за валом и рвом, за деревянной стеной и слободами⁵¹. Также ставились такие преграды для неприятеля как частик, чеснок, рогульки, волчьи ямы и т.п. «Частиком», применявшимся у речных бродов, назывались небольшие ко-

---

⁴⁶ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – С.99.

⁴⁷ Там же. – С.99.

⁴⁸ Там же. – С.101.

⁴⁹ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. – С.134.

⁵⁰ Марголин С.Л. Указ. соч. – С.13.

⁵¹ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1969. – С.82.

ля, густо поставленные рядом друг с другом в шахматном порядке. «Чеснок» состоял из железных или деревянных спиц, вбиваемых в доску. «Рогульки» – чугунные ядрышки на четырех шипах или ножках. «Волчьи ямы» – круглые ямы, имеющие вид усеченного конуса, с вбитым на дне ее заостренным толстым колом⁵².

Главным строительным материалом для сооружения составных частей укреплений любой засечной черты являлась земля из выкапываемого рва. «Сколько-нибудь своеобразных способов отсыпки вала и гласиса отдельными, не перемешиваемыми друг с другом слоями почвы различного качества или консистенции, не использовалось»⁵³. Иначе говоря, объем почвы, полученный при рытье рва, был равен объему земли, образующего вал. Проведение таких мероприятий по объему было сравнительно небольшим, т.к. особое внимание уделялось все же созданию условий для безопасности поселений, о которых речь пойдет далее.

Немалое значение при обороне придавалось завалам, состоящим из деревьев – они сооружались шириной от 20 до 120 м. Деревья рубились на высоте 1–2 аршин и не отделялись от пней. «Ширина всей засечной черты была различна: там, где были только рвы и валы, она составляла десятки метров, а в местах сплошных лесов достигала 30–35 км»⁵⁴.

Таким образом, система вала и рва являлась основной частью Карлинской засечной линии. По всей видимости, эта система шла непрерывно и лишь в некоторых местах (в основном, лесных) подменялась засекой.

Вероятнее всего, Карлинская засечная черта имела только 2 крепости: Тетюши и Алатырь. Иными словами, это были начальный и конечный пункты укрепленной линии. Остальные выше перечисленные места прохождения засеки – современные села, расположенные на территории Буинского района Республики Татарстан и Республики Чувашия, во II-ой половине XVI–XVII вв. являлись острогами. Ими назывались небольшие укрепленные пункты, созданные с целью защиты мест второстепенного значения. «В плане острог обыч-

---

⁵² Савельев А. О сторожевых засечных линиях на юге в Древней России. – СПб.: Типогр. Императ. АН, 1876. – С.3.

⁵³ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. – С.135.

⁵⁴ Жеребов Д.К., Майков Е.М. Русское военно-инженерное искусство в XVI–XVII вв. // Из истории русского военно-инженерного искусства: Сб. ст. – М., 1952. – С.41.

но представлял собой фигуру четырехугольника, по углам которого возводились деревянные башни (угловые), а в середине одной из сторон делалась проходная (или проезжая) башня для сообщения с полем»⁵⁵. Как правило, они имели четырехугольную или восьмиугольную форму, завершающиеся наверху смотровыми вышками. Общая высота башен составляла примерно 12 саженей (свыше 25 м). Их наличие немало усиливало оборону крепости: в них могли разместить артиллерию; башни использовались и для наблюдения за местностью⁵⁶. Вокруг крепостей или острогов на расстоянии 2 саженей от стен мог быть выкопан ров⁵⁷.

Главная (проходная) башня крепости или острога имела проезжие ворота и смотровую вышку, высота которой была немного больше, чем высота остальных башен крепостных стен. Такая башня, вероятнее всего, была устроена с «ногайской» стороны для своевременного предупреждения об опасности появления неприятеля. Через крепостной ров мог быть перекинут мост, по обеим сторонам которого могли располагаться надолбы⁵⁸.

Все крепости и остроги в общих чертах были похожи друг на друга и могли различаться размерами и расположением конкретных укреплений и городских построек. Для сокращения затрат на строительство линии пространство между острогами и крепостями перекрывали валом и рвом, которые проводились прямолинейно, насколько это было возможно, чтобы они имели наименьшую протяженность⁵⁹.

Таким образом, следует заметить, что места пропуска населения сквозь черту, так называемые «засечные ворота», укреплялись деревянными и земляными фортами («крепостцами» или «крепостями») с башнями, подъемными мостами, вооруженными разными видами оружия, частоколами и острогами⁶⁰. Такие места служили наблюдательными пунктами за неприятелем на самой черте.

---

⁵⁵ Шперк В.Ф. Указ. соч. – С.66–67.

⁵⁶ Загоровский В.П. Указ. соч. – С.81.

⁵⁷ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – С.99.

⁵⁸ Там же. – С.105.

⁵⁹ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. – С.143.

⁶⁰ Жеребов Д.К., Майков Е.М. Русское военно-инженерное искусство в XVI–XVII вв. // Из истории русского военно-инженерного искусства: Сб. ст. – М., 1952. – С.43.

Кроме выше описанного деления, засечные линии распадались в административно-техническом плане на отдельные звенья протяженностью около 20 верст, а также на более мелкие участки для надзора за неприятелем и охраны, получавшие названия по тем селениям, мимо которых проходила засека. «Место встречи двух засечных звеньев называлось «сутками», а начало (или конец) засечного звена – «почином»⁶¹. Конец засечной линии назывался «замком», который, как правило, не отличался какими-либо видимыми внешними признаками от остальных звеньев «черты». Его назначение состояло в формальном разграничении административной ответственности по заведыванию засеками.

Следовательно, русская засечная линия XVI–XVII вв., состоявшая из совокупности отдельных фортификационных сооружений – крепостей, острогов и др., и соединенная между собой засеками, валом и рвом, а также дополненная естественными природными препятствиями, являлась непрерывной системой укреплений.

Историк А. Яковлев назвал засечную черту «полосой отчуждения, настойчиво оберегаемой правительством от всяких посягательств со стороны окрестного населения»⁶². Как и на других фортификационных сооружениях данного типа, на Карлинской засечной черте конный отряд неприятеля «должен непременно потерять некоторое время, но и рубеж, к которому стягиваются силы для боя...»⁶³. «Черта» являлась не только средством обороны и защиты, но, благодаря своей ширине, и пунктом убежища местного населения в момент нападения врага.

В 1571 году был принят «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», который привел в строгую систему уже имевшиеся элементы пограничной службы и сыграл определенную роль в ее дальнейшем совершенствовании. Укрепления засечной черты находились в мирное время в ведении Пушкарского приказа, в период «экстрима» – Разряда и специально назначенных лиц. Правительство выделяло особый штат должностных лиц, которые обязаны были оберегать засечные линии – это засечные головы, приказчики, сторожа, которые верстались небольшими поместьями. На эти должно-

---

⁶¹ Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. – М.: Типогр. И. Лиснера и Д. Собко, 1916. – С.39.

⁶² Яковлев А. Указ. соч. – С.38.

⁶³ Марголин С.Л. Указ. соч. – С.14–15.

сти вербовались лица из числа городских дворян и детей боярских, которые принадлежали к низшему разряду служилых людей. Они должны были постоянно находиться в крепостях или острогах.

Служба сторожей контролировалась воеводами и «станичными головами», которые лично объезжали порученные им участки границы. «Приговор 1571 года» предусматривал обеспечение сторожей всем необходимым для несения службы⁶⁴. С целью наблюдения и обеспечения безопасности и спокойствия предписывалось на засеках «сторожей держать день и ночь на высоких деревьях, и для вести по деревьям держать кузовы с берестою и смольем зажигать, чтобы воинские люди к засеке безвестно не пришли и дурна какова не учинили»⁶⁵. Сторожа сменялись каждые 2 недели; сменные сторожа отправлялись на отдых в тот город, который отправлял их на эту службу. «В главных пунктах стоянок сторож делалось временное жилье, а впоследствии, у этих пунктов образовывались постоянные поселения»⁶⁶.

К охране засечных черт привлекалось и местное ясачное население. Нагорная сторона Волги в районе расположения крепости Тетюши состояла преимущественно из ясачных чуваш, а также татар, которые «компактно жили на правом берегу Волги на запад от Свяги и на юг до г. Тетюши»⁶⁷.

Как указывает историк С.Х. Алишев, «после вхождения в состав России чуваша частично переселялись со своей центральной территории (современная Чувашия, Приказанье и Заказанье) на юго-восток»⁶⁸ (районы Свяжского и Тетюшского уездов), образовав здесь один из анклавов.

Буинский и Алатырский уезды, через территории которых также проходила Карлинская засечная линия, были населены чувашами и марийцами.

Окрестные жители в XVII веке обязаны были высылать с 10 дворов по человеку с «пищалими, с саблями и со всяким боем»⁶⁹.

---

⁶⁴ Каргалов В.В. Указ. соч. – С.66.

⁶⁵ Кочетков В.Д. Алатырь. Краткий исторический очерк. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1978. – С.12–13.

⁶⁶ Воронин И.Д. Саранск. Историко-документальные очерки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. – С.16.

⁶⁷ Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX вв. – М.: Наука, 1990. – С.56.

⁶⁸ Алишев С.Х. Указ. соч. – С.98.

⁶⁹ Перетяткович Г.И. Указ. соч. – С.70.

Так, известно, что в 1636 году «крестьяне и служилые люди Тетюшского Покровского монастыря служат на нашей Тетюшской засеке с 10 дворов по человеку»⁷⁰. В 1637 году на Тетюшской засеке головой являлся курмышенин Иван Васильевич Евлашев, «а служилым людям на той засеке велено с ним стоять свияжским служилым татаром 100 человеком да тетюшским казаком переменяясь по 10 ч. в перемене да уездным людем с 10 дворов по человеку»⁷¹. Данная информация свидетельствует о том, что заселение укрепленной линии происходило за счет переселенцев из ближайшей округи.

Местным жителям вверялось в обязанность поддерживать сохранность внешних границ засеки. Отдельные мелкие звенья засечной черты могли находиться «за отводом», т.е. были закреплены за крестьянами приписанного к звену селенья, или даже землевладельца⁷².

Население также несло повинность обороны засек ополчением в тревожное время, когда ожидалось нападение извне. Так, с 3-х дворов выставлялся 1 человек с пищалью – это касалось селений, расположенных не далее 15 верст; с 5-и дворов – 1 человек с пищалью (с селений, находящихся на расстоянии 15–25 верст от засеки)⁷³. Иными словами, оберегали засеку и поддерживали внешний порядок ее звеньев непосредственно жители близлежащих населенных пунктов, в то время как головы и приказчики относились к управленческому административному аппарату. Кроме того, места, находящиеся в непосредственной близости к засекам заселялись беглыми людьми, которые записывались в засечную стражу и освобождались от налогов и податей⁷⁴.

Одной из функций засечной черты было обеспечение надежной коммуникации между городами. Время от времени из городов (или крепостей) в степь за черту посылали «станицу» – несколько человек для разведывания о неприятеле и готовящихся действиях с его стороны. Места, в которых в дороге останавливались «станичники» на-

---

⁷⁰ Акты исторические и юридические, собранные Степаном Мельниковым. – Казань, 1859. – С.22–24.

⁷¹ Порфирьев С. Роспись служилым людям по области Казанского Дворца на 7146 (1637) год // ИОАИЭ. – 1912. – Т.8. – Вып.4–5. – С.461.

⁷² Яковлев А. Указ. соч. – С.41.

⁷³ Яковлев А. Указ. соч. – С.43.

⁷⁴ Савельев А. Указ. соч. – С.4.

зывались «станом»⁷⁵, находившиеся на небольшом расстоянии друг от друга, поэтому информация передавалась довольно быстро.

Следствием устройства Тетюшской засечной черты явилось складывание благоприятных условий для колонизации земель, расположенных вдоль оборонительных укреплений. Процесс колонизации здесь был основан на двух источниках: на государственной колонизации (правительство раздавало земли служилым людям, при заселении крестьяне пользовались различными льготами) и на «вольной» миграции (селились беглые крестьяне).

Строительство засечной черты и учреждение военных сторож, местом сосредоточения которых являлись небольшие остроги или крепости, в конечном счете, оказывало позитивное влияние на заселение малообжитых близлежащих пространств и их хозяйственное освоение. Так, в Тетюшском уезде появились новые села и деревни: Алекина Поляна (последняя треть XVI в.)⁷⁶, Нечасово (не позднее первой половины XVII в.)⁷⁷, Федоровское (1599 г.)⁷⁸. Кроме того, «с правой стороны р. Свяга, на притоке ее около Тетюшской засеки, построен острожек, который от речки Килна, у которой стоял, получил название Килнинского острожка»⁷⁹. Населением новообразованных пунктов стали, кроме представителей военных сословий (сторожей и станичников), дети боярские, крестьяне, бортники и ремесленники. К комплектованию крепостей или острогов гарнизонами привлекались различные силы: служилых людей переселяли из центральных районов России, переводили часть войск из близлежащих крепостей. Гарнизоны состояли из служилых людей «по отечеству» (по происхождению – городовые дети боярские, мелкие феодалы) и «по прибору» (по правительственному набору). Служилые люди по «прибору» составляли большую группу служилого населения. В нее входили стрельцы, казаки, пушкарки, затынщики, воротники, плотники и прочие: на службу по «прибору» привлекались люди, не несшие воинской и тяглой

---

⁷⁵ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования: систематический сборник исторических сведений о г. Симбирск. – Симбирск: Типо-литограф. А.Т. Токарева, 1898. – С.6.

⁷⁶ Чекмарев П.А. Есть на Волге городок... (из прошлого и настоящего города Тетюши и Тетюшского района Татарстана). – Казань: По городам и весям, 2004. – С.380.

⁷⁷ Чекмарев П.А. Указ. соч. – С.310.

⁷⁸ Калинин Н. Указ. соч. – С.9

⁷⁹ Перетяткович Г.И. Указ. соч. – С.79.

повинности⁸⁰. Служилые люди «по отечеству» получали за службу жалование – денежное и поместное, служилые люди «по прибору» – денежное и хлебное, а также участок земли для личной обработки⁸¹.

Служилые люди переселялись с семьями на постоянное место жительства. Основная масса переселенцев была размещена в слободах. «За крепостной стеной находились административные и церковные дворы, иногда – дворы пушкарей»⁸². Процесс заселения укрепленной черты был инициирован правительством и сопровождался насильственным переводом людей на черту. Таким образом, Тетюшская засечная черта имела важное значение в вопросе колонизации приграничных земель «Дикого поля» и распространении русского контроля над завоеванными во II-ой половине XVI века территориями и населением.

Первоначально правительство обеспечивало служилых переселенцев хлебным и денежным жалованием, впоследствии вместо жалования они наделялись пашенными землями и сенными покосами⁸³. Землю новым поселенцам в укрепленные места засечных черт отводили без строгого учета: юридически надел земли закреплялся за одним помещиком, фактически должен был быть разделен между соседями, но практически земля не размежевывалась. При раздаче переселенцам земельных угодий измерялась только пашня, «сенными покосами пользовались «по конец поль», земли под усадьбу и лес отмечались особо, так что действительное количество земли, которым владел «окраинный» помещик, было гораздо больше, чем отмечается в документах»⁸⁴. Взамен правительство обязывало служилых людей нести службу на засечной линии.

---

⁸⁰ Кадерова Т.Н. Служилые люди по «прибору» на Атемаро-Саранской засечной черте в XVII веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – №6: в 2-х ч. – Ч.1. – С.86.

⁸¹ Ошанина Е.Н. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: Сб. ст. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.52.

⁸² Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – С.130.

⁸³ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – С.129.

⁸⁴ Ошанина Е.Н. Указ. соч. – С.63.

Жизнь в таких населенных пунктах, находящихся вблизи от укрепленных черт, была не безопасной. Так, в 1607 году ногаи проникли через засеку в Тетюшский уезд, напали на мордовские деревни и так их погромили, что они и через 12 лет все еще были пустыми и брошенными деревнями⁸⁵. Какие мордовские деревни имел в виду историк Г.И. Перетяткович не ясно, но, действительно, мордовское население проживало на территории Тетюшского уезда с давних времен. Так, известны следующие населенные пункты со значительным большинством представителей мордовского населения: Сурково городище (совр. Вожжи), Бессоново, Кадышево и др. Эти деревни образовались несколько позднее, чем указанный Г.И. Перетятковичем 1607 год, но возможно, какие-либо поселения существовали и в данный период.

В период польско-шведской интервенции (1605–1612 гг.) на всей территории Российского государства были значительно сокращены работы по укреплению засечных линий на юго-восточных рубежах страны, т. к. внимание правительства было сосредоточено на защите западных границ страны. Большое количество воинского контингента переводилось на борьбу с польско-шведскими захватчиками. С прежней силой работы на засечных чертах возобновились только после разгрома интервентов, и «гарнизоны крепостей Темниковско-Алатырско-Тетюшской засечной черты были пополнены служилыми людьми, а также вновь были выдвинуты сторожевые караулы в степь, на юг, вдоль Суры»⁸⁶.

В.Н. Поливанов отмечал, что в древних актах описываемая нами черта иногда называется Старой Тетюшской засекой. Действительно, существовала и Новая Тетюшская черта. Причиной возведения новых укреплений послужило заселение между реками Сура и Волга, южнее Карлинской засеки, а также смещение стратегического положения засечной черты далее на юг (в середине XVII века укрепленная линия переместиться еще южнее и получит название «Симбирская черта»).

Как видим, хорошо укрепленный и насыщенный военными силами, район месторасположения Карлинской засечной черты, являлся как бы водоразделом между земледельческими, уже освоенными территориями и всем остальным кочевым пространством. Постепенно

---

⁸⁵ Перетяткович Г.И. Указ. соч. – С.30.

⁸⁶ Воронин И.Д. Указ. соч. – С.18.

складывающаяся за этим рубежом сеть земледельческих поселений требовала дополнительных мероприятий для обеспечения безопасности. Московская власть, безусловно, должна была принять меры для защиты всей совокупности новых населенных пунктов, возникших к югу от Карлинской засеки. Главной целью построения Новой Тетюшской укрепленной линии являлось пресечение любых попыток угрозы кочевников на освоенные земледельческие территории.

В.Х. Хохряков датировал Новотетюшскую черту XVI веком⁸⁷. Историк В. Гуркин предположил, что Новотетюшская укрепленная линия была проведена в начале XVII века и шла от реки Волга до реки Свяга. Исследователь также сделал предположение, что она проходила далее на запад до р. Сура в виде засеки, а на левой стороне границей служила река Кама⁸⁸. Еще в 1898 году П. Мартынов заметил, что «позднее Карлинской черты была построена линия от Волги на Промзино городище»⁸⁹. Историком А.В. Клеянкиным обозначены крайние точки Новой засечной линии, которые выходят из ранее намеченных другими исследователями пунктов, делая черту более протяженнее, чем Старая Тетюшская засека: «Через Промзино-городище проходила укрепленная линия-засака, которая одним концом упиралась в волжский берег у г. Тетюши, а другой ее конец шел в сторону Алатыря, а затем к Арзамасскому городищу и к г. Темникову на реке Мокше»⁹⁰. Следовательно, конечным опорным пунктом Новой Тетюшской черты стало Промзино городище на реке Сура (в настоящее время находится на территории Ульяновской области).

На месте этого городища был поставлен острог, который «имел несколько сторожевых башен, в том числе въезжую башню с воротами. На въезжей башне имелся вестовой колокол да еще несколько малых колоколов. На каждой башне устанавливалась пищаль с необходимым запасом ядер»⁹¹. Исходя из этого описания острога, можно выдвинуть предположение, что остроги или крепости, которые располагались на Старой Тетюшской черте, имели такое же оформление

---

⁸⁷ Хохряков В.Х. О сторожевых чертах в Пензенской губернии. XVI–XVII вв. // Труды Пензенской учебной архивной комиссии. – 1903. – Кн. I. – С.30.

⁸⁸ Гуркин В. Указ. соч. – С.30.

⁸⁹ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет существования. – С.6.

⁹⁰ Клеянкин А.В. Родное Присурье. Историко-экономический очерк. – Ульяновск: Приволжское кн. изд-во, 1974. – С.6.

⁹¹ Клеянкин А.В. Указ. соч. – С.8.

и были также укреплены, что и Промзино городище, т.к. обе «Тетюшские» засеки взаимосвязаны друг с другом.

Таким образом, большинство исследователей придерживается мнения о том, что Новая Тетюшская засечная черта была устроена позднее, чем Старая Тетюшская линия, и находилась южнее нее (см. схему на форзаце 1).

Оборонительные сооружения Среднего Поволжья, созданные во II-ой половине XVI века, «представляли собой лишь небольшие засеки, которые не могли иметь общегосударственного значения»⁹². Новый толчок строительство укрепленных линий получило в XVII веке. По всей видимости, с середины XVII столетия обе «Тетюшские» засеки и сама крепость Тетюши потеряли прежнее стратегическое значение, уступив Симбирской и Закамской чертам. Крепость и засека оказались более не востребованными. Так, в середине 1650-х гг. земля, по которой проходила Тетюшская засека, была роздана в поместья и эксплуатировалась служилыми людьми. В «Тетради записной Казанского уезда Нагайской дороги за рекою Волгою на Нагорной стороне письма и меры 158-го и 159-го году (1648–1649 гг.)»⁹³ мы встречаем следующие фамилии служилых людей, имеющих земельные владения за Старой Тетюшской засекой.

1) в степи на «Диком поле»:

Василий Андреевич сын Алекин (село Спасское – 260 десятин в три поля); в деревне Бекетова имели свои пашни и сенные покосы Осип Семенов сын Стромиллов, Григорий Бекетов, Агей Воронов, Иван Кучетцкий (за четырьмя помещиками – 167 дес. земли в трех полях), Степан Фролов сын Зазиркин (432 дес. в трех полях), Евсевий Григорьев сын Зазиркин (153 дес. в трех полях), Степанидка Прохорова дочь Бекетова (117 дес. в трех полях); казанец Иван Федоров сын Жуков (деревня Новая – 243 дес. в три поля); казанец Иван Константинов сын Жуков (деревня Старая Жукова – 66 дес. в поле). Кроме того, в селе Спасское свою пашню и сенные покосы площадью 114 деся. в три поля имели ясачные чуваша деревни Пролей Каша.

2) На «Диком поле» между речками Кильна и Кертели:

---

⁹² Ермолаев И.П. Хозяйственное освоение Казанского края в XVII в. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола: Изд-во «Марийского НИИЯЛИ им. В.М. Васильева», 1990. – С.15.

⁹³ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 гг. Публикация текста / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А.Мустафина. – М.: Изд-во Ин-та истории РАН, 2001. – С.438–447.

Евсей Зазиркин (45 дес. в три поля); казанец Данил Прокофий сын Пансырев (252 дес. в три поля); Иван Иванов сын Кучетцкий (45 дес. в три поля); казанец Никита Иванов сын Макаров (126 дес. в три поля); казанцы Василий Иванов сын Якшин и Михаил Семенов сын Нагирин (126 дес. в три поля).

3) На «Диком поле» между речками Кертель и Сюксе по речке Кильна:

Агей Зотеев сын Воронов (182 дес. в три поля); Иван Павлов сын Веригин (160 дес. в три поля); Петр Акакиев сын Титов (160 дес. в три поля); Тимофей Иванов сын Косяговский (160 дес. в три поля); казанцы служилые и слободские татары Уразлейко Темичев, Московко Бодешев, Мемеделейко Алабердеев, Беляйко Кинзин, Чюкейко Курмашев, Баичико Терегулов, Каипердеико Кукеев, Мамет Щедрив Кудеяров (деревня Табаева – 1540 дес. в три поля); казанцы служилые татары Ишмаметко Кудашев, Урахчеико Ондреев, Уразлейко Тямичев, Баичико Терегулов, Маметко Щедрпо Кудеяров (деревня Ебаева – 1386 дес. в три поля); казанец Иван Елизарьев сын Юрьев с сыном Михаилом (село Новое Воскресенское – 636 дес. в три поля; Старое Уноровское городище Среднее с поляною – 78 дес.; позади усады дубровы – 68 дес.; за Верхним Уноровским городищем – 1284 дес. в три поля; за Синбирскою дорогою по речке Бетеньге – 2420 дес. в три поля); Яков и Григорий Ивановы дети Жуковы, Невежа Сурин, Василий Аристов (поляна Тюбьяк – 630 дес. в три поля; вал от вышки к Свяиге реке – 60 дес. в три поля); казанец Дмитрий Еремеев сын Заворотков (на реке Свяига подле Уланова городка деревня Новая – 286 дес. в три поля; Уланово городище – 170 дес. в поле; под городищем дубровы – 42 дес. в три поля; по конец поль остаточные земли – 930 дес. в три поля; под Черным лесом близко к валу и вышки две поляны – 162 дес. в три поля); Гарасим Дмитриев сын Пасмуров (подле Мошкова городка на реке Свяига – 200 дес. в три поля); Матвей Яковлев сын Пелепелицын (починок на реке Свяига ниже Мошкова городка – 840 дес.)⁹⁴.

Утрата прежнего военно-оборонительного значения Карлинской засечной черты в середине XVII в. стала результатом перевода части служилых людей и работного населения на новые места службы и жительства: Симбирскую, Закамскую и Сызранскую (1683–1684 гг.) укрепленные линии. Первые жители Симбирской черты – переве-

---

⁹⁴ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 гг. – С.438–447.

денцы из более северных пунктов Среднего Поволжья: «75% пришли из казанских городов (Казань, Тетюши, Лаишев, Свияжск, Цивильск, Ядрин и др.); 20% – из нижегородских, верхневолжских и северных, только 4% западным путем (Алатырь, Арзамас); немногие остальные поднялись из Самары»⁹⁵.

О переселении не только представителей служилого сословия, но и рабочего населения, осваивающего новые территории хозяйственным путем, свидетельствует и то, что «между посадскими людьми, площадными подъячими, рыболовами и кузнецами встречаются прозвища: «тетюшенин», «курмышенин», «нижегородец», «чебоксаренин», «москвитин» и др., указывающие на места, откуда явились первые поселенцы Симбирского посада»⁹⁶. В публикации «Приходно-расходной книги Симбирской Приказной избы за 1665–1667 гг.» А.Н. Зерцалова мы находим сведения о тетюшских переведенцах, обустроившихся в крепости Симбирск: «С кузницы у Ивашка Тетюшенина 10 алтын, ... с лавки у тетюшского посацкого человека, у Мишки Максимова сына Невотчика..., с лавки у казака тетюшского переведенца, у Захарка Микитина сына Камышникова..., да ис Тетюш тетюшских стрельцов и полонеников по 17 же человек...»⁹⁷.

Большой поток переселенцев, направленных из разных концов Среднего Поволжья, образовывал новые поселения, которые располагались вблизи Симбирской укрепленной черты – это такие селения, как «Арское», «Лаишевка», «Теньковка», «Тетюшское», «Уржумское» и др. Как видим, в данном случае переселенцы давали новым населенным пунктам названия мест прежнего проживания⁹⁸.

Переводились в Симбирск и на Симбирскую засечную черту не только жители Тетюш, но и население ближайшей округи, а также самой Карлинской линии. П. Мартынов в конце XIX в. опубликовал «Книгу строельную города Симбирска», в которой приводит сведения о переведенных в города, расположенных на Симбирской черте, в 1653–1654 гг.: «В Юшанском же отмерено на пашню земли Тетюшским переведенцам, конным казакам, 50-ти человекам: пятиде-

---

⁹⁵ Никонов В.А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // Вопросы географии. – 1960. – Сб.50. – С.181.

⁹⁶ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет существования. – С.25.

⁹⁷ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходно-расходная книга Симбирской Приказной избы). 1665–1667 гг. – Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1896. – С.33, 139.

⁹⁸ Поспелов Е.М. Названия городов и сел. – М.: Наука, 1996. – С.71.

сятнику – 40 четвертей, десятникам – по 30 четвертей, рядовым казакам – по 20 четвертей в поле, а в дву потому ж»⁹⁹; «В Юшанском же отмерено на пашню села Федоровского переведенцам, 100 человекам: пятидесятникам – по 10 четвертей, десятникам – по 9 четвертей, рядовым – по 8 четвертей в поле, а в дву потому ж»¹⁰⁰; «В Уренском отмерено на пашню земли Карлинским переведенцам, полковым казакам, ... 100 человекам: пятидесятникам – по 40 четвертей, десятникам – по 30 четвертей, рядовым – по 20 четвертей в поле, а в дву потому ж»¹⁰¹. Этот материал характеризует не только численность переведенных на новопостроенную черту, но и дает разъяснения о количестве пашенной земли, которую они получали в зависимости от статуса и места, а также поселения, откуда они пребывали. Кроме того, в документе содержится информация о том, что тетюшские переведенцы (посадские, уездные, монастырские, помещицы и ясачные подымовные люди) – 116 человек (с 5-ти дворов по человеку) – поставили острога до реки Барыш до Карсунской черты 725 сажень¹⁰². Таким образом, мы видим, что во II-ой половине XVII века Карлинская засечная черта потеряла прежнее значение, военно-стратегический центр Среднего Поволжья переместился в новопоставленную крепость Симбирск и ее уезд.

О переводе служилого населения с Карлинской засеки на Симбирскую черту сообщается в «Сборнике историко-статистических материалов по Симбирской губернии»: «Часть воинских людей с Карлинской черты была впоследствии переведена на Симбирскую черту, где они, около Симбирска, заселяли Карлинскую слободу, и даже может быть, в Сенгилеевский уезд, где встречается слобода под таким же названием»¹⁰³.

Р.Г. Буканова, обстоятельно изучившая историю строительства Закамской черты XVII в., утверждает, что «основными источниками формирования гарнизонов новых городов были города-крепости, на-

---

⁹⁹ Мартынов П. Книга строельная города Симбирска. – Симбирск: Губерн. типогр., 1897. – С.23.

¹⁰⁰ Там же. – С.24.

¹⁰¹ Там же. – С.30.

¹⁰² Мартынов П. Книга строельная города Симбирска. – С.91.

¹⁰³ Сборник историко-статистических материалов по Симбирской губернии. – Т.4. – С.112.

ходившиеся на правобережье р. Волга и в Прикамье: Лаишев, Тетюши, Ахтачинск, Шешминск, а также Чалнинский городок»¹⁰⁴.

О тетюшских переведенцах в новопостроенный город Сызрань в 1683–1684 гг. содержит сведения «Царская грамота Казанскому воеводе князю Григорию Козловскому о выдаче Казанским, Тетюшским и Чебоксарским переведенцам в Сызрань на дворовое строение по четыре рубля человеку»: «...из Казани казанские и тетюшские солдаты в Синбирск 236 человек с женами и с детьми для переведения на вечное житье в новопостроенной город Сызрань присланы»¹⁰⁵. Исходя из отрывка «Царской грамоты» можно утверждать, что город Тетюши, некогда имевший значение передовой военно-оборонительной крепости на территории Среднего Поволжья, стал пригородом Казани, а местное население на протяжении XVII в. переселялось в более важные стратегические пункты.

Таким образом, строительство Тетюшской засеки было тесно связано с сооружением Симбирской, Закамской и других укрепленных линий, т.к. хронологическая последовательность их построения, географические контуры, а потому и сходство типов инженерных сооружений – все это свидетельствует о том, что Карлинская черта являлась частью общероссийской оборонительной системы, одним из первых ее звеньев, существовавших на юго-востоке Русского государства во II-ой половине XVI – середине XVII вв. Эти укрепленные линии строились с целью защиты уездов страны от набегов кочевников, а также для укрепления новой власти на окраине.

Как упоминалось ранее, Карлинская засечная черта первоначально была сооружена до середины XVI века, русское правительство вновь укрепило эту засеку во II половине XVI века. Время сооружения Тетюшской засечной линии не установлено: в отечественной историографии существует три мнения – до строительства самой крепости Тетюши (т.е. сначала основана засека, а потом крепость), одновременное сооружение крепости и засеки, после постройки города (Тетюши – отправной пункт черты).

Старая Тетюшская засека проходила от крепости Тетюши до г. Алатырь и была составной частью укрепленной черты Темников-

---

¹⁰⁴ Буканова Р.Г. Города и городское население Башкирии в XVI–XVII вв. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1993. – С.63.

¹⁰⁵ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1867. – Т.10. – С.401.

Алатырь-Тетюши. Позднее (вероятнее всего, в начале XVII столетия) южнее уже существующей линии была сооружена Новая Тетюшская черта, которая проходила от реки Волга до Промзина городища на р. Сура (территория совр. Ульяновской области). Целью построения Новой засеки являлось пресечение любых попыток кочевников напасть на уже освоенные земледельческие территории.

Выбор тех или иных типов укрепленных препятствий, устраиваемых на засечных линиях, зависел от целого ряда факторов: рельефа местности, характера почвы, стратегического положения района, тактических и технических возможностей противника. Поскольку на территории Среднего Поволжья на протяжении II-ой половины XVI – XVII вв. было построено значительное количество укрепленных линий (Симбирская, Закамская и др.), то можно сделать вывод о том, что их деревянные и земляные сооружения принципиально не отличались друг от друга.

Тетюшская засечная черта строилась, вероятнее всего, не по плану, и представляла собой непрерывную систему укреплений, включавшую несколько крепостей, острогов и разнообразные инженерные сооружения из земли и дерева (валы, рвы, засеки, надолбы и т.п.), дополненные естественными природными препятствиями (леса, реки, болота и пр.).

Заселение ключевых сторожевых и охранных пунктов засеки осуществлялось по инициативе Московского правительства путем насильственного перевода служилых людей из других мест и путем прибора местного населения. Такая политика государства способствовала активному освоению ранее не обжитых территориальных пространств окраины страны, а также распространению русского влияния на завоеванные народы Среднего Поволжья.

Установление русского контроля над переправами ногаев уменьшило интенсивность их набегов, но не устранило эту угрозу полностью. С целью еще большего обеспечения безопасности и спокойствия населения на русско-ногайской границе, проходившей через Поволжье, а также вновь укрепленных поселений, правительство в середине XVII века решило построить Симбирскую и Закамскую засечные линии.

Вплоть до сооружения этих укрепленных черт, которые располагались юго-восточнее Карлинской засеки, Тетюши, как крепость, и Тетюшская засечная черта оставались единственными укрепленными пунктами на переправе через р. Волга, на пути перехода ногаев в

земли бывшего Казанского ханства. Карлинская черта сыграла важное значение в охране юго-восточных районов России от набегов кочевников. Со времени основания Симбирска и его засеки граница оборонительной линии Среднего Поволжья сдвигается далее на юг (с линии Алатырь-Тетюши до линии Корсунь-Симбирск).

Источники и литература

1. Акты исторические и юридические, собранные Степаном Мельником. – Казань, 1859. – 231 с.
2. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX вв. – М., 1990. – 270 с.
3. Ахмадуллин Ш.А. Буинск – страницы истории. – Казань, 1991. – 167 с.
4. Буканова Р.Г. Города и городское население Башкирии в XVI–XVII вв. – Уфа, 1993. – 86 с.
5. Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. – Уфа, 1999. – 149 с.
6. Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1980. – 172 с.
7. Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (сер. XIX – начало XX вв.). – Казань, 1966. – 403 с.
8. Вечеслав Н.Н. Заметки по истории и древностям Казанской губернии // Труды Казанского губернского статистического комитета. – 1869. – Вып.1. – С. 57–87.
9. Воронин И.Д. Саранск. Историко-документальные очерки. – Саранск, 1961. – 268 с.
10. Галлямов Р.Ф. Закамская засечная черта и первые русские поселения в Алексеевском крае // Алексеевский район: история и современность. – Казань, 2000. – С.105–117.
11. Гуркин В. На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. – М., Ульяновск, 2005. – 248 с.
12. Димитриев В.Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Ученые записки НИИЯЛИ и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары, 1956. – Вып.14. – С.173–218.
13. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. – СПб., 1867. – Т.10. – 504 с.
14. Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. – Самара, 2005. – 189 с.
15. Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. – Самара, 1999. – 216 с.

16. Ермолаев И.П. Хозяйственное освоение Казанского края в XVII в. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 1990. – С.14–19.
17. Жеребов Д.К., Майков Е.М. Русское военно-инженерное искусство в XVI–XVII вв. // Из истории русского военно-инженерного искусства: Сб. ст. – М., 1952. – С.41.
18. Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С.25–50.
19. Зерцалов А.Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда (Приходно-расходная книга Синбирской Приказной избы). 1665–1667 гг. – Симбирск, 1896. – 278 с.
20. Зорин А.Н. Горожане Среднего Поволжья во II половине XVI – начале XX вв. Историко-этнографический очерк. – Казань, 1992. – 252 с.
21. Иванин М.И. Описание Закамских линий // Вестник Императорского Русского Географического общества. – Ч.1. – СПб., 1851. – С.57–78.
22. История Татарской АССР. – Казань, 1955. – Т.1. – 550 с.
23. Кадерова Т.Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства в XVII в. (на примере Мордовского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – №1: в 2-х ч. – Ч.II. – С.74–76.
24. Кадерова Т.Н. Служилые люди по «прибору» на Атемаро-Саранской засечной черте в XVII веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – №6: в 2-х ч. – Ч.1. – С.86–88.
25. Калинин Н. Возникновение и рост Тетюш // Записки Тетюшского музея. – 1928. – №4. – С.4–12.
26. Каппелер А. Россия – многонациональная Империя: возникновение, история, распад. – М., 2000. – 344 с.
27. Каргалов В.В. Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI–XVII веках // Военно-исторический журнал, 1986. – №12. – С.61–67.
28. Клеянкин А.В. Родное Присурье. Историко-экономический очерк. – Ульяновск, 1974. – 100 с.
29. Кочетков В.Д. Алатырь. Краткий исторический очерк. – Чебоксары, 1978. – 200 с.
30. Лебедев В.И. Засечные черты Русского государства XVII в. на до-революционных археологических картах // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994. – С.137–145.
31. Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. – Саратов, 1986. – 136 с.
32. Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI в. // Военно-исторический сборник. – Вып.20. – 1948. – С.3–28.

33. Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования: систематический сборник исторических сведений о г. Симбирск. – Симбирск, 1898. – 400 с.
34. Мартынов П. Книга стрелецкая города Симбирска. – Симбирск, 1897. – 112 с.
35. Назарова И.В. Архитектурно-пространственная организация оборонительно-крепостных комплексов Волго-Камья середины XVI–XVII веков: Дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2009. – 168 с.
36. Никонов В.А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // Вопросы географии, 1960. – Сб.50. – С.172–194.
37. Ошанина Е.Н. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: Сб. ст. – М., 1961. – С.50–74.
38. Памятная книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 гг. – Казань, 1862. – 280 с.
39. Пашина Е.В. Деревня Пролей Каша Тетюшского уезда в 1611–1618 гг. (по материалам дозорной книги) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. ст. Вып.3. – Казань, 2013. – С.190–201.
40. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). – Одесса, 1882. – 367 с.
41. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 гг. Публикация текста / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А.Мустафина. – М., 2001. – 541 с.
42. Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. – Симбирск, 1900. – 71 с.
43. Порфирьев С. Роспись служилым людям по области Казанского Дворца на 7146 (1637) год // ИОАИЭ, 1912. – Т.28. – Вып.4–5. – С.456–467.
44. Поспелов Е.М. Названия городов и сел. – М., 1996. – 148 с.
45. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – 360 с.
46. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. – Казань, 2006. – 391 с.
47. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 955.
48. Савельев А. О сторожевых засечных линиях на юге в Древней России. – СПб., 1876. – 6 с.
49. Сборник историко-статистических материалов по Симбирской губернии, 1868. – Т.4. – 327 с.
50. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – 752 с.
51. Хохряков, В.Х. О сторожевых чертах в Пензенской губернии. XVI – XVII вв. // Труды Пензенской учебной архивной комиссии. – 1903. – Кн.1. – С. 30–41.
52. Чекмарев П.А. Есть на Волге городок... (из прошлого и настоящего города Тетюши и Тетюшского района Татарстана). – Казань, 2004. – 400 с.

53. Шперк В.Ф. Фортификационный словарь. – М., 1946. – 126 с.

54. Эдвард Л. Кинан. Московия и Казань: некоторые вводные замечания к модели степной дипломатии / перевод И.Л. Измайлова // Панорама-форум. – 1995. – №1. – С.66-81.

55. Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. – М., 1916. – 312 с.

Е.В. Пашина

**Иске (Карла) һәм Яңа Тәтеш саклагыч корылмалары тарихыннан
(XVI гасырның II яртысы – XVII гасыр уртасы)**

Мәкалә XVI гасырның икенче яртысы – XVII гасыр уртасында Иске (Карла) һәм Яңа Тәтеш саклагыч корылмаларының Урта Идел төбәге ныгытмалары системасында тоткан урынын, төзелү сәбәпләрен, топографик урнашуларын, шулай ук аларның руслар тарафыннан чиктәш территорияләргә колонизацияләүдәге ролен ачыклауга багышлана.

Ачык сүзләр: XVI гасырның икенче яртысы – XVII гасырда Урта Идел төбәге саклагыч сызыклары, Тәтеш кирмәне, Иске Тәтеш (Карла) саклагыч сызызы, Яңа Тәтеш саклагыч сызызы.

E.V. Pashina

**From history of the Old Tetyushskaya (Karlinskaya)
and New Tetyushskaya defense (zasechnaya) lines
(the second half of XVI – the middle of the XVII centuries)**

Article is devoted to definition of a place by the Old Tetyushskaya (Karlinskaya) and the New Tetyushskaya defense (zasechnaya) lines in system of the Middle Volga strengthened lines in the second half of XVI – to the middle of the XVII centuries, the reasons of their construction and topographical localization, and also their role in the Russian colonization of the border territory.

Keywords: the Middle Volga strengthened lines in the second half of XVI – the middle of the XVII centuries, fortress Tetyushi, Old Tetyushskaya (Karlinskaya) defense (zasechnaya) line, New Tetyushskaya defense (zasechnaya) line.

Пашина Екатерина Владимировна – аспирант отдела средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ; e-mail: tanja.pashina@mail.ru

Пашина Екатерина Владимир кызы – ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты урта гасырлар бүлегенә аспиранты.

Pashina Ekaterina Vladimirovna – postgraduate student of the Department of medieval history of Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Из практики правового регулирования случаев банкротства в Казани в конце XVIII – начале XIX веков

В статье по архивным источникам на основе фактов банкротства предпринимателей губернского города – русских и татарских купцов – освещаются вопросы правового регулирования банкротства, которое защищало в основном интересы кредиторов, в конце XVIII – начале XIX веков.

Ключевые слова: банкротство, Устав о банкрутах, Казань, кредиторы, купцы.

В начале XIX в. процедуру банкротства в Российской империи регулировал Устав о банкрутах от 19 декабря 1800 г.¹ Он состоял из 2-х частей. Первая часть называлась «Для купцов и другого звания торговых людей, имеющих право обязываться векселями», и охватывала случаи торговой несостоятельности. Вторая часть носила название «Для дворян и чиновников» и устанавливала правила неторговой несостоятельности. Устав 1800 г. впоследствии был дополнен Указами и Законами 1807, 1808 (1809), 1823, 1827, 1830, 1831 и 1832 гг.

В Банкротском уставе записано: «Банкрот есть тот, который не может сполна заплатить своих долгов» (отделение 1, ст. 1). Это состояние должника могло объясняться следствием или очевидной недостаточности имущества, или стечения таких обстоятельств, как временное расстройство дел, которые дают основание предполагать недостаточность у должника средств и невозможность полной расплаты с кредиторами (отделение III, ст.3–7). В Уставе различалось три вида несостоятельности: простое банкротство – неосторожная несостоятельность, подложное или злонамеренное – злостное, и безвинное банкротство – непорочное (отделение II, ст.2).

Закон отделил несостоятельность от несчастья, от небрежности и от пороков, банкрота – лицо, производящее торговлю, от несостоятельного должника – лица неторгового состояния, впавшего в неоплатность, ввел критерий неоплатности, которая рассматривалась как социально-торговое преступление и вменялась в вину должника, а

---

¹ Устав о банкрутах // ПСЗ–1. – Т.26. – №19692.

банкротство считалось одним из проявлений и юридических последствий несостоятельности.

Доказательством вида несостоятельности могли служить записи в купеческих книгах, которые ввел Банкротский устав (отделение XXV, статьи 141 и 142). Не только купцам, но и всем торгующим предписывалось иметь купеческие книги: «1) для копий со всех отходящих писем; 2) мемориал для ежедневной записки всех дел; 3) касса денежному приходу и расходу; 4) журнал в порядок приведенный; 5) фактурная или счетная купленным товарам; 6) продажным товарам; и 7) главная книга, или gros-бух, из которой ежегодно и во всякое время в подобных случаях можно сочинить баланс и видеть состояние дел». Книги имели доказательную силу, если велись по установленным правилам и с надлежащей исправностью, в торговых делах, в делах, которые касались товарной и фондовой торговли, денежных займов и других торговых обязательств, обыкновенно вносившиеся в книги. «В сих книгах с начала года, означив месяц и число, записывать, в чем состоит собственный капитал, кому, чем и за что должен, какие у него взяты товары в долг или за деньги, одним словом, записывать все торговые дела, т. е. все покупки, продажи, денежный приход и расход ... для того единственно, чтобы в случае можно было отличить умышленного банкрота документами, от невинного, из коих сей последний мог ясно доказать таковыми, что неверность собственных его должников или приключившаяся им утрата, или несчастья, неизбежные для человека, невзирая на всю его осторожность, честность и рачительность его имения, а первого открыть плутовства, чтобы наказать, или проторговавшимся»².

Хранились книги у торговцев и ежегодно должны были представляться для фиксации самого факта их ведения. В ст.144 купцам на определенных условиях разрешалось книги не вести: «Кто ведет торг большой, или малой собственно своим капиталом, не одолжался ни кому кредитом и векселями, тем во время такового торга оставляется на волю вести книги, кто какие пожелает». В Казани книги за 1816 год предъявили 83 купца из 221, записанных в гильдии, или 37, 6%. Например, купец Л. Крупеников представил 7 книг с записями о своих торговых делах³.

---

² НА РГ. Ф.3. Оп.1. Д.12804. Л.97–97об.

³ Там же. – Л.185.

Новым в законодательстве о банкротстве явилось введение мер по обеспечению иска в отношении предполагаемого банкрота. Эти меры применялись как по отношению к личности самого должника, так и по отношению к его имуществу (арест имущества должника, выражающийся в опечатывании не только имущества должника, но и документации, связанной с его деятельностью). Для несостоятельных, впавших в неосторожную и злонамеренную несостоятельность, кроме несчастной, применялся арест.

Г.Ф. Шершеневич писал: «...Наказуемость неосторожной несостоятельности, как преступного действия под именем простого банкротства, основывается на обязанности каждого лица заботиться об удовлетворении сделанных им долгов. Когда лицо, сознающее свою неоплатность или, во всяком случае, понимающее расстройство своего имущества, продолжает, тем не менее, относиться с полным пренебрежением к интересам своих кредиторов, вести жизнь по расходам не соответствующую оставшимся средствам, бросаться на явно рискованные операции, – закон не может не остановить его, предупредив угрозой наказания»⁴.

Банкротским уставом вводился институт кураторов. Ст.25 определяла: «Конкурс есть собрание кредиторов, или верителей, в котором дела банкротские разбираются Кураторами или Попечителями».

В рассматриваемый период правовое регулирование института банкротства исходило в основном из интересов кредиторов. В деловой практике имели место мировые соглашения между должником и кредитором. Приведем два примера обычной практики таких соглашений. 5 апреля 1799 г. банкротом был объявлен казанский мещанин Федор Кафтанников, который не смог погасить долг по трем векселям. Заинтересованные стороны пришли к решению: один вексель московскому купцу Подосенову на сумму 100 руб. 80 коп. был переписан со сроком выплаты через 10 лет, второй – казанскому купцу Мургазину (156 руб. 16 коп.) – через 2 года, третий – калужскому купцу Андрею Потапову на сумму 142 руб. был погашен⁵. Казанский купец Афанасий Уколовский по трем заемным письмам оказался должен казанскому купцу Якову Кадалову 2 299 руб. Купцы пришли к соглашению, по которому должник выплатил сразу долг в размере

---

⁴ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. – Т.IV. – М.: СТАТУТ, 2003. – С.539.

⁵ НАРТ. Ф.26. Оп.1. Д.3. Л.77–77об.

299 руб., а выплату остальных денег рассрочил на 2 года, с выплатой по тысяче руб. ежегодно⁶.

Но нередко к соглашению придти не получалось. Процедуры, предусмотренные законодательством, применялись только в случаях недостаточности имущества должника для погашения всех требований кредиторов в полном объеме. Круг подлежащих учету требований кредиторов, сам перечень таких лиц и их очередность определялась решением городского магистрата.

В зависимости от причин несостоятельности в соответствии с указом от 13 апреля 1799 г. должник отвечал за неуплату долга своим имуществом и (или) имуществом своего поручителя, а если кредиторы были согласны, то возможна была рассрочка выплаты долга, при этом очень часто должник продолжал заниматься коммерцией.

Когда несостоятельность была вызвана виновными действиями должника, либо иные формы взыскания оказывались безуспешными, указ от 19 июля 1736 г. предоставлял кредиторам возможность самим искать скрытое имущество должника, и предусматривал такую меру ответственности, как «отдача должника в зажив». Отдачу «в зажив» можно рассматривать как развитие давней формы зависимости – закупничества – одного из видов долговой зависимости. Должника передавали кредитору, у которого он отрабатывал долг до полного его погашения. Законодательно эти вопросы были урегулированы в Купеческом уставе 1727 г., разработанном комиссией по коммерции, учрежденной Петром I, однако положение о выдаче головою «до искупа» содержалось еще в судебныхниках 1497, 1550, 1589 гг. Указ 1736 г. уточнял процедуру передачи в обработку.

Сумма долга не играла никакой роли, если должник оказался не в состоянии его выплатить. Судя по делам Казанского городского магистрата за 1801–1805 гг., «в зажив» отдавали за долг от 30 руб. 75 коп. до 3504 руб. 35 коп.⁷ Подчеркнем, на практике передача «в зажив» должника и его поручителя проводилась только тогда, когда иные формы взыскания оказывались безуспешными.

Отдача «в зажив» в конце XVIII – начале XIX в. являлась в Казанской губернии распространенной практикой. Она проходила на основании решения Казанской Палаты Гражданского суда, когда векселедавцу выдавалась «владеная» на должника. Должник сам

---

⁶ Там же. – Л.95.

⁷ Там же. – Л.86–87; Д.2. Л.58об.

должен был найти «оплатчика» среди своих кредиторов, который соглашался выплачивать его долг, переселялся в дом заимодавца, так как своего жилья лишался, и до момента выплаты долга «оплатчик» считался его хозяином⁸. Без разрешения своего хозяина ему запрещалось надолго покидать новое место жительства, а если в том была нужда (болезнь, коммерческие или другие нужды), то оговаривался срок возвращения. Если дело требовало отъезда из города, например на Макарьевскую ярмарку, с просьбой о выдаче паспорта обращался хозяин, на которого ложилась обязанность выплаты всех податей за подопечного⁹. Хозяин обязан был извещать Казанский городской магистрат об отбытии должника, с указанием места и цели отъезда, даты возвращения, а по прибытии – вновь докладывать в магистрат¹⁰. В случае невозвращения в срок, пропажи или смерти подопечного кредитор также извещал власти.

Часто дело в суде заканчивалось соглашением между заимодавцем и должником. Так, Казанская палата гражданского суда 27 октября 1803 г. констатировала невозможность выплаты долга в 800 руб. цеховым Степаном Поповским купцу Ивану Уржумцеву, ибо все его имение к этому времени было «истрачено» на выплату долгов по другим займам. Должник и его поручительница мать Татьяна Тимофеевна Поповская обратились к кредитору, чтобы тот согласиться получать от них ежегодно по 60 руб. под поручительство отца семейства цехового Кузьмы Поповского, а не отдавать их «в зажив». Стороны пришли к соглашению, зафиксированному городским магистратом 29 января 1804 г.¹¹

Каждый месяц должник выплачивал хозяину «заживные» деньги (2 руб. в месяц, или 24 руб. в год). Выплата самого долга по обоюдному согласию, подтвержденного решением магистрата, делилась на несколько лет. Так, в зачет долга в 1430 руб. 20¾ коп. с процентами Николаю Викторовичу Чичагову казанский цеховой Лаврентий Уфимцев 19 сентября 1793 г. был отдан «в зажив» кредитору на 17 лет 11 месяцев и 1 неделю с выплатой в год по 24 руб. «заживных». После смерти Чичагова он перешел в распоряжение вдовы¹². «В заживе» у заимо-

---

⁸ См., например, там же. – Л.138.

⁹ Там же. – Л.2.

¹⁰ Там же. – Д.2. Л.22об.–23.

¹¹ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.3. Л.71.

¹² Там же. – Л.44.

давца могло находиться сразу несколько человек¹³. Нередко банкрот, вопреки взятому обязательству оказывался не в состоянии выплачивать кредитору долговые деньги, и вновь подвергался судебному преследованию¹⁴. В делах Казанского городского магистрата зафиксированы случаи смерти должников, отданных «в зажив», тогда дело также считалось законченным и сдавалось в архив¹⁵.

Если кредитору выплачивался долг, то «владельная» сдавалась в городской магистрат или иную судебную инстанцию, и должник или становился свободным, или переходил «в зажив» к другому кредитору¹⁶. Его могли отдать в солдаты или сослать в Сибирь, если никто не брал банкрота «в зажив». При этом определенную часть долгов (в размере 100 руб.) обязан был оплатить тот, за кого должник пошел в солдаты. «В зажив» мог отдаваться не сам должник, а, например, его сын. Встречаются случаи, когда должника передавали другому хозяину в качестве оплаты по вексельному долгу¹⁷.

Из 16 случаев, зафиксированных в делах Казанского городского магистрата за октябрь 1803 и июль 1804 гг., отдачи должников «в зажив», только одно дело было заведено на неплательщика татарина. За долг казанскому служилому татарину Мустафе Муртазиновичу Апакову и купцу Бикбову Китаеву казанский мещанин Юсуп Юнусович Адамов был отдан 8 января 1801 г. «в зажив» казанскому мещанину Насыпу Муслимову¹⁸.

В определенных обстоятельствах кредитор вынужденно отказывался от своих претензий. Кредитор умершего должника казанского мещанина Ивана Девяткина купец 1 гильдии Иван Жарков «за невозможностью» получить долг в 480 руб. с жены должника Авдотьи «в силу не обнаружения имущества, ее бедности и болезни», согласился «оставить взыскание»¹⁹. Купец Иван Иванович Крупеников, у которого с 17 сентября 1801 г. «в заживе» были казанский мещанин Федор Дмитриев и его мать Екатерина Петровна, успел получить «законных» только за год – 24 рубля с должника и 12 руб. с его поручительницы. После смерти Дмитриева кредитор отказался от услуг

---

¹³ Там же. – Л.9, 90.

¹⁴ Там же. – Л.96–96об.

¹⁵ Там же. – Л.99.

¹⁶ Там же. – Л.9, 138об.

¹⁷ Там же. – Л.9–9об.

¹⁸ Там же. – Л.132об.

¹⁹ Там же. – Л.40об., 75об.

женщины, так как она «старая, больна лихорадкой, работать не может», и попросил всю сумму долга переложить на второго поручителя мещанина Егора Яковлевича Каретникова²⁰.

Как показывают дела городского магистрата, отдача «в зажив» к концу XVIII в. стала устаревшей практикой, не соответствующей уровню экономического развития страны, и для нормативного регулирования ситуаций, связанных с несостоятельностью, необходимо было создание новых законов. 25 июня 1832 г. был принят «Устав о торговой несостоятельности», практически полностью изменивший первую часть Устава о банкротях 1800 г., которая регулировала случаи несостоятельности «купцов и иного звания торговых людей».

Источники и литература

1. НА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.12804.
2. НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.2.
3. НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.2.
4. Устав о банкротях // ПСЗ–1. – Т.26. – №19692.
5. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. – Т.IV. – М.: СТАТУТ, 2003. –550 с.

Л.М. Свердлова

XVIII гасыр азагында – XIX гасыр башында

Казанда банкротлык очракларын хокукый яктан көйләү турында

Мәкаләдә архив чыганаклары буенча XVIII гасыр азагында – XIX гасыр башында банкротлыкка чыккан губерна шәһәренең эшмәкәрләре – татар һәм рус сәүдәгәрләре – мисалында банкротлыкны хокукый яктан көйләү мәсьаләсе яктыртыла. Канун күпчелек очракта кредиторны яклай торган булып чыга.

Ачкыч сүзләр: Банкротлык, Банкротлар турындагы устав, Казан, кредиторлар, сәүдәгәрләр.

---

²⁰ Там же. – Л.228об.–229.

**From practice of legal regulation of cases of bankruptcy in Kazan
at the end of XVIII – the beginning of the XIX centuries**

In article are taken up on archival sources on the basis of the facts of bankruptcy of businessmen of the provincial city – Russians and the Tatar merchants – questions of legal regulation of bankruptcy which protected generally interests of creditors, at the end of XVIII – the beginning of the XIX centuries.

Keywords: bankruptcy, the Charter about bankrupts, Kazan, creditors, merchants.

Свердлова Людмила Михайловна – кандидат исторических наук, доцент юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета; e-mail: sverdlm@yandex.ru

Свердлова Людмила Михаил кызы – тарих фәннәре кандидаты, Казан (Идел буе) федераль университеты юридик факультетының доценты.

Sverdlova Lyudmila Mikhaylovna – the candidate of historical sciences, the associate professor of law department of the Kazan (Volga) federal university.

Торгово-промышленная деятельность
казанских слободских татар в конце XVIII века

В статье представлен обзор торгово-промышленной деятельности татар г. Казани конца XVIII в. на основе анализа данных «Книги города Казани городских обывателей» («Бархатная книга» г.Казани).

Ключевые слова: торгово-промышленная деятельность, мануфактура, «Бархатная книга».

Вторая половина XVIII века стала знаменательной в развитии торговли и промышленности у татар Казанских городских слобод. Процессы первоначального накопления капитала в татарском обществе шли настолько успешно, что татарские торговые люди начинают развивать и промышленное производство. В течение второй половины XVIII века один за другим стали появляться различные предприятия, принадлежащие татарским купцам и предпринимателям, определились основные отрасли промышленности, ставшими традиционными для татар – кожевенное и мыловаренное производства.

Значительную роль в торговле играли купцы татарских слобод г. Казани. Особенно быстро стало расти их число после указа Сената в 1763 г. о разрешении казанским служилым татарам вести беспрепятственную торговлю. В документах Татарской ратуши отложилось множество прошений жителей слобод с просьбой о выдаче паспортов для выезда в другие губернии для «производства торговых промыслов». Так, в 1784 г. губернское правление запрашивало сведения из ратуши о количестве служилых татар, находящихся в ее ведении. Во время подачи сведений из 238 человек «находились в отлучке по пашпорту», то есть в отъезде по торговым делам, 27 человек.

«Жалованной грамотой к городам» от 21 апреля 1785 г. каждый, в зависимости от объявленного капитала от 1 до 50 тыс. рублей, мог записаться в гильдейское купечество¹. Появляются гильдейские купцы и у татар. Когда в Казани в начале 90-х годов XVIII века проходила перепись недвижимости, то всех, кто вел большой торг, отнесли к купечеству. К этому времени минимум капитала, необходимый для записи в купечество составлял: 10 тыс. руб. – купцам 1-й гиль-

---

¹ ПСЗ–1. – Т.22. – №16188.

дии, 5 тыс. руб. – купцам 2-й гильдии, 1 тыс. руб. – купцам 3-й гильдии.

По указу Казанского наместничества от 10 августа 1790 года в третью гильдию казанского купечества был зачислен служилый татарин Старо-Татарской слободы г. Казани Муртаза Кулмаметов. В сентябре того же года гильдейским купцом становится служилый татарин той же слободы Юсуп Китаев. Несколько позже были приняты в число гильдейских купцов Халид Уразаев, Галим Ишмухаметов и другие выходцы из Старо-Татарской слободы. Всего к 1790 г. в купечество вышли 15 семейств, состоявших из 54 душ. Из них 10 – купцы второй гильдии, 5 – третьей гильдии². В целом удельный вес татар в числе купцов Казани был небольшим. Так, всего по г. Казани к этому времени купцов 1-й гильдии исчислялось в 42 домах 92 человека, 2-й гильдии (включая иногородних) – в 94 домах 260 человек, 3-й гильдии в 292 домах 1467 человек³. Запись в купечество продолжалось и в последующие годы. В 1799 г. в гильдейском купечестве состояли 32 семьи казанских служилых татар, в том числе второй гильдии – 8 семей, в третьей гильдии – 24.

По сведениям «Книги города Казани городских обывателей» («Бархатная книга» г. Казани 1789, 1790, 1791 гг.) можно утверждать, что население Новой и Старой татарских слобод было активно вовлечено в торговую и производственную деятельность. Практически вся активная часть татарского населения города в той или иной степени занималась торговлей, а имевшие большие капиталы, строили здания кожевенных и мыловаренных «заводов» преимущественно рядом с домом. Основной центр кожевенного и мыловаренного производств был сосредоточен в татарских слободах г. Казани.

Всего в «Бархатной книге» учтено 35 «заводов» в Казани, принадлежавших татарским владельцам. Из них 22 кожевенных, 10 мыловаренных, 2 салотопенных (сальных) и 1 свечной.

Часть татарского населения Казани, в том числе живших не только в самих татарских слободах, была из приезжих купцов и предпринимателей. Так, Абдулгази Алеев происходил из служилых татар деревни Менгер Арского уезда. Хотя сам не жил постоянно в городе, а больше в деревне, имел каменный дом в части города, от-

---

² НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1.

³ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.390, 428об.

носившейся к приходу Воскресенской церкви⁴. Казанский второй гильдии купец Баязит Усманов так же родом из Арского уезда имел каменный дом по Воскресенской улице, построенный им вместе с двоюродными братьями Манасыпом Абдрашитовым и Хамитом Саитовым⁵. Казанский второй гильдии купец Мухаметрахим Утямышев, живший большей частью в деревне Маскара, имел деревянный дом по улице Большая Егорьевская⁶.

Имевшие «заводы» слобожане иногда сами не занимались производством, а сдавали их в наем. Так, служилые татары Салек и Якуп Аитовы имевшийся при их доме деревянный кожевенный завод сдавали в наем, за что получали плату⁷. Такая же ситуация было с кожевенными заводами Загифы Зайтовой, и Сагита Зайтова⁸. Кому сдавали в наем, в источнике не указано.

Некоторые слободские татары открыли по несколько «заводов». Так, служилый татарин Галанский Бикбов Бикмеев вместе со своим многочисленным семейством содержал сразу четыре «завода»: один мыловаренный, три кожевенных, в которых производились юфтяные и козловые кожи⁹. Служилый татарин Нуркин Муртаза Рахманкулов владел двумя предприятиями: кожевенным и мыловаренным «заводами» и вел оптовой торг мылами и кожами¹⁰.

Собственниками нескольких предприятий считались жены умерших ко времени учета владельцев. Так, Загифа Зайтова – жена умершего служилого татарина Мухамета Кутлина Медведева владела при своем доме деревянным кожевенным «заводом», в котором производство велось временно, а плата поступала посторонним людям, т.е., можно сказать, это предприятие так же давалось в наем¹¹. А вот кожевенный «завод» Зюлейхи Кутлиной – вдовы умершего татарской слободы служилого татарина Мустафы Неязова, не действовал¹².

Часто мыловаренные и кожевенные «заводы» представляли собой семейные предприятия. Так, слободские татары Менглибай, Искак и

---

⁴ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.30б.–4.

⁵ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.330об.

⁶ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.332об.

⁷ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.23.

⁸ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.120–120об.

⁹ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.86об.–87.

¹⁰ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.237об.

¹¹ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.120.

¹² НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.177об.

Мухамет Рысметева дети Чапаевы имели построенный ими деревянный дом в Новой татарской слободе под №1675, а Мухамет при доме еще построил особое строение – кожевенной «завод». Если Минглибай и Искак торговали в сырейном ряду сырыми кожами и по уездным округам мелочным товаром, т.е. в том числе доставляли сырье для кожевенного завода их брата Мухамета, а последний еще торговал в подошвенном ряду и в лавках собственным произведенным товаром¹³.

В одном случае упоминается сальный «завод», владельцем которого был слободской служилый татарин Муллин Баязит Саинов, поселившийся на улице Малой Евангелистовской, и указывается, что он занимается ремеслом – литьем сальных свеч¹⁴.

Кожевенные и мыловаренные «заводы» слобожан представляли собой находящиеся в доме или при доме производственные помещения.

Таким образом, к концу XVIII столетия в татарских слободах Казани сложилась и стала основным занятием населения торгово-промышленная деятельность (см. Приложение: Таблица №1 и №2). Слободские татары снабжали своей продукцией не только население края, но и некоторые зарубежные государства. Немало кож, мыла вывозилось в восточные страны – Среднюю Азию, Китай, Индию, Персию.

Приложение

Таблица №1

Кожевенные, мыловаренные и сальные (свечные) «заводы» служилых татар г.Казани в 1789–1791 гг. (по «Книге города Казани городских обывателей»)¹⁵

№	Владелец	Вид производства	Торговля произведенным товаром	примечания
1	служилые татары Салек и Якуп Аитовы	кожевенный	–	отдают в наем
2	служилый татарин Халит Асанов	кожевенный	в сырейном ряду Гостиного двора г.Казани	
3	служилый татарин Смаил Апанаев	кожевенный	–	
4	служилый татарин Юсуп Азметев	кожевенный	–	

¹³ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.357.

¹⁴ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1. Л.224об.

¹⁵ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1.

5	служилый татарин Галанский Бикбов Бикмеев	кожевенный	в юфтевом ряду Гостиного двора г.Казани	козловые кожи
6	служилый татарин Галанский Бикбов Бикмеев	кожевенный	в юфтевом ряду Гостиного двора г.Казани	юфтевые кожи
7	служилый татарин Галанский Бикбов Бикмеев	кожевенный	в сырейном ряду Гостиного двора г.Казани	
8	служилый татарин Галанский Бикбов Бикмеев	мыловаренный	в мыльном ряду Гостиного двора г.Казани	
9	вдова Загифа Зайтова	кожевенный	–	отдает в наем
10	служилый татарин Сагит Зайтов	кожевенный	–	отдает в наем
11	служилые татары Даут и Искак Аитмамметевы Замановы	мыловаренный	–	
12	служилые татары Якуп и Яхья Измаиловы	кожевенный	в уездных окру- гах, городах и ярмарках	
13	вдова Зюлеха Кутлина	кожевенный	–	Не действует
14	служилый татарин Медведев Бакей Юсупов	кожевенный	в сырейном ряду Гостиного двора г.Казани	
15	служилый татарин Муртаза Мусинов	мыловаренный	–	
16	служилый татарин Медведев Муртаза Мухаметев	кожевенный	в уездных окру- гах и ярмарках	
17	служилый татарин Муллин Баязит Саинов	свечной	в уезде	
18	служилый татарин Нуркин Муртаза Рахманкулов	мыловаренный	–	оптовая про- дажа мыла
19	служилый татарин Нуркин Муртаза Рахманкулов	кожевенный	–	оптовая про- дажа кожи
20	вдова Сафура Неизова	кожевенный	–	через приказ- чика
21	служилый татарин Абдулла Рахметуллин	кожевенный	в уездных окру- гах и ярмарках	
22	служилый татарин Га- байдулла Рахметуллин	кожевенный	–	
23	служилый татарин Абрешит Сеинов	кожевенный	в уездных ярмарках	

24	служилый татарин Биккена Суханкулов	сальный	в уездных яр-марках	
25	служилые татары Мукаш и Абдулла Рахметуллины	кожевенный	в сырейном ряду Гостиного двора г.Казани	
26	служилый татарин Абдрешит и Абсалям Рахметуллины	кожевенный	в уездах	
27	служилый татарин Абдрешит и Абсалям Рахметуллины	мыловаренный	в уездах	
28	коллежский регистратор казанской гимназии татарского диалекта учитель Хальфин Исхак Заитов	мыловаренный	–	
29	служилый татарин Хальфин Мухаметрахим Асанов	мыловаренный	–	
30	Хальфин Яфер Асанов	мыловаренный	–	
31	Мухамет Рысметев Чапаев	кожевенный	–	
32	Муса Мухаметшафеев	кожевенный	–	
33	Юсуп Юнусов	мыловаренный	в мыльном ряду Гостиного двора г.Казани	
34	Юсуп Юнусов	салотопенный	–	
35	Сагит Якупов	мыловаренный	в уездах	

Таблица №2

**Татарские купцы г.Казани в 1789–1791 гг.
(по «Книге города Казани городских обывателей»)¹⁶**

№	Татарские купцы	гильдия	№дома по «Бархатной книге»
1	Баязит Усманов	вторая	515
2	Мухаметрахим Утямышев	вторая	660
3	Заина Утяганов	вторая	1296
4	Манасып Абдрашитов	вторая	515
5	Муслюма Биктина	третья	–
6	Гумер Искаков	вторая	не имеет
7	Валит Муслюмов	вторая	не имеет

¹⁶ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1.

8	Абдулзялил Мясягутов	вторая	не имеет
9	Губай Мусин	вторая	не имеет
10	Фатма Мрясова	третья	при муже
11	Бикбов Биккулов сын Нарыков	вторая	не имеет
12	Хамит Сагитов	третья	515
13	Абдулкарим и Абдуллатыв Усмановы	третья	не имеют
14	Сулейман Назиров сын Хозесеитов	вторая	не имеет
15	Гумер Якупов	третья	не имеет

Источники и литература

1. ПСЗ–1. – Т.22. – №16188.
2. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1.

И.Ж. Фәйзрахманов

Казан бистэләре татарларының XVIII гасыр ахырындагы сәүдә-сәнәгать эшчәнлегә

Мәкаләдә Казан шәһәре «Бәрхет китабы» мәгълүматларын анализлау нигезендә Казан бистэләре татарларының XVIII гасыр ахырындагы сәүдә-сәнәгать эшчәнлегә тасвирлана.

Ачкыч сүзләр: сәүдә-сәнәгать эшчәнлегә, мануфактура, «Бәрхет китабы».

I.Z. Faizrahmanov

Trade and industrial activity of Kazan suburban Tatars in the end of XVIII century

This article presents author's review of trade and industrial activity of Kazan Tatars in the end of XVIII century, according to data analysis of «Barkhatnaya kniga» (The book of Kazan city inhabitants).

Keywords: Trade and industrial activity, manufactory, the Barkhatnaya kniga.

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ; e-mail: fayil81@mail.ru

Фәйзрахманов Илшат Жәүдәт улы – тарих фәннәре кандидаты, Татарстан Фәннәр академиясе Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты урта гасырлар бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре.

Faizrahmanov Pshat Zavdatovich – the candidate of historical sciences, the senior scientific researcher of the Department of medieval history of Sh.Marjani Institute of History of AS RT.

Из истории христианизации татар Поволжья в XVIII в.

В статье рассматриваются особенности христианизации – насильственного крещения татар татар-мусульман в Среднем Поволжье, начиная со времени правления Петра I и до завершения деятельности «Конторы новокрещеных дел».

Ключевые слова: новокрещеные, христианизация, Лука Канашевич, Новокрещенская контора.

История крещения татар освещена или затронута не в одном десятке научных и историко-публицистических работ. Допуская, что не всем известна эта литература и учитывая важность осмысления всей трагедии духовной истории татар 240–270-летней давности, есть необходимость сделать краткий экскурс в трагические события.

Петр I поддерживал стремление великодержавных сил распространить православие среди мусульман и язычников, хотя и понимал, что в этом деле необходимо исходить из принципа добровольности. Однако воинствующая церковь и идеология нового, купеческого, сословия требовали проведения более радикальных мер. Эти настроения и требования наиболее ярко отражены в «Завещании отеческом» публициста и идеолога нарождающегося класса торговцев И.Т. Посошкова, составленном в 1712–1714 гг. В этом призыве со всей циничной откровенностью требуется ликвидация нерусских народов в колониях царизма. Для иллюстрации ситуации приведем лишь один отрывок в оригинале языка XVIII в.: «А егда (когда – *Р.Ф.*) застарееет в них (крещеных. – *Р.Ф.*) христианская вера...¹ то надлежит ... иноязычникам безграмотным ... указ предложить ... еже бы дети их десятилетные вся умели по руски глаголати. А буде кой отрок или отроковица до десяти лет рускаго языка совершенно не научится, и тех детей у них отымать и отдавать всякого чина людям русским в вечную работу тем, которые их усмотрят ... И такого ради положения вси будут детей своих учить по руску говорить и, детей уча, мало-по-малу и сами научатся рускому языку. А егда те дети возмужают, то мочно запретить,

---

¹ Сокращения здесь и далее в тексте сделаны при издании сочинения Посошкова в «Истории Татарии в материалах и документах», откуда цитируется данный отрывок.

чтоб отнюдь, ни старой, ни малой кроме русского языка и между собою отнюдь не говорили. И такова ради предела вси обрусуют...»².

Миссию крещения татар Петр I поручил назначенному в 1699 г. на казанскую метрополию «преосвященному» Тихону. Новый архиепископ долго занимал свой пост – 25 лет, до своей смерти в 1724 г. Он весьма усердно взялся за реформу по обращению «инородцев», главным образом татар, в православную веру. В то же время Тихон встретился в Казани с целым рядом трудностей в своей «просветительской» деятельности: из 30 тысяч татар, крещеных еще в XVI в., многие отпали от христианства, о чем архиепископ доносил в Синод в 1722 г. Тихон писал, что татары «непокорливы, по прежнему своему обыкновению в мерзостях закоснели; иные из них в церковь не ходят, к домовым требам священников не призывают и не исповедываются, и умерших без священников (попов – *Р.Ф.*) погребают в лесах и на полях»³.

В самый начальный период своей архипасторской службы, с 1701 по 1705 гг., Тихон сумел крестить 3683 иноверца; впоследствии, вместе со своим помощником, иеромонахом Алексеем Раифским он крестил множество марийцев и удмуртов в Казанской и Вятской губерниях. Тихон понимал, что одна лишь проповедь среди «неверных» не сможет привести к желаемым результатам. Он обратился к царю с просьбой о предоставлении льгот для новообращенных. В 1720 г. вышел сенатский указ, повелевавший освобождать крестившихся на три года от всяких поборов и податей и выдавать ежегодно казанскому метрополиту на строительство церквей для них и раздачу крещеным 1000 рублей (сумма, отнюдь немалая для тех времен).

При Тихоне в Казани были открыты «цыфирная», т.е. математическая, а также славяно-латинские школы, впоследствии, после его смерти, названная казанской семинарией. В 1725 г. на казанскую епархию был назначен рязанский митрополит Сильвестр, через семь лет его заменил Иларион из Киевской духовной академии. Последний представил Синоду проект о необходимости учредить в епархии четыре инородческие школы для обучения там «крещеных и некрещеных инородцев», и в 1736 г. Сенатским указом было велено учре-

---

² Истории Татарии в материалах и документах. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – С.325.

³ Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. – С-Пб.: Издание А.А. Дубровина, 1890. – С.136.

дять такие школы: в Казани при Федоровском монастыре (на Федоровском бугре; на этом месте в настоящее время расположен Казанский национально-культурный центр); в Елабуге, в Цивильске и Царевококшайске. Однако «преподобный» Иларион не успел привести в исполнение этот указ – его перевели в Чернигов, а в Казань назначили епископа суздальского Гавриила. Он на редкость оказался противником новых начинаний, в том числе и в вопросе об иногородческих школах. Его обвинили в самовольном распусчении учеников из школ, перевели в Устюг, а устюжского епископа Конашевича поставили во главе Казанской епархии.

Начался совершенно новый, доселе невиданный этап крещения нерусских народов Среднего Поволжья, особенно татар, – этап насильственной христианизации и руссификации, который приобретал порой жесточайшие, самые жуткие формы. Руссификаторы отлично понимали, что дело с крещением татар и других народов Поволжья обстояло плохо. Например, если за 1719–1724 гг. было крещено 2184 человека, то в последующие годы, до 1731 г. – всего 811. Чтобы изменить положение, в 1731 г. создали «Комиссию для крещения казанских и нижегородских мусульман и других иноверцев» с центром в Свияжске, которая в 1740 г. образуется в «Контору новокрещеных дел», больше известную как «Новокрещенская контора», и это делается уже при упомянутом архиерее Конашевиче, развернувшем, свою деятельность, как неистовый и жестокий миссионер, в 40-х – сер.50-х годов XVIII столетия. Если раньше, даже при Иване Грозном, крещение татар проводилось в основном на экономическом принуждении, выделяя какие-то льготы крещеным, то теперь встали на открытый насильственный путь: проводили побои, другие формы физического насилия, издевательства. У «Новокрещенской конторы» были свои вооруженные части. Попы вместе с солдатами ездили по татарским деревням, силой сгоняли к речке население и «крестили». Любому проявлению недовольства и сопротивления солдаты отвечали плетью да прикладами. Само крещение проводилось весьма условно: священнику достаточно было облить водой человека, во многих случаях связанного, и тот был «готов». Крестили не только деревнями, но и целыми округами, притом поспешно, в кратчайшие сроки. Нередко бывали случаи, когда ездившие по татарским и другим нерусским деревням миссионеры просто хватали игравших на улицах детей, отводили их в Казань и, окрестив, сажали в Зилантов монастырь для «воспитания».

Помимо рядовых миссионеров, сам «светлейший» «Аксак Каратун» в сопровождении его «благочестивой» свиты устраивал публичные крещения татар, применяя при этом страшные пытки и издевательства. Приведем один, довольно характерный случай. Сотник Мухаметша Кутлин жаловался потом, что его, закованного в цепь, вынудили «вместо медведя в колесе ходить» и качать воду из колодца до изнеможения. Все это делалось под ударами кнута. Истязания сотника продолжались несколько дней и он был «крещен» уже в состоянии полного беспомощности.

Помощниками Конашевича были фанатичные миссионеры, среди которых особо отличался, например, архимандрит Дмитрий Сеченов, стоявший во главе миссии, занимавшейся непосредственно христианизацией нерусских народов. Именно он за два года (1740–1742) крестил более 10000 человек; затем был переведен епископом в Нижний Новгород, где в течение четырех лет обратил в христианство свыше 30000 иноверцев. Советник Новокрещенской конторы Борис Ярцев крестил 10000 человек нерусской «национальности».

На 30–40-е годы XVIII в. приходится массовый отход от православия крещеных татар Казанской губернии, несмотря на то, что именно в 40-е годы и в первой половине 50-х годов развернул свою буйную деятельность главный миссионер епархии Конашевич по крещению народов региона, особенно усердно – татар. Именно в эти 15–16 лет, т.е. в пик насильственной христианизации, православная церковь получила 400 тысяч новых членов. Однако татары, как и до этого, снова и снова возвращались в ислам. Поэтому, четкую цифру для последующих лет приводить весьма трудно, да и ни одно исследование подобных данных не дает.

Миссионеры только крестили иноверцев, но не успевали, да и толком не могли научить их новой вере. Как писал М.Н. Пинегин, духовенство «в большинстве случаев состояло из лиц малограмотных, часто не знавших, что такое само слово «вера», и не умевших даже церковную службу справить как следует»⁴. Правда, такое положение имело отношение к начальной поре петровско-тихоновских времен, и Петр I своим именованным указом предписал поповским и диаконовским детям учиться в школах, а если учиться не захотят, то их на отцовские места не посвящать; более того, за поставление безграмотного священника правительство угрожало архиереям лишени-

---

⁴ Пинегин М.Н. Указ. соч. – С.137.

ем кафедры. Позднее, при упомянутом выше Иларионе пригласили в Казань лучших тогда питомцев знаменитой Киевской академии: Пущек-Григоровича, Головапкого, Берутовича, Соколовского, которым в какой-то степени удалось продвинуть вперед обучение в школах букварю, псалтыри, чтению и письму по-гречески и по-латыни, хотя эти приглашенные сами еще не знали ни классических языков, ни поэзии, ни риторики, ни философии и богословия. Чего было ожидать после этого от рядовых преподавателей и иных наставников христианской веры в лице попов, диаконов и иных священников! Нетрудно представить каково было татарским детям, насильно закрытым в монастыри и инородческие школы: в чужой и враждебной среде, без знания чужого языка, при непонятных и неприятных для них чужих обрядах и обычаях, наконец, без материнской ласки и отцовской защиты...

Те четыре инородческие школы, которые открылись в 1735 г. в Казани, Елабуге, Цивильске и Царевококшайске и о которых мы писали выше, желаемых результатов не дали, и в 1753 г. Лука Конашевич вынужден был соединить их в одну школу в Казани. Да и она вскоре пришла в совершенный упадок. Современник существования казанской Новокрещенской конторы, прогрессивный русский историк М.М. Щербатов (1733–1790) об этой школе писал следующее: «Один Казанский архиерей (Л. Конашевич. – *Р.Ф.*) учредил для детей их (новокрещеных) училище, из которого хотел в священники их однородцов им посвящать, но из самого сего им произошло: взятые юноши в училище не имели никакого призрения, и почти с голоду большая их часть помирали. Сие произвело, что они стали с огорчением их отдавать, отчего последовали взятки, а потом падение сей школы...»⁵. Лука Конашевич запрещал лечить детей, так как находил, что «эти школьники к лечению не сродны» – так писал профессор Казанского университета, историк К. Харлампович⁶. Основное обучение в новокрещеных школах сводилось к зубрежке богослужебных книг. Новокрещенные дети из татар, чувашей, марийцев и др., толком не знавшие русского языка, естественно, ничего не понимали по

---

⁵ Щербатов М.М. Статистика в рассуждении России // Чтения Общества истории и древностей российских. – С-Пб., 1859. – С.64, 65.

⁶ Харлампович К. Казанские новокрещенные школы (к истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в.). – Казань, 1905. – С.39.

церковно-славянски и просто зубрили азбуку, псалтирь, катехизис, принимали участие в богослужении чтением и пением.

Профессор Казанского педагогического института, крупный специалист по истории педагогики В.М. Горохов (из крещеных татар) в своей книге «Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья» писал: «Люди, лишенные образования даже того времени, представляли механических чтецов и певцов, поэтому не могли оказывать ожидаемого религиозно-нравственного влияния на своих соплеменников. Так именно характеризуют плоды новокрещенских школ сами церковники, миссионеры. Принудительный набор детей в эти школы заставлял более или менее состоятельных родителей откупаться. Содержание, методы обучения, условия содержания детей в новокрещенских школах были пугалом для детей и их родителей. Новокрещенские школы наводили страх и ужас на местное население»⁷.

Озлобленность, ненависть Канашевича и его приспешников к татарам за их противодействия против крещения, за их возврат к магометанству, не знала пределов. Именно в этот период, в 40-х годах XVIII в. (к 1744 г.), происходило массовое разрушение мечетей, о чем мы уже писали выше, Аксак-Каратун не ограничился только этим: он продолжал насильно брать татарских детей в новокрещенские школы, в Старотатарской слободе выстроил церковь Святого Захария и Елизаветы и другую во имя братьев Евангелистов, Он выдумал своего рода психическую атаку на татар: организовывал крестные ходы по улицам татарских слобод с участием духовенства почти всех казанских церквей.

Среди татар назревало восстание против всего воинствующего мракобесия и насмешек, против продолжающихся крещения и разрушения мечетей. Царское правительство вынуждено было несколько смягчить свою антимусульманскую, антитатарскую политику. В 1756 г. было разрешено строить мечети и открывать при них школы, хотя только в тех селениях, где крещеных было менее 10% их населения. Приостановили также насильственные переселения татар в русские деревни, освободив их на один год от рекрута. В 1755 г. сняли Луку Конашевича с поста казанского архиерея и послали его в Белгород на аналогичную должность.

---

⁷ Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье. – Казань: Татгосиздат, 1941. – С.26, 27.

Народ давно возненавидел этого жестокого миссионера лютой ненавистью. Среди татар была распространена даже легенда, по которой Аксак-Каратуна заточили в Свяжский монастырь и в наказание за все свои злодеяния его голова была повернута лицом назад.

В 1764 г. была также ликвидирована Новокрещенская контора. В 1782 г. в г. Уфе было учреждено Мусульманское собрание во главе с первым муфтием Мухамеджан Хусаином. Этим уступкам в пользу мусульман способствовал и приезд в Казань в 1767 г. императрицы Екатерины II. Именно после посещения ею Казани начали строить мечети кирпично-каменной кладки, в том числе фундаментальные, соборные. Из подобных первых мечетей необходимо назвать: знаменитую мечеть Марджани в Казани (1770 г.), непрерывно функционирующую с тех пор по сей день; мечеть в дер. Нижняя Бересья, построенную даже за год до мечети Марджани, т.е. в 1769 г.; мечеть и в том же здании – ставшее потом широкоизвестным медресе в дер. Кышкар (1776 г.) – обе эти мечети находятся в знаменитом на весь татарский мир Заказанье, на территориях нынешних Атнинского и Арского районов Татарстана. Именно в эти годы возникают в Казани 3 медресе (средняя мусульманская школа) – это Ахуновское и Апанаевское (1771 г.), при доме Амирханова (1782 г.). Чуть позднее, в конце столетия, появляются подобные учебные заведения и в деревнях – помимо уже упомянутого Кышкарского, в Больших Менгерах, Богатых Сабах, Сатыше, Тютяре, Карилене, Килееве и других селениях.

Завершая краткое освещение истории насильственного крещения татар в XVIII в., одну из трагических страниц горького прошлого нашего народа, хочется обратиться к работе Н.А. Фирсова, наблюдения и выводы которого непосредственно связаны с проблемами большой разницы между не только православием и исламом, но и их служителями, актуальными вопросами влияния этих двух религий на умы, общественное сознание людей различного происхождения, другого языка, культуры и образа жизни. «Надо отдать справедливость, – пишет Н.А. Фирсов, – приволжским мусульманам: духовенство их пользовалось таким устройством и положением, несравненно успешнее могущими вести к цели, для какой назначается всякое духовенство, чем какими пользовалось наше, православное тогдашнее духовенство. В то время, как русский православный священник назначался в приход помимо часто всякого участия прихожан в его выборе, мулла всегда был выборным, а потому интересы его были тесно связаны с интересами мира, его избравшего; в то

время, как Русские православные люди в иных местах, по отдельности селений их от церквей, редко видали священника, у мусульман каждая деревня имела мечеть, одного или нескольких мулл, которые были в постоянном общении со своими прихожанами; у нас зачастую священниками были люди необразованные и малограмотные, у мусульман выбирались в муллы только те, которые приобрели известное образование, необходимое, по их понятию, для отправления обязанностей духовного звания; русский пастырь был унижен в обществе, оскорбляем и презираем, и всю свою деятельность ограничивал отправлением церковных служб и треб (потребностей – *Р.Ф.*); мулла пользовался высоким уважением среди своего мира, и деятельность его не ограничивалась механическим совершением религиозных обрядов, он был вместе с тем и учителем подростоящего поколения своих единоверцев, судья и даже лекарь. У духовенства, организованного таким образом, пользовавшегося таким великим влиянием среди мира, притом одушевленного теми стремлениями, которые связывались с самостоятельным существованием магометанских государств в пределах нынешней России (имеются в виду бывшие татарские ханства – *Р.Ф.*), хранившего предания былого времени и учившего прихожан в духе этих преданий и стремлений, – у такого духовенства нельзя было отвоевать враждебному ему движению духовных детей его. Напротив, оно само постоянно, и не без успеха, заботилось об увеличении своей паствы на счет языческого и даже христианского населения государства, и притом несмотря на строгое наказание, которое определялось за соращение в магометанство. Даже и теперь, когда положено было обратить инородческое население к Христу, магометанское духовенство не прекращало своей пропаганды. Строгие правительственные преследования этой пропаганды, кажется, на некоторое время ее ослабили; но за то никакими мерами не могли добиться сколько-нибудь видного успеха в деле обращения мусульман к крещению»⁸.

В примечаниях к вышенаписанному Н.А. Фирсов добавляет сведения из документов, свидетельствующие о крутых мерах правительства по отношению к татарам, которые кое-где попытались было вести свою миссионерскую работу среди народов Поволжья. Однако

---

⁸ Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация западных земель в это время. – Казань: университет. типогр., 1869. – С.176–179.

Уголовное уложение определило (гл. XII, ст. 24) «смертельную казнь сожжением (сожжением – *Р.Ф.*) без всякого милосердия тому бусурману, который какими-нибудь мерами, насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит и по своей бусурманской вере обрежет (сделает обрезание – *Р.Ф.*). Наказ губернаторам и воеводам определяет то же наказание за совращение в магометанство и язычников и вменяет губернаторам и воеводам накрепко смотреть за магометанскими учителями веры (ПСЗ. №5, 333)»⁹. Фирсов пишет также об одном следствии, произведенном в 1749 г. в Свяжской провинции: там оказалось 33 человека из чуваш, прошедших обрезание и принявших ислам; более того, явилось к следствию еще 260 чуваш, также сделавших обрезание, но которые не отказались от своей языческой веры. Всех их велено было обратиться в их прежнюю веру, если они не захотят обратиться к христианству, а обрезателей и совратителей в магометанство, которых нашли 16 человек, определено было сослать на поселение в Сибирь»¹⁰.

Со своей стороны хочу привести еще один пример: в 1848 г. состоялся судебный приговор по делу Гали (Гайсы) Сайфуллина, муллы д. Тюнтер Малмыжского уезда Вятской губернии «за совращение некрещеных вотяков из идолопоклонников в магометанство». В решении суда говорится, что мулла Сайфуллин не сознался в совращении в магометанский закон «некрещеных вотяков и чуваш разных селений, и сим последние на очных с ним ставках утверждали, что приняли тот закон по добровольному желанию»; однако суд обвинил их в даче ложных показаний и решил наказать «при сельской расправе розгами, дав каждому по двадцати ударов», а мулле сделали «строгое предупреждение с подпиской, чтобы впредь делать того не осмеливался, под опасением взыскания по строгости законов»¹¹.

Политика царизма по крещению татар не завершилась в XVIII в., а проводилась еще в последующем, XIX столетии, но уже более тонким, изошренным путем – пропагандой, проповедью христианства на их родном, татарском языке.

Крещение татар, происходившее в составе Российского государства после падения Казанского ханства, особенно в XVIII в., отличившееся своей массовостью (старокрещеные периода Ивана Гроз-

---

⁹ Фирсов Н.А. Указ. соч. – С.178.

¹⁰ Фирсов Н.А. Указ. соч. – С.178.

¹¹ История Татарии в материалах и документах. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – С.349, 350.

ного в отличие от новокрещеных XVIII столетия отличались менее массовостью) перевернуло судьбу определенной части татарского народа. Отдельные представители кряшен поднимают, особенно в последние годы, вопрос о выделении самостоятельной кряшенской нации («кряшен» – это сокращенная татарская транскрипция русского «крещеный»). Такое требование абсолютно не правомерно, ибо у кряшен, субэтнической группы татарского народа, нет отдельного языка, основного определителя нации, и говорят они, как и все татары, на татарском языке.

Вопрос о выделении «кряшенской нации» встал ребром в последнее время. Небольшой круг представителей кряшенской интеллигенции (их поддерживают некоторая часть заинтересованных чиновников и имперские силы центра) вводит в заблуждение как самих кряшен, так и в целом татарскую общественность, давая им ненаучную, просто-напросто ложную информацию об истории крещеных татар. Они усиленно муссируют совершенно нелепую мысль о том, что кряшены, мол, задолго до Ивана Грозного были православными чуть ли не с середины I тысячелетия н.э., во времена существования именьковской культуры (IV–VIII вв.), называя ее славянской. Тут самый непрофессиональный, непросвещенный подход к истории, археологии, археологическим культурам и памятникам. Во-первых, по остаткам материальной культуры (ее самый массовый вид, т.е. керамика, имеющая близость с такой группой болгарской ручной глиняной посуды как «пальцинская» и с керамикой типа А, тюркского круга памятников Среднего Поволжья VIII–IX вв.; отсутствие «стерильного», чистого, разделяющего слоя между культурными слоями именьковских и раннебулгарских поселений, свидетельствуя о том, что последний, VIII век существования именьковской культуры является началом распространения в регионе раннебулгарских и других тюркоязычных племен; ряд типов вещевого материала, в том числе, пусть самые редкие, но надежно датирующие – гуннские котлы IV в. с бассейна реки Сульчи на юге Татарстана), именьковская археологическая культура является раннетюркской. Во-вторых, в середине нашей эры на территории ни Среднего, ни вообще Поволжья, никогда не было славян. Они проживали в Среднем Приднепровье. До прихода первых тюркоязычных племен в Среднее Поволжье оно было родиной финно-угорских племен, что давно доказано археологически и по письменным источникам, в том числе русским летописям. Что касается аналогии древнеславянской культуры с так назы-

ваемой Черняховской археологической культурой, которую отдельные археологи Самары в свое время неудачно пытались было отождествлять с именьковской, то необходимо сказать следующее: во-первых, эта культура, т.е. Черняховская, была распространена на территории современной Украины, от Карпат до верхнего течения Северского Донца, и бытовала всего два столетия. Во-вторых, что весьма существенно (!) – между славянской культурой и Черняховской археологической культурой нет никакой генетической связи, это также давно доказано археологически¹². Да и сами славяне в это время не были еще православными, таковыми они стали лишь в конце X в. Поэтому попытка во что бы то ни стало удревить крещение кряшен со стороны отдельных радетелей «самостоятельной кряшенской нации» является просто-напросто невежеством!

А если отдельные личности, в той или иной степени связанные с татарами, приняли христианство еще до времен Ивана Грозного, например, в XIII в. (сын половецкого хана Кончака Юрий, сын Батухана Сартак, который, в отличие от своего отца-язычника, был христианином – несторианцем, и, естественно, вовсе не православным), однако, эти крайне редкие случаи ни в коем случае не свидетельствуют о крещении в те времена целой группы средневековых предков татарского народа.

Кряшены – это результат наследственной христианизации казанских татар после завоевания Казанского ханства, проведенной царским самодержавием в целях постепенного обрусения татар. Количество старокрещеных татар, по некоторым источникам, составляло в свое время около 30 тысяч, но часть из них – какая, не известно – вернулась в ислам. Сведений о количестве новокрещеных нет; многие из них вновь стали мусульманами в 30–40-х годах и с 60-х годов XVIII в.; часть – постепенно, на протяжении XIX – первой четверти XX вв. Оставшиеся в православной вере кряшены составляют в настоящее время около 3,0% общего числа всех татар.

---

¹² См. подробнее: Ляпушкин Н.И. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей // Вестник Ленинградского университета. – 1956. – №20. – Сер. История, языки и литература. – №4. – С.58–59; Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – С.46–51.

Источники и литература

1. Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – 524 с.
2. Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье. – Казань: Татгосиздат, 1941. – 260 с.
3. История Татарии в материалах и документах. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 503 с.
4. Ляпушкин Н.И. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей // Вестник Ленинградского университета. – 1956. – №20. Сер. История, языки и литература. – №4. – С.45–60.
5. Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. – СПб.: Издание А.А. Дубровина, 1890. – 679 с.
6. Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация западных земель в это время. – Казань: университет. типогр., 1869. – 445 с.
7. Харлампович К. Казанские новокрещенные школы (к истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в.). – Казань: 1905. – 91 с.
8. Щербатов М.М. Статистика в рассуждении России // Чтения Общества истории и древностей российских. – СПб., 1859. – Кн. III.

Р.Г. Фәхретдинов, Р.Р. Фәхретдинов

XVIII гасырда Идел буе татарларын чукундыру тарихыннан

Мәкаләдә Петр I дән башлап «Контора новокрещеных дел» оешмасының эшчәнлеген туктаганчыга кадәр булган вакыт аралыгында Урта Идел төбәгендә татар-мөселманнарны христианлаштыру үзгәргәнләре – көчләрне чукундыру турында баян ителә.

Ачкыч сүзләр: яңа чукунганнар, христианлаштыру, Лука Канашевич, Новокрещен конторасы.

R.G. Fakhrutdinov, R.R. Fakhrutdinov

From the History of the Volga Region Tatar's Conversion to Christianity in XVIII Century

The article discusses some features of Christianization – forcible christening of Tatars-Moslems on the Middle Volga beginning with the governing of Peter I and the ending of «Newly Baptized Affairs Office» activity.

Keywords: Newly Baptized, Christianization, Luka Kanashevich, Newly Baptized Office.

Фахрутдинов Равиль Габдрахманович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.

Фәхретдинов Равил Габдрахман улы – тарих фәннәре докторы, ТФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының этнология бүлеге баш фәнни хезмәткәре.

Fakhrutdinov Ravil Gabdrakhmanovich – Doctor of Historical Sciences, chief research scientist of the Ethnology department at Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Science RT.

Фахрутдинов Раиль Равилевич – доктор исторических наук, проректор по научной работе «Академии социального образования»; e-mail: Fahrutdinov.Rail@mail.ru

Фәхретдинов Раиль Равил улы – тарих фәннәре докторы, «Академия социального образования»ның фән эшләре буенча проректоры.

Fakhrutdinov Rail Ravilevich – Doctor of Historical Sciences, pro-rector for research at the Academy of Social Education.

Благотворительность российских мусульман на страницах газеты «Тарджеман-Переводчик» (1885–1905 гг.)*

На страницах газеты «Тарджеман-Переводчик» содержится достаточно большой пласт материалов о благотворительной деятельности российского мусульманского общества. Эти материалы позволяют увидеть, как менялись различные формы благотворительной деятельности мусульман в зависимости от конкретных условий российской действительности.

Ключевые слова: 1885–1905 гг., газета «Тарджеман-Переводчик», российские мусульмане, благотворительность.

Во второй половине XIX века в общественную жизнь российских мусульман начинают проникать новые веяния. Газета «Тарджеман-Переводчик» (1883–1918 гг.), издателем и редактором которой был известный просветитель Исмаил Гаспринский, давала возможность всему тюрко-татарскому населению России быть в курсе происходивших политических и общественных событий, следить за новостями в культурной жизни российских мусульман.

Являясь массовым историческим источником, газета содержит большой пласт интереснейшего материала из жизни мусульманского общества Российской империи. В данном случае мы поставили задачу – проследить, как благотворительная деятельность российских мусульман отразилась на страницах газеты «Тарджеман-Переводчик» в 1885–1905 гг.

В материалах, собранных по проекту «Татарско-мусульманский вопрос в Российской империи в последней четверти XIX – начале XX вв.» по газете «Тарджеман-Переводчик» отложилось 139 статей, из них 58 публикаций (41,7%) посвящены вопросам благотворительности российских мусульман в 1885–1905 гг. Таким образом, редакция газеты на своих страницах уделяла достаточно большое место вопросам благотворительности.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е гг. – 1905 г.», проект №14-11-16003/14.

Как известно, положение населения в Российской империи, в том числе и татарского, было особенно трудным в голодные, неурожайные годы. Газета не раз публиковала письма с просьбой о помощи. Мусульманская общественность не оставалась глухой к подобным просьбам и старалась оказывать посильную помощь. Так, в 1891 г. газета «Тарджеман-Переводчик» сообщала о сборе татарами г. Бахчисарая пожертвований для голодающих мусульман д. Биш Аул Челябинского уезда Оренбургской губернии, о пожертвовании оренбургским купцом Хусаиновым вагона пшеницы в пользу голодающих, о расселении в домах мусульман Тобольской губернии единоверцев-переселенцев из неурожайных местностей, о сборе средств для голодающих в г. Таре.

В помощь голодающему населению мусульманская общественность организовывала бесплатные столовые. Такие столовые состоятельные мусульмане часто открывали в своем собственном доме. Так, например, как сообщает газета, в деревне Большие Менгеры Казанского уезда купец Абдулвалей Вахитович Бакиров открыл в своем доме бесплатную столовую для своих односельчан и для бедняков окрестных селений¹.

Инициатива открытия общественной столовой в Казани и ведение всего дела до конца принадлежит главным образом, как сообщает газета, торговцам М. Галееву, Г. Утямишеву, А. Сайдашеву, Ю. Апанаеву и К. Гимадутдинову. Помещение для устройства бесплатной столовой предоставил в своем доме казанский купец А. Сайдашев. Эта столовая действовала с 12 ноября 1891 г. по 2 июня 1892 г. года и успела отпустить 206188 обедов, продовольствуя все это время свыше тысячи человек ежедневно. «Весьма отрадно, – пишет газета, – что на это доброе дело явились наряду с мужьями и братьями и мусульманские женщины»².

При возможности столовая открывалась в нанимаемом специально для этого доме. Так, купец Ахмед Хусаинов открыл бесплатную столовую на 1000 человек в гор. Оренбурге. «Верхний этаж нанятого им дома, – пишет газета, – служит приютом для 250 калек и бесприютных бедняков. В первый день открытия обедало 2000 человек, в

---

¹ Тарджеман. – 1891. – №44. – 13 декабря.

² Тарджеман. – 1892. – №31. – 31 августа.

числе их русских –150. Такие пожертвования и щедрость, – подчеркивает газета, – делают честь всему мусульманскому обществу»³.

В Симбирске, на суконной фабрике Алеева для рабочих фабрики (до 1000 человек) была устроена общая, дешевая столовая, где ежедневно неимущие «получали даровой обед»⁴.

Из материалов газеты «Тарджеман-Переводчик» видно, что в трудные голодные годы благотворительная помощь российскими мусульманами оказывалась всем голодающим без различия пола и исповедания и имела разные формы: это могла быть помощь хлебом, деньгами, вещами, организацией столовых; в благотворительной деятельности начинают принимать активное участие мусульманские женщины.

Большая масса пожертвований шла на общепризнанные в исламском мире общественно-религиозные институты – мечети и медресе. Газета «Тарджеман-Переводчик» писала, что не найдется среди состоятельных российских мусульман тех, кто не сделал бы пожертвований в пользу строительства молельных домов для единоверцев и медресе при них.

Часто для постройки мечети или медресе средства собирались всем миром. Так, например, в 1891 г. газета сообщает, что для постройки мечети и медресе при ней в гор. Саратове, собрано до 5000 рублей, но «кроме того на собрании у муллы выбраны особые сборщики пожертвований, которые с наступлением навигации отправятся за сбором по всем татарским селениям Поволжья и на Нижегородскую ярмарку»⁵.

В Илецкой Защите, как сообщает газета, «стараниями мудерриса Хасан [х]азрета и жителей» были собраны средства на строительство третьего медресе. «Нельзя не заметить, – пишет газета, – что усердием к учению и благотворительности Илецкая защита могла бы служить примером для некоторых больших городов с богатым и знатным мусульманским обществом»⁶.

Однако часто мечети или медресе строили на свои средства состоятельные мусульманские предприниматели. Так, например, число мечетей и медресе, сооруженных или возобновленных тюменским

---

³ Тарджеман. – 1892. – №6. – 15 февраля.

⁴ Тарджеман. – 1892. – №2. – 16 января.

⁵ Тарджеман. – 1891. – №9. – 15 марта.

⁶ Тарджеман. – 1885. – №26. – 17 декабря.

коммерсантом Нигматуллой Сейдуковым, как сообщает газета «Тарджеман-Переводчик», доходит до 80-ти⁷.

В деревне Асаново Бирского уезда Уфимской губернии купец Максудов построил двухэтажное каменное здание для новометодного медресе. «Тут, – пишет газета, – отведены особые помещения для спальни, классов, библиотеки, учительской, кухни и прочее. Жалование учителю, сторожу, повару и другие расходы взял на себя господин Максудов»⁸.

Описывая казанские медресе, газета «Тарджеман-Переводчик» пишет, что «наилучше обставленным медресе г. Казани надо признать Галеевское. Медресе это создано пожертвованиями г. Галеева, в котором преподает его сын Галимджан эфенди, известный педагог-писатель и арабист... В этом небольшом медресе обучается не меньше 300 учеников, причем, при медресе существует также начальная школа по звуковому методу»⁹.

В г. Оренбурге, пишет 30 сентября 1890 г. газета, известный коммерсант Ахмед Хусаинов собирается открыть в городе училище на полном содержании, в котором предполагается преподавание детям бухгалтерского дела¹⁰. Очевидно, речь идет об открытии медресе «Хусания», в котором помимо бухгалтерского дела, преподавался целый ряд светских дисциплин, в том числе право, психология, русский и европейские языки.

В газете «Тарджеман-Переводчик» содержится достаточно большой объем сведений об открытии мектебов.

Порой мектебы открывались при уже существующих медресе. Так в письме Джамалетдина Хусейнова в газету сообщается, что в 1893 году в Казани при своем медресе Г. Баруди открыл мектеб для сирот. «Многие, из местных купцов, – пишет корреспондент, – взяли на полное свое содержание по одному сироте из числа просящих милостыню на базарах и отдали в обучение. Если жертвователи на сирот и их покровители еще немного увеличат свое благодеяние и жертвы, то предполагается обучать тех сирот какому-либо ремеслу, которое дало бы средства к жизни по окончании учения»¹¹.

---

⁷ Тарджеман. – 1896. – №45. – 17 ноября.

⁸ Тарджеман. – 1901. – №4. – 30 января.

⁹ Тарджеман. – 1904. – №5. – 16 января.

¹⁰ Тарджеман. – 1890. – №30. – 9 сентября.

¹¹ Тарджеман. – 1896. – №2. – 14 января.

Нередко богатые предприниматели строили мектебы на свои средства. Газета старалась на своих страницах сообщать о всех подобных случаях благотворительности российских мусульман. Однако, особое внимание обращалось на открытие новометодных школ или введение новометодного обучения. Пропагандируя новометодное образование, газета не упускала случая сообщить об успехах новометодных школ и об открытии подобных школ в разных местностях Российской империи.

Сообщая об открытии медресе в Сергиополе (Семиреченская обл.) газета сообщает, что «начальное обучение в этом медресе будет преподаваться по новому методу»¹².

В Уфе, пишет газета, «молодой мулла г. Багаеддин Максудов в собственном доме открыл небольшое мектебе и начал преподавание по новому методу»¹³. Газета обращает внимание уфимских мурз на эту школу, считая, что поддержав начинание Максудова, они сделают доброе дело, облегчив начальное обучение детей.

Новометодное мектебе под руководством М. Ганиева, при материальной помощи Г. Хусаинова было основано в Самарканде и дало блестящие результаты. «В течении июля, августа и сентября, в три месяца дети, начавшие учиться впервые, – пишет в 1893 г. газета, – усвоили механизм чтения, письма и получили начальные уроки по арифметике. Из 30 учеников большинство были татары, но было довольно и сартских детей»¹⁴.

В корреспонденции из Оренбурга сообщается, что купец Габделгани Хусаинов, «сторонник звукового метода преподавания и улучшения мектебов, не жалеет усилий и расходов на это доброе дело. Кроме нескольких молодых людей, посланных им в прошлое лето в Бахчисарай для ознакомления с новым методом, он на свой счет послал еще несколько человек в г. Бузулук, где преподавание идет по тому же методу. Все эти молодые люди преподают ныне в мектебах, пользуясь содержанием от Абдул-Гани бая»¹⁵.

Благодаря стараниям директора мусульманского приюта в Казани М. Юнусова, пишет газета, с сентября 1891 г. родная грамота преподается по новому методу и дети делают быстрые успехи. «Опыт нового метода в Юнусовском приюте, – по мнению газеты, –

---

¹² Тарджеман. – 1891. – №11. – 3 апреля.

¹³ Тарджеман. – 1891. – №37. – 24 октября.

¹⁴ Тарджеман. – 1893. – №37. – 7 ноября.

¹⁵ Тарджеман. – 1897. – №4. – 26 января.

может оказать значительное влияние на мусульман города, почему все благомыслящие люди должны быть признательны М.Р. Юнусову за добрый почин»¹⁶.

Газета «Тарджеман-Переводчик» на своих страницах поднимала вопрос о необходимости учреждения мусульманским обществом России не только медресе и мектебе, но и ремесленных училищ. «Опыт и история других обществ и народов, – пишет газета, – учит нас, что прогресс и успехи возможны лишь при знаниях, а эти последние не мыслимы без учения, без учебных заведений. Разные знания и ремесленные, земледельческие училища – наша насущная потребность, поэтому все порядочные люди должны думать и содействовать возникновению училищ и приобретению знаний будь-то по-русски, по-татарски, абы давалось бы знание»¹⁷.

В письме Халиуллы из д Татар-бай Касимовского уезда Рязанской губернии автор пишет, что касимовцы отличаются значительной торговой деятельностью и достаточно состоятельные, поэтому, считает автор, было бы весьма полезно позаботиться о развитии среди населения ремесленной деятельности. Для этого, по его мнению, «следовало бы учредить в Касимове ремесленное училище для мусульман и подготавливать в нем искусных мастеров и ремесленников»¹⁸.

Один из выдающихся жертвователей – бакинский нефтепромышленник З. Тагиев, пишет газета, видя, что мусульманская благотворительность несколько односторонняя, употребляет все свои усилия к содействию умственного развития народа. «Им создана земледельческая школа, на его средства в гимназиях и университетах проходят курс не менее 20 молодых мусульман, а, как было сообщено всеми газетами, на учреждение и открытие в гор. Баку русско-мусульманской женской школы с пансионом им же пожертвовано свыше 180 тыс. руб.»¹⁹.

В мусульманском обществе благотворительностью занимались не только мужчины, но и женщины. Так, например, в публикации из Белебеевского уезда Уфимской губернии сообщалось, что в д. Килимово «супруга земского начальника 11 участка г-жа Сафия-биби Джантурина с надлежащего разрешения выстроила на свой счет каменное здание и открыла обучение детей русской и мусуль-

---

¹⁶ Тарджеман. – 1891. – №44. – 13 декабря.

¹⁷ Тарджеман. – 1886. – №3. – 16 мая.

¹⁸ Тарджеман. – 1891. – №12. – 12 апреля.

¹⁹ Тарджеман. – 1896. – №45. – 17 ноября.

манской грамоте. Кроме учителя и муллы, добрая жертвовательница пригласила двух мастеров для обучения учеников обувному и кузнечному ремеслам». Вот, пишет газета, «пример достойный подражания»²⁰.

В деревне Бикий Саратовской губернии, как сообщает газета, здание для новометодного мектеба для девочек выстроила теща местного муллы госпожа Баишева. «В мектебе, – пишет газета, – около 60 учениц, в школе царит образцовый порядок, чистота и превосходные успехи»²¹.

Рассказывая об учительнице Бектемировой, И. Гаспринский отмечает, что Бектемирова преподает по звуковому методу и рекомендует его всем, вместе с тем она упрекает благотворителей в том, что они, поддерживая училища для мальчиков, не обращают должного внимания на обучение девочек. «Этот упрек, – пишет автор, – относится ко всем нам, мужчинам. Да, мы все виноваты, ибо забыв великое, ясное и точное указание шариата, лишили женщин знаний. Поняв пользу «воспитания и подготовки» для того, чтобы иметь хороших коней, верблюдов, овец, мы упустили из виду что «подготовка» добрых жен и матерей еще более необходима!»²².

Одним из видов мусульманской благотворительности было добровольное пожертвование имущества в форме вакуфа²³. Так, оренбургский купец Ахмед Хусаинов, несмотря на неграмотность, пишет газета, много содействует делу обучения, помогая многим учащимся. В Оренбурге им сооружены мечеть и медресе, содержание которых стоит ему до 7 тысяч руб. ежегодно. А имущество до ста тысяч в форме вакуфа должно обеспечить их существование на будущее время²⁴.

В дореволюционной Казани самым известным вакуфным учреждением стал мусульманский детский приют, открытый Юнусовыми²⁵. Описывая этот детский приют, газета, основываясь на отчете за 1889 год, сообщает, что приют содержится на доходы с каменного корпуса лавок, пожертвованных Исхаком и Ибрагимом Юнусовыми.

---

²⁰ Тарджеман. – 1902. – №24. – 28 июня.

²¹ Тарджеман. – 1904. – №7. – 23 января.

²² Тарджеман. – 1897. – №21. – 26 мая.

²³ Вакуф – добровольное пожертвование имущества в форме благотворительного фонда.

²⁴ Тарджеман. – 1896. – №45. – 17 ноября.

²⁵ Мусульманский братьев Юнусовых детский приют открылся 6 февраля 1845 г.

Доход с этих лавок в отчетном году составляет 1665 руб. 45 коп. Кроме того, дополнительные средства привлекались за счет ежегодных субсидий предпринимательского семейства и частных пожертвований. «Юнусовский приют, – пишет газета «Тарджеман-Переводчик», – доброе дело и дай бог, чтобы такие приюты пооткрывались и в других городах. В каждом городе нет Ибрагима Юнусова, но во многих городах есть «мусульманское общество», которое может найти 2000 руб. в год на содержание, воспитание и обучение 20–30 сирот и детей беднейших собратьев»²⁶.

Одной из форм благотворительности российских мусульман было вложение средств в развитие социальной инфраструктуры той местности, где велась предпринимательская деятельность. Примером в этом отношении может служить деятельность купца и фабриканта Тимербулата Курамшевича Акчурина.

Суконную фабрику в с. Гурьевке Симбирской губернии Т.К. Акчурин приобрел накануне отмены крепостного права. В результате реконструкции, закупки современного оборудования и введения сдельной оплаты труда фабрика Акчурина стала одной из крупнейших во всем Поволжье. Одновременно предприниматель устраивал быт рабочих, строя для них новые дома и открывая при фабрике общую дешевую столовую. Понимая, что бизнес не возможен без элементарной грамотности рабочих он открыл при фабрике школу, которую содержал на свой счет²⁷.

Подобная школа была открыта в Симбирске на суконной фабрике Ахмеджана Алеева²⁸.

В деревне Малчин тюменский купец Нигматулла Сейдюков, узнав о новом методе обучения грамоте, подарил родной деревне «образцовый мектеб», для которого было построено особое каменное помещение и приглашен преподаватель. Кроме того, учитывая требование времени, он подарил своей деревне построенное им каменное помещение для библиотеки, снабдив ее тысячью книг «на турецком, арабском и персидском языках», печатных и рукописных. При этом Н. Сейдюков вложил в банк достаточную сумму денег, обеспечив из процентов оплату смотрителя и сторожа библиотеки. «Биб-

---

²⁶ Тарджеман. – 1890. – №19. – 1 июля.

²⁷ Тарджеман. – 1892. – №2. – 16 января.

²⁸ Тарджеман. – 1892. – №2. – 16 января.

лиотека – пишет газета, – открыта для всякого, желающего ею пользоваться. Приезжие, тут же находят радушное гостеприимство»²⁹.

Благотворительность российских мусульман на протяжении долгого времени осуществлялась в виде единовременных пожертвований денежных сумм отдельными состоятельными мусульманами, прежде всего из числа предпринимателей. Некоторые из них даже принимали участие в русских благотворительных организациях. Так, газета «Тарджеман-Переводчик» сообщает о том, что «один из мусульман имеет честь принимать деятельное участие в Московском благотворительном Елисаветинском обществе: почтенный аджи Хусейн Байбеков избран недавно членом ревизионной комиссии этого общества, находящегося под высочайшим покровительством государыни императрицы Марии Федоровны»³⁰.

С возникновением в Российской империи новых организованных форм благотворительности, в разных местах империи начинают создаваться и мусульманские благотворительные общества попечения о бедных.

Уже в 1891 году в г. Орске (Оренбургская губ.), как пишет газета, «местное мусульманское общество, понимая, что одними словами дело не делается, решило образовать благотворительное общество с целью поддержки дела обучения. На первых порах откроется мектеб, где преподавание пойдет по новой методе и порядку»³¹.

Однако, как сообщает газета «Тарджеман-Переводчик», в Поволжье первое такое общество было учреждено в Астрахани в 1896 г. Газета приводит 2-ю статью устава, касающуюся целей попечительства: «Оно имеет целью: а) доставление неимущим татарам возможности приобретать одежду, пищу и помещение собственными трудами; б) содействие к приисканию нуждающимся занятий, к приобретению ими для работ материалов и инструментов и выгодному сбыту изделий бедных тружеников; в) доставление и облегчение способов для призрения и воспитания сирот и детей бедных родителей; г) оказание бедным больным медицинской помощи и пособия для погребения скончавшихся в крайней бедности; д) устройство, с надлежащего разрешения и на основании утвержденных в каждом отдельном случае уставов, богаделен, ремесленных школ, столовых

---

²⁹ Тарджеман. – 1891. – №6. – 22 февраля.

³⁰ Тарджеман. – 1897. – №22. – 3 июня.

³¹ Тарджеман. – 1891. – №46. – 24 декабря.

для бедных и т. п. благотворительных учреждений; е) содействие к образованию бедных детей, а также к улучшению внутренних и внешних условий обучающихся в татарских школах при мечетях; ж) принятие мер к искоренению нищенства с разрешения местной полиции и в пределах прав, предоставленных законом, и з) доставление неимущим средств для возвращения на родину»³².

Мусульманам, пишет газета, с давних пор привычно помогать бедным, но делать это сообща и по зрелому обсуждению будет лучше и это поймет каждый, так как общественная деятельность прочнее, долговечнее и поощряется пророком. Поэтому, считает газета, необходимо обсудить и принять меры к открытию зарегистрированных попечительных обществ о бедных и их детях, так как «общество» нечто весьма долговечное, а потому «благотворительность через общество и благотворительность общественная и благоустроенная будет намного сильнее». Общество или попечительство, как юридическое лицо, имеет право строить нужные здания, составлять капиталы, приобретать на свое имя имущество и т.д. «Надеемся, – пишет она, – что это доброе дело будет понято и оценено мусульманами и найдутся добрые люди, которые возьмутся за дело, чтобы осуществлять его»³³.

К 1898 году, как сообщала газета «Тарджеман-Переводчик», существовало Крымское благотворительное общество, такие же общества были созданы в Санкт-Петербурге, Касимове, Казани, Семипалатинске, Уфе, Астрахани и они готовы приступить к посильной борьбе с нуждой бедного люда. Здесь, пишет газета, предполагается борьба с материальной нуждой, с обеспечением хлебом, одеждой, лекарствами и т.п. Бесспорно, пишет она, эту нужду нужно удовлетворить, но есть еще другая нужда – это общая нужда в знаниях и в просвещении. Поэтому, по мнению газеты, задумываясь над устройством дешевой столовой, ночлежного дома или учреждения для призрения калек и сирот, благотворительные общества должны наряду с этим подумать также об открытии дешевых читален, библиотек, училищ и т.п.³⁴

На своих страницах газета «Тарджеман-Переводчик» часто публиковала отчеты различных благотворительных обществ. Из этих от-

---

³² Тарджеман. – 1896. – №25. – 30 июня.

³³ Тарджеман. – 1896. – №25. – 30 июня.

³⁴ Тарджеман. – 1898. – №25. – 28 июня.

четов можно узнать о составе благотворительных обществ, о денежных взносах, о том куда, и как затрачивались собранные средства.

Обсуждая отчеты мусульманских благотворительных обществ, газета не только отмечала их деятельность, но и вносила свои предложения. Так, публикуя отчет Касимовского мусульманского благотворительного общества, газета писала, что: «1) неприкосновенный капитал следовало бы увеличить – это главная опора общества в могущие быть тяжелые времена; 2) расход на содержание правления, почти равный сумме прочих расходов, следовало бы уменьшить, например, путем оставления особой квартиры. Общие собрания могли бы происходить в зале Управы или уездного земства, а правление могло бы помещаться у председателя или у кого-либо из членов... Наконец, 3) мы думаем, что общество могло бы сделать кое-что для дела просвещения путем открытия, например, учебной мастерской, мектеба или стипендий в какое-либо техническое или ремесленное училище»³⁵.

Таким образом, на страницах газеты «Тарджеман-Переводчик» содержится достаточно большой пласт материалов о благотворительной деятельности российского мусульманского общества. Газета рассматривала практически все виды благотворительной деятельности мусульманского общества на обширной территории Российской империи на протяжении достаточно большого временного отрезка. Эти материалы позволяют увидеть, как менялись различные формы благотворительной деятельности мусульман в зависимости от конкретных условий российской действительности. Из материалов газеты хорошо видно, что социальная инициатива представителей мусульманской элиты имела разные формы, но участие предпринимателей в поддержании и развитии образовательных учреждений имело особое значение для мусульманского сообщества России.

Источники и литература

1. Тарджеман. – 1885. – №26. – 17 декабря.
2. Тарджеман. – 1886. – №3. – 16 мая.
3. Тарджеман. – 1890. – №19. – 1 июля.
4. Тарджеман. – 1890. – №30. – 9 сентября.
5. Тарджеман. – 1891. – №6. – 22 февраля.
6. Тарджеман. – 1891. – №9. – 15 марта.
7. Тарджеман. – 1891. – №11. – 3 апреля.

---

³⁵ Тарджеман. – 1900. – №42. – 16 ноября.

8. Тарджеман. – 1891. – №12. – 12 апреля.
9. Тарджеман. – 1891. – №37. – 24 октября.
10. Тарджеман. – 1891. – №44. – 13 декабря.
11. Тарджеман. – 1891. – №46. – 24 декабря.
12. Тарджеман. – 1892. – №2. – 16 января.
13. Тарджеман. – 1892. – №6. – 15 февраля.
14. Тарджеман. – 1892. – №31. – 31 августа.
15. Тарджеман. – 1893. – №37. – 7 ноября.
16. Тарджеман. – 1896. – №2. – 14 января.
17. Тарджеман. – 1896. – №25. – 30 июня.
18. Тарджеман. – 1896. – №45. – 17 ноября.
19. Тарджеман. – 1897. – №4. – 26 января.
20. Тарджеман. – 1897. – №21. – 26 мая.
21. Тарджеман. – 1897. – №22. – 3 июня.
22. Тарджеман. – 1898. – №25. – 28 июня.
23. Тарджеман. – 1900. – №42. – 16 ноября.
24. Тарджеман. – 1901. – №4. – 30 января.
25. Тарджеман. – 1902. – №24. – 28 июня.
26. Тарджеман. – 1904. – №5. – 16 января.
27. Тарджеман. – 1904. – №7. – 23 января.

Н.С. Хамитбаева, Х.З. Баһаветдинова

**«Тәржеман» газетасы битләрендә россия мөселманнарының
хәйриячелек эшчәнлегенә (1885–1905 еллар)**

«Тәржеман» газетасы битләрендә Россия мөселманнарының хәйриячелек эшчәнлегенә турында күп мәкаләләр урын тапкан. Авторлар, аларга нигезләнеп, шул вакыттагы мөселман хәйриячелеген төрле формалары үзгәрешен күзәтәләр.

Ачкыч сүзләр: 1885–1905 еллар, Тәржеман газетасы, россия мөселманнары, хәйриячелек.

N.S. Khamitbaeva , Kh.Z. Bagautdinova

**Charity russian muslims pages newspaper
«Tardzheman-Translator» (1885–1905 years)**

The newspaper «Tardzheman-Translator» contains a large enough reservoir of materials about the charitable activities of the russian muslim society. These materials allow you to see how changing various forms of charity Muslims depending on the specific conditions of Russian reality.

Keywords: 1885–1905 years, newspaper «Tardzheman-Translator», russian muslims, charity.

Хамитбаева Найла Сахабидиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; e-mail: hamit46@bk.ru

Хәмитбаева Найлә Сәхәбетдин кызы – тарих фәннәре кандадиты, ТР ФА ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты урта гасырлар бүлегенен өлкән фәнни хезмәткәре.

Khamitbaeva Nayla Sakhabidinovna – the candidate of historical sciences, senior scientific researcher of the Department of Medieval History of Sh.Marjani Institute of History of AS RT.

Багаутдинова Халида Зиннатовна – научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ; e-mail: halida12_61@mail.ru

Баһаветдинова Халидә Зиннәт кызы – ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты урта гасырлар бүлегенен фәнни хезмәткәре.

Bagautdinova Khalida Zinnatovna – Researcher of the Department of Medieval History of Sh.Marjani Institute of History of AS RT.

Проблема «татаризации» нерусских народов
Волго-Уральского региона в материалах
Особого Совещания по мусульманским делам 1914 года

Обострение национального вопроса в начале XX века потребовало от властей Российской империи новых, более эффективных форм разработки и реализации внутривластного курса страны. Для решения данной задачи правительством были организованы Особые Совещания, которые стали новым явлением при разработке внутренней национальной политики России.

Одним из основных вопросов Особого Совещания 1914 года было противодействие татаризации в Волго-Уральском регионе. Анализ данной проблемы показывает, что основными факторами, способствующими татаризации нерусского населения, являлись, с одной стороны, активность татарской интеллигенции и духовенства в продвижении идей национального и религиозного единства через печать, новометодные школы и ОМДС (Оренбургское магометанское духовное собрание), а с другой стороны, отсутствие должного контроля со стороны государственных органов и пассивность православного духовенства в деле популяризации христианской религии.

Ключевые слова: татаризация, особые совещания, пантатаризм.

Обострение национального вопроса в начале XX века потребовало от властей Российской империи новых, более эффективных форм разработки и реализации внутривластного курса страны. Правильное разрешение сложных национальных вопросов зависело от их всестороннего обсуждения, привлечения компетентных специалистов и, в тоже время, владения полной и достоверной информацией по реально складывающейся ситуации в регионах. Для решения данной задачи правительством были организованы Особые Совещания, которые стали новым явлением при разработке внутренней национальной политики России в начале XX века.

«Мусульманский вопрос», вызванный необходимостью более эффективной организации управления жизнью мусульман, также стал предметом обсуждения Особых Совещаний.

Для решения мусульманских вопросов в начале века было организовано 5 совещаний: 1) Особое Совещание по делам веры под председательством генерал-адъютанта графа А.П. Игнатьева 1905–

1906 г. 2) Особое Совещание при МНП по вопросам образования восточных инородцев 1905 г. 3) Особое Совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 г. 4) Межведомственное совещание по вопросу о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверного населения 1910–1911 г. 5) Особое Совещание по мусульманским делам 1914 г.

В программу вышеперечисленных Совещаний входил достаточно широкий спектр вопросов, касающийся организации жизни мусульман, начиная от регламентации деятельности *высших мусульманских органов – Духовных собраний*, до рассмотрения *вопросов национального характера*. Деятельность Особых совещаний ограничивалась главным образом сбором материалов по отнесенным к их ведению вопросам и выработкой руководящих начал, которые должны были служить основой законопроектов.

Несмотря на то, что большая часть таких решений не находили законодательного закрепления, материалы Особых совещаний помогают увидеть отношение представителей различных уровней власти к тем или иным важным процессам происходивших в жизни мусульман Российской империи, а также рассмотреть предложенные варианты решения существовавших проблем.

Рост национального самосознания татаро-мусульманского населения России и возросшее политическое, экономическое и культурное влияние татар на нерусские народы стали одними из важных предметов обсуждения Особых Совещаний. Так, данным вопросам было посвящено Особое Совещание 1910 года по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае и Особое Совещание по мусульманским делам 1914 г. Мы хотим обратить внимание именно на материалы Совещания 1914 года, содержащие богатую информацию о мерах противодействия татаризации.

Давая общую характеристику Особого Совещания 1914 года, можно сказать следующее: с 29 апреля по 16 мая 1914 года было проведено 13 заседаний, на 8 из которых в различной степени обсуждался вопрос татаро-мусульманского влияния на нерусские народы. Интересен состав¹ Особого Совещания 1914 года, на заседания

---

¹ Общий список лиц, присутствовавших на заседаниях 1914 года: председатель – товарищ министра внутренних дел, действительный статский советник Игнатий Михайлович Золотарев, заместитель председателя – директор Департамента духовных дел, егермейстер Высочайшего Двора Евгений

которого, кроме представителей центральной власти и власти на местах, в качестве компетентных лиц, иногда приглашались представители науки и духовенства. Председателем Совещания был назначен товарищ министра внутренних дел, действительный статский советник Игнатий Михайлович Золотарев, заместителем председателя – директор Департамента духовных дел, егермейстер Высочайшего Двора Евгений Васильевич Менкин.

Обращая внимания на состав отдельных заседаний, несложно заметить, что к обсуждению вопросов о противодействии татаризации, представители мусульманского духовенства не были допущены. Их мнение учитывалось только при решении организационных вопросов деятельности ОМДС и некоторых других вопросов из жизни мусульман, не связанных напрямую с татаризацией. Также следует отметить, что члены Совещания 1914 года пользовались в обсуждениях материалами Особого совещания 1910 года материалами ревизий ОМДС 1910 г., проведенного Министерством внутренних дел, отчетом по командировке приват-доцента Московского археологического института С.К. Кузнецова в Вятскую, Казанскую, Пермскую

Васильевич Менкин, директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, действительный статский советник Виктор Иванович Яцкевич, начальник Азиатской части Главного штаба, генерал-лейтенант Михаил Михайлович Манакин, член Совета министров народного просвещения, тайный советник Алексей Тамвеевич Позднеев, вице-директор Департамента полиции, действительный статский советник Константин Дмитриевич Кафафов, член Совета наместника Е.И.В. на Кавказе, тайный советник Евгений Густавович Вейденбаум, Акмолинский губернатор действительный статский советник Александр Николаевич Неверов, Вятский губернатор, действительный статский советник Иван Михайлович Страховский, Воронежский губернатор, статский советник Георгий Болеславович Петкевич, Оренбургский губернатор, генерал-лейтенант Николай Александрович Сухоминов, Казанский губернатор, статский советник Петр Михайлович Боярский, Уфимский губернатор, тайный советник Петр Петрович Башилов, Таврический вице-губернатор, камер-юнкер Высочайшего Двора Сергей Сергеевич Дьяченко, старший член ОМДС, ахун мирза Гиниятулла Мусич Капкаев, ахун 2-го прихода г. С.-Петербурга Сафа Атауллович Баязитов, и.д. симферопольского кадия Омер-Эфенди, председатель Императорского Общества востоковедения, генерал-лейтенант Николай Константинович Шведов, приват-доцент Императорского С.-Петербургского университета, статский советник Александр Эдуардович фон Шмидт, редактор журнала «Мир Ислама», статский советник Дмитрий Матвеевич Позднеев.

и Уфимскую губернии в 1911–1912 гг., материалы междуведомственного совещания, созванного при Министерстве народного просвещения в 1910–1911 гг.

Участники совещания оперируют несколькими терминами. Как указывается в Журнале Особого Совещания от 29 апреля 1914 года под понятием «панисламизм» подразумевается «идея объединения мусульман всего мира на религиозной почве», а «пантюркизм» ассоциируется с идеей сплочения всех мусульман под политическим главенством Османского государства и его халифа. Эти две идеи еще не успели охватить мусульманские народы России. Однако пантатаризм, главной движущей силой которого участники совещания называют «прогрессивных татар», приобрел широкий размах, и татары заняли в русском мусульманстве положение, «угрожающее интересам русской государственности»². В результате явной политизации джадидистского движения в 1905–1906 годах российское чиновничество также сменило свою позицию по отношению к реформированию татарской культуры с более-менее индифферентной на преимущественно враждебную³.

Участники Особого совещания определили конечной целью пантатаристского движения как «объединение русских мусульман под идейным главенством татар, без различия национальности, не только на почве единства религии, но и на почве мнимого племенного единства (тюркского) и искусственного тюрко-татарского языка»⁴. Таким образом, Совещание в понятии пантатаризма в некоторой степени объединило начала панисламизма и пантюркизма. Между тем, волжские татары вполне могли иметь ввиду свой собственный вариант пантюркизма и стремились к тому, чтобы сделать свой диалект общепринятым языком для разных тюркских народов Российской империи⁵.

---

² Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К. Загидуллин. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С.53.

³ Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. 2-d ed. – Cambridge, Mass., 1967. – P.37.

⁴ Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы. – С.41.

⁵ Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay C. La presse et le mouvement national chez les Musulmans de Russie avant 1920. – Paris: Mouton, 1964. – P.42, 48, 65.

Казанский губернатор П.М. Боярский в своей записке⁶, которая была заслушана на заседании от 7 и 8 мая 1914 года, отводит главную роль в «татаризации» народностей, исповедующих ислам, и других «инородцев» казанским татарам. Также он пытается определить основные факторы, способствующие «татаризации» нерусского населения в Казанской губернии. По изложенным материалам следует, что таковыми являлись:

1. Численное преобладание татар среди населения Казанской губернии. По данным записки, из 820 тысяч магометан обоего пола, проживающих на территории губернии, 819 тысяч составляли татары. По отдельным уездам численность татар достигала 71–73% от всего населения и лишь в двух уездах (Козмодемьянском и Ядринском) татары не проживали. В тоже время, практически ни в одном уезде Казанской губернии русский элемент не составлял подавляющего большинства населения. Благодаря такому численному соотношению, как отмечает губернатор П.М. Боярский, татары имеют доминирующее положение и в экономической, и в общественной жизни.

2. Развитие татарского издательского дела. Сообщается, что в Казани действовало 4 мусульманские типографии, в которых в 1908 г. вышло в свет неповременных изданий 456, в 1909 г. – 412, в 1913 г. – 319. Важную роль в формировании мусульманской общественной мысли чиновник отводит также газетам «Баянульхак», «Кояш», «Юлдуз», журналам «Анг», «Мектеб» и «Хокук ва Хоят», на страницах которых татарские публицисты писали о необходимости «братского единения мусульман между собою»⁷, как неперемного условия сохранения значения мусульман и принадлежащих им прав, и о том, что татары являются членами одной тюркской семьи народов, а именно тюркской, и о необходимости изучения в татарских школах общего всем тюркам языка. Кроме того, начальник губернии уделяет внимание трудам татарских авторов, посвященных разработке истории края, татарской национальности и т.п. По замечанию губернатора, в этих сочинениях татары признаются «исконными на-

---

⁶ «По вопросу о современном направлении идей мусульманского населения Казанской губернии в связи с развивающейся пропагандой панисламизма и о мерах, могущих способствовать установлению правильного течения местной общественной жизни в соответствии с нашими государственными задачами»

⁷ Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы. – С.44.

сельниками» края, а все же остальные народности рассматриваются в качестве пришельцев, также идет «восхваление мужества татар», «указания превосходства татарских ханов над русскими князьями, и параллельно с этим умаление добрых качеств последних по сравнению с татарскими властителями»⁸. Все эти подобного рода учебники, по мнению автора записки, оказывают отрицательное влияние на подрастающее поколение и могут явиться факторами воспитания народных масс в националистическом духе.

3. Новометодные школы. В записке П.М. Боярского выражена озабоченность возрастающей популярностью новометодных школ, в частности казанского медресе «Мухаммадия» и ряда других, которые МВД были признаны выпускающими «таких питомцев, надлежащая благонадежность коих не может почитаться в достаточной мере обеспеченной»⁹. Это повлекло за собой предписание всем начальникам губерний о возможности утверждения выпускников данных учебных заведений в должностях мулл только при условии, если губернское начальство располагает сведениями о политической их благонадежности и непричастности к религиозно-племенной агитации¹⁰. Также указывается, что эти шакирды казанских медресе проникают в Казахскую степь, в Туркестанский край и всюду несут с собою идеи общности мусульманских интересов, начала национального самосознания и самоопределения, и вместе с тем, упрочивают первенствующее положение поволжских татар, какое они заняли среди других русских мусульман принадлежащих различным народностям. Из вышеизложенной записки видно, что губернатор, считая Среднее Поволжье очагом процессов татаризации, достаточно обеспокоен текущим положением дел в губернии. Он также указывает, что деятельность татар на основе панисламизма и пантюркизма нашла в Казани немало сторонников. В доказательство своих слов он приводит в пример союзы «Эль-Ислах» и «Бреги», которые распространяли, по его мнению, враждебные для русской государственности идеи, что повлекло административное удаление из пре-

---

⁸ Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы. – С.43.

⁹ Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы. – С.45.

¹⁰ Джераси Роберт. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России / авторизов. пер. с английского В. Гончарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С.323.

делов губернии организаторов союза, в числе которых были и муллы г. Казани Г. Галеев и Г. Апанаев.

Участники Особого совещания присоединились к выводу казанского губернатора об опасности новометодных школ, признали их воздействие на подрастающее поколение как «вредное для интересов русской государственности влияние»¹¹. Преподавание в них всех предметов только на татарском языке посчитали одним из важных причин распространения пантатаризма в среде народностей, исповедующих ислам.

4. Еще одним фактором, способствующим татаризации, Совещанием признается отсутствие должного противодействия со стороны правительственной власти, а именно отсутствие правильно поставленного контроля и надзора. Более того, говорится о том, что МВД совершенно не имеет органов для осуществления подобного надзора, а учебное начальство лишено возможности вести надзор за малочисленной группой инспекторов народных училищ. Одной из главных причин издержек признается отсутствие в среде чиновников учебного ведомства лиц, знакомых с языками местных народов региона. Таким образом, деятельность новометодных школ и имеющиеся проблемы с осуществлением надзора за ними, вызывали у участников Совещания сильную обеспокоенность и необходимость принятия срочных мер.

5. Следующим фактором, способствующим успехам татаризации, участники Совещаний 1914 года признали повсеместную поддержку данного движения руководством ОМДС. Так, деятельность ОМДС подвергается критике на заседаниях от 9 и 10 мая, на которых была заслушана справка о результатах ревизии, произведенной министерством в 1910 году¹². В заключении ревизии прямо указывается на то, что ОМДС, первоначально носившее характер исключительно духовного учреждения, с течением времени обрело «значение мусульманско-татарского учреждения, как представителя передового племени среди других мусульманских народностей в России», и «увлекаясь возникшим среди подведомственных ему магометан националистиче-

---

¹¹ Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы. – С.51.

¹² Ревизия Оренбургского магометанского духовного собрания была произведена в 1910 году, по предложению министра внутренних дел, статс-секретаря Столыпина, действительным статским советником Платониковым, командированным с этой целью в Уфу и Оренбург.

ским движением, подчинилось ему, став в своей деятельности на путь явно противозаконный и несогласный с задачами русского государства». Данный вывод следовал из установленных ревизией фактов о том, что ОМДС способствует развитию только мусульманско-татарского просвещения, в особенности новометодных школ, когда нужды школ старого типа оставляются без удовлетворения. Также, согласно данным ревизии, Собрание рекомендовало к неперемнной выписке в каждый магометанский приход журнала «Маглюмат махамияи шаргияи Ырымбургия» («Вестник Оренбургского магометанского духовного собрания»), который придерживался программы мусульманской фракции в Государственной думе, пропагандировал татарские национально-политические идеи и возбуждал в мусульманах недовольство действиями правительства. Одной из главных причин поддержки Собранием процессов татаризации, участники совещания признают преобладание в составе духовного управления татар, что, в свою очередь, привело и к тому, что в Оренбургском духовном собрании установилась практика испытания кандидатов на духовные должности на татарском языке. По мнению участников, такая практика приводит к преобладанию в составе духовенства татар или лиц, знающих татарский язык, являющихся «носителями татарской культуры и проводниками в массах новых националистических идей» на огромных территориях, подчиненных ОМДС (почти вся Россия за исключением Крыма, Кавказа и Туркестана).

Переходя от факторов татаризации к вопросу о том, как шел данный процесс среди различных народностей России, отметим, что рассматривался он в двух заседаниях. Так, по мнению участников Особого совещания 1914 года, более всех татарскую культуру воспринимают финно-угорские племена (марийцы, мордва) и чуваша, которые находятся на низком уровне развития. Среди башкир большой татаризации подвергается ее интеллигенция: «башкирская интеллигенция, по общим своим взглядам и убеждениям, совершенно сливается с татарами, утрачивая черты национальной самобытности»¹³. В тоже время среди простого населения татаризация не имела таких успехов. Указывается, что из-за экономических отношений башкирцы в основном враждебно настроены против татар, так как последние «скупают и захватывают в свои руки башкирские земли, и

---

¹³ Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы. – С.47.

вообще являются эксплуататорами нетатарской части населения»¹⁴. Схожая ситуация наблюдалась у казахов, чья интеллигенция и духовенство, как и у башкир, благосклонно отнеслась к идеям национального пробуждения и религиозного единства. Однако процесс татаризации, как констатировали участники совещания, в казахских кочевьях идет медленнее.

На заседании от 13 мая был рассмотрен отчет о результатах командировки приват-доцента Московского археологического института С.К. Кузнецова, который в 1911–1912 годах был отправлен в Вятскую, Казанскую, Пермскую и Уфимскую губернии с целью изучения религиозных и бытовых условий жизни местных народов, в связи с теми культурными процессами среди мусульман, под влиянием которых они находятся¹⁵. Согласно наблюдениям С.К. Кузнецова, наибольшей татаризации подвергаются чуваша, затем следуют марийцы, удмурты и мордва. В первую очередь это проявлялось в том, что эти народы увлекаются внешним проявлением татарской культуры, начинают подражать татарам в costume и в домашней обстановке. Затем постепенно забывается родной язык, произведения народной словесности, выходит из употребления народная песня и на смену к ней приходит татарская песня. Все это, по мнению С.К. Кузнецова, создает благоприятные условия для восприятия ислама. С переходом в ислам данные лица начинают пользоваться поддержкой мусульман: приглашаются в гости богатыми татарами, если необходимо, получают помощь скотом, домашней птицей, деньгами. Причину успеха ислама С.К. Кузнецов объясняет отсутствием противовеса мусульманской пропаганде со стороны православного духовенства, низким уровнем общего развития пастырей, их незнанием языков инородцев и слабостью миссионерского воздействия.

Обсудив сообщения и заявления, участники Особого совещания сделали вывод о том, что необходимо всемерно предотвращать дальнейшее поглощение татарской народностью племен, исповедующих ислам, организовать управление делами мусульман так, чтобы исключить возможность создания из органов, руководящих вероисповедной жизнью мусульман, орудия денационализации дру-

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Отчет по Пермской и Уфимской губернии не был закончен вследствие смерти С.К. Кузнецова в 1913 г.

гих народностей и проводников в народные массы татарских политических и национальных стремлений.

Таким образом, Совецание 1914 года признало основными факторами, способствующими татаризации нерусского населения, с одной стороны, активность татарской интеллигенции и духовенства в продвижении идей национального и религиозного единства через печать, новометодные школы и ОМДС, а с другой стороны, отсутствие должного контроля со стороны государственных органов и пассивность православного духовенства в деле популяризации христианской религии, вызванного, в первую очередь, нехваткой кадров и их низким качеством.

Источники и литература

1. Особое Совецание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К. Загидуллин. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – 296 с.

2. Роберт Джераси. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России / авторизов. пер. с английского В. Гончарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 548 с.

3. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C. La presse et le mouvement national chez les Musulmans de Russie avant 1920. – Paris: Mouton, 1964.

Г.Р. Хәсәнишин

1914 елгы мөселман эшләре буенча Махсус Киңәшмәнен материалларында Идел-Урал жирлегендәге рус булмаган халыкларның татарлашу мәсьәләсенең чагылышы

XX гасыр башында милли мәсьәләнең кискенләшүе Рәсәй империясе хакимиятеннән илнең эчке сәясәтен билгеләүдә һәм гамәлгә ашыруда яңа нәтижәле ысуллар куллануны таләп итә башлый. Бу мәсьәләләрне чишү өчен хөкүмәт милли эчке сәясәтне булдыруда моңарчы кулланылмаган Махсус Киңәшмәләрне барлыкка китерә.

1914 елгы Махсус Киңәшмәнен төп сорауларының берсе булып Идел-Урал жирлегендә татарлашу процессларына каршы тору мәсьәләсе билгеләнә. Бу мәсьәләне анализлау шуны күрсәтә: татарлашу процессларына булышучы төп факторлар булып, бер яктан, татар интеллигенциясенең һәм руханиларының милли һәм дини бердәмлек идеяләрен периодик басма, яңа ысуллы мәктәпләр һәм Оренбург Диния нәзарәте аша үстерү булса, икенче яктан, дәүләт органнарының тиешлечә контроль үткәrmәве һәм рус руханиларының христиан динен үстерүдә пассивлык күрсәтүләре тора.

Ачыкч сүзләр: татарлашу, махсус киңәшмәләр, пантатаризм.

**The problem of «tatarizatsiya» of non-Russian peoples
of the Volga-Ural region in the materials of the Special Meeting
on Muslim Affairs in 1914**

Aggravation of the national question in the beginning of XX century demanded from the authorities of the Russian empire new, more effective forms of development and implementation of domestic policy. To solve this problem the Government has organized Special Meetings, which have become a new phenomenon in the development of national policy inside Russia.

One of the main issues of the Special Meeting in 1914 was opposition tatarizatsii in the Volga- Urals region. Analysis of this problem shows that the main factors contributing tatarizatsii Russian population were on the one hand, the activity of the Tatar intelligentsia and clergy in advancing national and religious unity through press, new-method schools and OMDS (Orenburg Moham-medan Spiritual Assembly), on the other hand, lack of proper control by the public authorities and the passivity of the Orthodox clergy in the promotion of the Christian religion.

Keywords: tatarizatsiya, Special meeting, pantatarizm.

Хасаншин Гадель Ринурович – аспирант отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ.

Хәсәншин Гадел Ринур улы – Татарстан Фәннәр академиясенен Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының урта гасырлар бүлеге аспиранты.

Khasanshin Gadel Rinurovich – the graduate student of the Department of medieval history of Sh.Marjani Institute of History of AS RT.

Джиен как форма организации сельских общин в Казанском ханстве

В статье рассматривается процесс возникновения традиционной социальной организации средневековых государств, на примере сельских общин, джиенов Казанского ханства. Анализируется процесс трансформации родовой общины в сельскую, территориальную общину, объединенные по территориально-окружному принципу. Изучение джиенной организации на основе существующей источниковой и историографической базы показывает, что границы джиенных округов совпадают с границами административных округов и феодально-княжеских центров Казанского ханства.

Ключевые слова: джиен, род, племя, родовая община, сельская община, ил, сотня, десятина, княжество, улус, тархан, землевладение.

Возникновение традиционной формы социальной организации в виде сельских общин восходит к эпохе первобытности. Поземельная община характеризуется как форма объединения людей, возникшая при первобытнообщинном строе¹. Исторической первой формой общественной организации людей является – род, родовая община. Родовые общины объединяли кровных родственников, но увеличение численности населения, вхождение в него людей различного происхождения изменили структуру родовых связей, «что нашло свое выражение в развитии племенной формы общности»².

При этом каждый род представлял собой общину, а племя – совокупность общин³.

Организация родов в племена, и в другие виды объединений в виде общин, преследовала общие интересы экономической взаимопомощи и защиты от внешних врагов. Основа экономической жизни родов и племен была основана на общинном способе производства и разделении труда. Таким образом, родственные объединения и сельские общины являются исторически аналогическими общественно-экономическими объединениями. Процесс эволюции родовой орга-

---

¹ Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. – Т.2: Г–Й. – С.518.

² Алексеев В. Род, племя, народность, нация (исторические формы общности людей). – М., 1962. – С.10.

³ Алексеев В. Указ. соч. – С.12.

низации в общину известный ученый востоковед А.Г. Федоров-Давыдов охарактеризовал следующим образом: «Кочевые группы в условиях феодализма сохраняли видимость рода, но на самом деле в большинстве случаев являлись объединениями, аналогичными сельской территориальной общине»⁴. А в местах, где было развито земледелие, прежние родовые общины постепенно превращаются в сельскую общину.

Общие интересы в условиях общин и родо-племенной организации людей, осознание единства интересов, требовало необходимости организации общественного самоуправления⁵. Такую роль выполняли общественные собрания – совет рода или совет племени.

Схожие организации, регулировавшие общинные отношения, в виде джиена, существовали и в Казанском ханстве. Исследователи отмечают, что джиены были характерны многим тюркским племенам средневековья, и он «так или иначе было связано с понятием родства и родственной группы»⁶. К примеру, у башкир джиен (йыйын) характеризуется как народное собрание, орган самоуправления рода или племени⁷.

Предположительно, на территории Среднего Поволжья джиены, объединенные в округа, оформились уже в Булгарскую эпоху. Исследователи отмечают, что центрами размещения определенных джиенных округов служили булгарские населенные пункты или кладбище⁸. Однако данный факт не говорит о том, что в условиях Золотой Орды и Казанского ханства эти джиенные объединения сохранили в этнополитической структуре государства древнюю булгарскую родоплеменную и феодально-иерархическую структуру. Завоевания монголов, образование Золотой Орды, и проникновение в Среднее Поволжье представителей других родственных тюркских родоплеменных групп из степных просторов Евразии изменили этнополитическую структуру населения Среднего Поволжья. К приме-

---

⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – С.11.

⁵ Алексеев В. Указ. соч. – С.13.

⁶ Хисамутдинов Г.М. Общинный строй татар и его пережитки // Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М., 1967. – С.202.

⁷ Башкортостан краткая энциклопедия. – Уфа, 1966. – С.312.

⁸ Бурганова Н.Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка (материалы и исследования). – Казань, 1982. – Вып.2. – С.21.

ру, Д.М. Исхаков считает, что период с середины XII – по середину XIII вв. являлся эпохой массового переселения кыпчакских этнополитических объединений на территорию Волжской Булгарии⁹. Следовательно, изменения затронули и принцип организации джиенных объединений. Возможно, при этом некоторые из них сохранили «внешнюю форму предшествовавших племенных организаций»¹⁰.

Оседло-земледельческая структура региона способствовала территориально-окружному принципу организации родственных групп в Казанском ханстве. К примеру, у башкир джиен существовал в виде съезда представителей родов, но из-за кочевого образа жизни, не имел территориально-окружного принципа¹¹.

Территориальный принцип организации, постепенное увеличение численности населения ослабляли родственные связи¹², джиены из родовой общины превращались в сельские. Однако джиены Казанского ханства по-прежнему продолжали представлять собой объединения близко родственных групп населения. Несмотря на постепенное разрушение прежней патриархальной основы, вплоть до начала XIX в. джиен считался у татар праздником родичей¹³.

Таким образом, джиены Казанского ханства представляли собой объединения сельских общин, организованные близко родственными группами населения. Сильные традиции племенного самоуправления способствовали становлению политической и административной системы государства на основе джиенных округов. Поэтому, функции джиенов в период Казанского ханства, не ограничивались хозяйственно-бытовыми вопросами, несмотря на то, что они являлись первостепенными.

В свое время, изучая архивные материалы межевой канцелярии, ученый-историк Р.Н. Степанов обратил внимание на спорное дело

---

⁹ Исхаков Д.М. О ранних кыпчакских этнонимах среди Волго-Уральских татар // Древнетюркский мир: история и традиции. – Казань, 2002. – С.65.

¹⁰ Хисамутдинов Г.М. Общинный строй татар и его пережитки // Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М., 1967. – С.203.

¹¹ Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. – Уфа, 1957. – Ч. 1. – С.84.

¹² Бурганова Н.Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка (материалы и исследования). – Казань, 1982. – Вып.2. – С.21.

¹³ Хисамутдинов Г.М. Указ. соч. – С.199.

ясашных татар-старокрещен. Так, в спорном деле от 1787 г. д. Старой Серды он нашел подлинную грамоту 1609 г. на дачу 42 четверти земли в д. Шуманах¹⁴. Данная грамота была подана в межевую канцелярию поверенным Лаишевской округи деревни Старой Серды старокрещеном Яковым Егоровым. Исследователь предположил, что данная территориальная единица «один из джиенных округов с сохранившимися остатками родоплеменных связей. Вероятно, джиенные общины существовали первоначально в рамках служилых татарских сотен»¹⁵.

Как видно, в документе XVIII в. фигурирует «поверенное лицо» д. Старой Серды. Видимо Р.Н. Степанов не без оснований увидел в нем представителя джиенного объединения. В списке джиенных округов, составленном Н.Б. Бургановой, также упоминается джиен Серда (Сэрдэ жыены), на территории которого находятся надгробные памятники периода Казанского ханства¹⁶. Топоним Серда (Сэрдэ) встречается также в дастане «Кадыр Гали»¹⁷. В содержании данного литературного повествования говорится: «...Сэрдэ иленец Кылый Гали бай бер ун кеше, ... – бу кем ирсэлэр Хажи Гэрэй ханны падишаһлыкка алып килеп хан ясадылар»¹⁸.

В дастане описываются события, произошедшие в 1548 г., во времена существования Казанского ханства. Как видно из источника, некий «Кылый Гали» возглавляет представительство из округи «Сэрдэ иле» в составе десяти человек. Примечательно, что для перечисления населенных пунктов в современном понимании, в источнике XVI в. используется слово «ил». Некоторыми исследователями значение слова «ил», применительно к Казанскому ханству, трактуется как административно-территориальная единица (в русском понимании слова волость)¹⁹.

---

¹⁴ РГАДА. Ф.1312. Оп.2. Д.277. Л.8–10. Цит. по: Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясашных татарах // Сборник аспирантских работ. – Казань, 1962. – С.68.

¹⁵ Степанов Р.Н. Указ. соч. – С.68.

¹⁶ Бурганова Н.Б. Указ. соч. – С.35.

¹⁷ Борынгы татар әдәбияте. – Казань, 1963. – Б.477.

¹⁸ Шунда ук. – Б.477.

¹⁹ Гариф И.Г. Казан ханлыгы: Оешу тарихы, идарә системасы, административ бүленеше һәм феодал вассаллык мөнәсәбәтләре. Чаллы олысы мисалында. – Казан, 2006. – Б.51; Габдуллин И.Р. Институт тарханства в постзолотоордынских и Российском государствах XV–XVIII вв. // Татар-

В ярлыке Ибрагима при вручении жалованной грамоты участвуют представители данной административно-территориальной единицы – «ил агалары», т.е. «старейшины рода»²⁰.

Изучение социальной терминологии Золотой Орды востоковедом Г.А. Федоровым-Давыдовым показывает, что термин «ил» или «иль» в средние века употреблялся в значении «племенной союз» или «народ вообще»²¹. В Крымском ханстве «иль» употреблялся в значении подвласных людей, «народ хана»²². Исходя из этого можно предположить, что термин «иль» в Казанском ханстве являлся общественно-территориальной единицей, образовавшейся на основе близкородственных групп населения, т.е. джиенного округа.

На примере упомянутого литературного источника, отчетливо прослеживается внутренняя взаимосвязь джиенных округов с военно-административной системой Казанского ханства. Как видно, перечисленные в источнике территориальные единицы Казанского ханства, обозначенные понятием «ил», являлись частью административной системы государства – десятками. На основе десятней и пятидесятней образовывались военно-административные единицы – сотни. Соответственно, небезосновательно ряд исследователей придерживается мнения, что административные округа создавались на основе джиенных округов²³. Так, например, все «джиены Заказанья

ские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Вып.1. – Казань, 2010. – С.42.

²⁰ Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. – С.116.

²¹ Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. – С.112–113.

²² Лашков Ф.Ф. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – №22. – Симферополь, 1895. – С.113–115.

²³ Галлям Р.Г. Сотенная организация ясачных поселений в уездах Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале последней четверти XVIII веков, как реликт эпохи Казанского ханства (социально-административный и организационно-территориальный аспекты) // Исторические судьбы народов Поволжья. Сб. статей. Вып.1. – Казань, 2010. – С.94–100; Хисамутдинов Г.М. Общинный строй татар и его пережитки // Татары среднего Поволжья и Приуралья. – М., 1967. – С.207; Бурганова Н.Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань, 1982. – Вып.2. – С.20–27.

объединяются в 13 конфедераций, каждая из которых представляет собой как бы автономную территориальную единицу»²⁴.

Совпадение джиенных округов с административно-территориальной организацией Казанского ханства можно объяснить следующим образом. Некоторые исследователи склонны считать, что «десятичная система деления всего населения при Чингиз хане не была простым оформлением на военный лад племенных и родовых группировок», таким образом Чингиз хан разрушал традиционную родоплеменную структуру²⁵. Такого же мнения придерживается исследователь Е. Кычанов. Изучая историю военно-административной системы Чингизидских государств он пришел к выводу, что: «разделение на тьмы, тысячи, сотни и десятки призвано было разрушить систему старых улусов и племенную организацию. ... При разделении племен там, где людей недоставало до полной тысячи, их включали в тысячу других племен»²⁶.

Таким образом, становление административной системы Казанского ханства на основе джиенных объединений способствовало постепенному разрушению старых родо-племенных связей, развитию сословно-феодальной, военно-служилой системы в государстве. Крупными сельскими общинами в виде джиенов стали управлять многочисленные ханские чиновники и местные феодалы²⁷.

Представители крупнейших княжеских родов, входивших в состав совета карачи – Ширин, Барын, Аргын и Кипчак – в названиях

---

²⁴ Бурганова Н.Б. Указ. соч. – С.26.

²⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. – С.49.

²⁶ Кычанов Е. Военно-административная система и управление государства Чингизидов // История татар с древнейших времен: В 7 тт. – Т.Ш. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С.96.

²⁷ В частности, исследователь Р.Г. Галлям (Галлям Р.Г. Сотенная организация ясачных поселений в уездах Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале последней четверти XVIII веков, как реликт эпохи Казанского ханства (социально-административный и организационно-территориальный аспекты) // Исторические судьбы народов Поволжья. Сб. статей. Вып. I. – Казань, 2010. – С.98) поддерживает точку зрения Н.Ф. Калинина, который писал, что «в своих внутренних делах ясачные люди управлялись своими старшинами (аксакалами и абызами), но фактически власть над ними осуществляли многочисленные ханские чиновники и местные феодалы, управлявшие особыми округами вилайетами или даругами, куда входили группы общин – джиенов» (История Татарской АССР. В 2 т. – Т.1. – Казань: Татгосиздат, 1951. – С.147).

джиенов не оставили следа²⁸. Поэтому, исходя из принципа организации джиенов по родовому признаку, не представляется возможности восстановить территорию улусов (княжеств, бейликов) ведущих клановых родов Казанского ханства в привязке к какому-либо джиенному округу. Однако отрицать существование таких земельных владений на территории Казанского ханства не стоит. Племена, оседавшие на территории Среднего Поволжья до и после образования Золотой Орды, первым делом создавали свою племенную, земельную собственность. От размеров таких земельных владений и от численности населения этнических групп зависело их место в феодально-иерархической структуре государства. «Исследователи, опираясь на археологические сведения, предполагают, что ряд ... джиенов, был связан с древними укреплениями, феодально-княжескими центрами», которые существовали на территории Казанского ханства²⁹.

Сам факт существования на территории родовых земельных владений княжеств (улусов) не отрицается. К примеру, известно существование на территории Казанского ханства Чаллынского улуса. Однако право жалования земельных владений в виде улусов в качестве дара за несение службы принадлежало лично хану. Данный факт свидетельствует о том что, Казанское ханство, как оседлое земледельческое государство, было образовано не только на родовом принципе, но и на феодальном, о чем свидетельствует монопольное право хана, как верховного правителя, на распоряжение всеми земельными владениями государства. Данное право казанских ханов реализовывалось посредством выдачи тарханных ярлыков. Несмотря на то, что многими исследователями предпринята попытка выявить родоплеменную принадлежность получателей жалованных ярлыков³⁰, связывать тарханные земельные владения с джиенными объе-

---

²⁸ Бурганова Н.Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка (материалы и исследования). – Казань, 1982. – Вып. 2. – С.24.

²⁹ Шарафутдинов Д. Как земля прогреется, собирается джиен // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2007. – №1. – С.308; Бурганова Н.Б. Указ. соч. – С.24.

³⁰ Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып.5. – Казань, 2013. – С.36; Ахметзянов М.И. К этнополитическим процессам в бассейне р. Ик // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1985. – С.63–64; Габдуллин И.Р. Институт тарханства в постзолотоор-

динениями не стоит. Продолжение практики выдачи и подтверждения тарханских ярлыков казанскими ханами можно расценить как признак дальнейшей феодализации государства. С одной стороны, ханы, выделяя класс землевладельцев, получали социальную опору в лице привилегированного сословия тарханов, с другой, разрушали традиционные устои родо-племенной (соответственно и джиенной) земельной аристократии на местах, исключая возможность сепаратистских настроений.

Таким образом, джиенная система управления сельскими общинами, возникшая естественным путем исторического развития, была подчинена военной социально-политической системе Казанского ханства. Они являлись частью административного устройства государства. Во внутренних, хозяйственно-бытовых вопросах общинные объединения сохраняли свою самостоятельность, в связи с чем они сохраняли реликты родо-племенного строя. В некоторой степени замена родственных связей территориальными, т.е. процесс превращения родовой общины в сельскую территориальную общину, способствовала развитию феодальных отношений в государстве. Постепенно территория джиена или его часть в какой-либо форме объединения (улус, ил, сотня или пятидесятня, десятня) превращается в феодальное держание, пожалованное ханом за личную службу. Население данных землевладений рассматривалось как зависимое от феодальной элиты, облагавшееся налогом в виде ясака. Родовая взаимопомощь сменялась круговой порукой, тем самым представители племенной аристократии постепенно превращались в феодальное военно-служилое сословие.

Источники и литература

1. Алексеев В. Род, племя, народность, нация (исторические формы общности людей). – М.: Госполитиздат, 1962. – 52 с.
2. Ахметзянов М.И. К этнополитическим процессам в бассейне р. Ик // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. – С.58–76.
3. Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. – 672 с.
4. Борынгы татар әдәбияте. – Казань: Таткнигиздат, 1963. – 579 б.

дынских и Российском государствах XV–XVIII вв. // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Вып.1. – Казань, 2010. – С.39–41.

5. Бурганова Н.Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка (материалы и исследования). – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1982. – Вып.2. – С.20–67.

6. Габдуллин И.Р. Институт тарханства в постзолотоордынских и Российском государствах XV–XVIII вв. // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Вып.1. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. – С.37–48.

7. Галлям Р.Г. Сотенная организация ясачных поселений в уездах Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале последней четверти XVIII веков, как реликт эпохи Казанского ханства (социально-административный и организационно-территориальный аспекты) // Исторические судьбы народов Поволжья. Сб. статей. Вып.1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С.94–101.

8. Гариф И.Г. Казан ханлыгы: Оешу тарихы, идарэ системасы, административ буленеше һәм феодал вассаллык мөнәсәбәтләре. Чаллы олысы мисалында. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – 175 б.

9. История Татарской АССР. В 2 т. – Т.1. – Казань: Татгосиздат, 1951. – 660 с.

10. Исаков Д.М. О ранних кыпчакских этнонимах среди Волго-Уральских татар // Древнетюркский мир: история и традиции. – Казань, 2002. – С.60–67.

11. Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. – Уфа, 1957. – Ч.1. – 184 с.

12. Кычанов Е. Военно-административная система и управление государства Чингизидов // История татар с древнейших времен: В 7 тт. – Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С.95–96.

13. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – №22. – Симферополь, 1895. – С.35–82.

14. Мустахимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. – Вып.5. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С.31–47.

15. РГАДА. Ф.1312. Оп.2. Д.277.

16. Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. История и, право, филология. – Казань, 1964. – С.52–70.

17. Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. – Т.2: Г–Й. – 656 с.

18. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – 180 с.

19. Хисамутдинов Г.М. Общинный строй татар и его пережитки // Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – С.195–215.

20. Шарафутдинов Д. Как земля прогреется, собирается джиен // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2007. – №1. – С.306–313.

Б.Р. Хисмәтуллин

Казан ханлыгы авыл общиналарының жыен формасында берләшү системасы

Мәкаләдә Казан ханлыгының борыңгы ыруг-кабилә нигезендә барлыка килгән авыл общиналары, ягъни жыен тарихы анализлана. Казан ханлыгы авыл общиналары территорияль берәмлекләр нигезендә берләшкән була. Жыен системасын өйрәнү, Казан ханлыгының хәрби-административ бердәмлекләр, ыруг-кабилә жир биләүлекләре авыл общиналары нигезендә барлыкка килүен күрсәтә.

Ачкыч сүзләр: жыен, ыруг, кабилә, ыруг общинасы, авыл общинасы, ил, йөзлек, унлык, кнәзлек, олыс, тархан, жирбиләүчелек.

B.R. Khismatullin

Jien as a form of rural communities in the Kazan Khanate

The article discusses the process of traditional social organization of medieval states, the example of rural communities, Jien Kazan Khanate. Examines the process of transformation of the tribal community in the countryside, territorial community, united by the principle of territorial district. Study Jien organization based on the existing framework of the sources and historiographical shows that border djien districts coincide with the boundaries of administrative districts and feudal princes centers Kazan Khanate.

Keywords: Jien, tribe, tribal Community.

Хисмәтуллин Булат Ринатович – аспирант отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ; e-mail: Bulatbayer@mail.ru

Хисмәтуллин Булат Ринат улы – Татарстан Фәннәр академиясенен Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының урта гасырлар бүлеге аспиранты.

Khismatullin Bulat Rinatovich – the graduate student of the Department of medieval history of Sh.Marjani Institute of History of AS RT.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
- ГИА ЧР – Государственный исторический архив Чувашской Республики.
- ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий.
- ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии (при Казанском университете)
- К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет.
- МВД – Министерство внутренних дел.
- МНП – Министерство народного просвещения.
- НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан.
- НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.
- ННГУ – Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского.
- ОКВ – Оренбургское казачье войско.
- ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание.
- ОРРК НБ КГУ – Отдел рукописей и редкой книги Научной библиотеки Казанского государственного университета.
- ПСЗ–1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1.
- ПСЗ–2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2.
- ПСЗ–3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- УЗТГГИ – Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института.
- ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области.

СОДЕРЖАНИЕ

Аминов Р.Р. Комплектование татарами-казаками Оренбургского казачьего войска в докантонный период	3
Арсланова А.А. Персоязычные рукописи по астрологии и астрономии в собрании Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ	34
Гусаров Ю.В. История Чебоксарского духовного училища (1816–1918)	43
Загидуллин И.К. Составители прошений в период движения мусульман Казанской губернии против проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г.	60
Загидуллин И.К. Деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания по реформированию управления духовными делами мусульман в конце XIX – начале XX вв.	83
Корева Н.А. Реализация вексельного права среди татарских предпринимателей в первой половине XIX века	122
Пашина Е.В. Из истории Старой Тетюшской (Карлинской) и Новой Тетюшской засечных черт (вторая половина XVI – середина XVII вв.)	146
Свердлова Л.М. Из практики правового регулирования случаев банкротства в Казани в конце XVIII – начале XIX веков	176
Файзрахманов И.З. Торгово-промышленная деятельность казанских слободских татар в конце XVIII века	184
Фахрутдинов Р.Г. , Фахрутдинов Р.Р. Из истории христианизации татар Поволжья в XVIII в.	191
Хамитбаева Н.С., Багаутдинова Х.З. Благотворительность российских мусульман на страницах газеты «Тарджеман-Переводчик» (1885–1905 гг.)	204
Хасаншин Г.Р. Проблема «татаризации» нерусских народов Волго-Уральского региона в материалах Особого Совещания по мусульманским делам 1914 года	217
Хисматуллин Б.Р. Джиен как форма организации сельских общин в Казанском ханстве	228
Список сокращений	238

**Из истории и культуры
народов Среднего Поволжья
Выпуск 4**

Научное издание

Оригинал-макет – *А.Р.Тухватуллина, Л.М.Зигангареева*

Подписано в печать 09.10.2014 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ.л. 15,0 Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-98688-022-8

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

www.tataroved.ru